К 83.89 (=4Чв)
М54
К-47728

А.И.Мефодьев

ЧУВАШСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Истоки
Возникновение
Формирование

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет имени И. Я. Яковлева»

А. И. Мефодьев

ЧУВАШСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ I

ИСТОКИ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ

Монография

Чебоксары
2008

УДК 82(091)
ББК 83.83 (2 Рос – Чув)
М – 549

Мефодьев, А. И. Чувашская детская литература. Часть 1 : истоки, возникновение, формирование / А. И. Мефодьев. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 200 с.

Печатается по решению ученого совета ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

В работе автор обращается к истории чувашского детского фольклора и зарождения детской литературы, исследует образ чувашского ребенка в автобиографических очерках С. М. Михайлова, М. Ф. Федорова, Н. М. Охотникова и И. Я. Яковлева.

Научный редактор доктор филологических наук, профессор Н. П. Петров

Рецензенты:

Ю. М. Артемьев, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»;

П. Н. Метин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой чувашской литературы ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»;

В. П. Никитин, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской литературы ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева».

© Мефодьев А. И., 2008
© ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», 2008

ВВЕДЕНИЕ

Чувашская детская литература – органическая часть всего словесного искусства родного народа. Она родилась под его крылом, вместе с ним росла, накапливала силы и развивалась. За годы своей истории национальная детская литература добилась значительных успехов. Лучшие из лучших произведений стали достоянием российских и зарубежных читателей. В числе их авторов – П. Хузангай, Я. Ухсай, Г. Харлампьев, Л. Агаков, В. Давыдов-Анатри, Д. Кибек, А. Талвир, Г. Краснов, М. Юхма, Г. Луч, Г. Ефимов, Р. Сарби, В. Тарават, Ю. Семендер и многие другие. Наша детская литература помогает воспитанию в подрастающем поколении честности, правдивости, чувства патриотизма, интернационализма и национальной гордости, характера и воли, способности преодолевать трудности и препятствия, гражданского долга, любви к труду, словом, всех тех высоких качеств, которые составляют основу морального облика российского человека.

Детская литература своего профессионального роста и расцвета достигла не сразу и не вдруг. Она шла к этому постепенно, шаг за шагом, уверенно. Из каких же источников она зарождалась, какие трудности пережила в начале пути? Эти вопросы представляют большой интерес для ученых, педагогов, аспирантов, студентов, учащихся, для всех тех, кто имеет дело с детской литературой. Всестороннее исследование явлений начального периода развития литературы для детей создает основу для выявления ее состояния на следующих этапах истории, определения основных периодов ее формирования.

В чувашской художественной критике и литературоведении этой темы касался ряд ученых, педагогов и филологов. Так, профессор М. Я. Сироткин в своей монографии «Очерки дореволюционной чувашской литературы» (1948, 1967) в историческом аспекте исследовал некоторые детские произведения С. М. Михайлова, И. Я. Яковлева, К. В. Иванова и др. Профессор Е. В. Владимиров в книге «Обретения традиций» (1982) анализировал переводческое мастерство отдельных детских писателей. И. А. Зотов в работе «Художественный мир Константина Иванова» (1979) раскрыл роль пейзажа в детских произведениях поэта. Наиболее весомым вкладом в изучение начального периода развития литературы для подрастающего поколения были труды В. Я. Канюкова «Дореволюционная чувашская детская литература» (1954) и «Основные этапы развития чувашской детской литературы» (1954), являющиеся первыми в национальной науке обобщающими исследованиями

этой проблемы. После выхода этих трудов прошло более полувека. За этот период в социально-экономической и культурной жизни общества многое изменилось. Задачей первостепенной важности в литературоведении сегодня является обновление. Происходит переосмысление многих сторон историко-литературного процесса. Современная наука требует преодоления тормозящего воздействия сугубо классовых подходов к явлениям искусства, не признает стереотипов, готовых схем, идеологических и политических клише, ставит в исследованиях во главу угла приоритеты общечеловеческих ценностей.

В 2006 году вышел вузовский учебник проф. В. Г. Родионова «Чувашская литература», где с позиций современной науки по-новому глубокоаргументированно рассматриваются художественные процессы, происходившие в XVIII-XIX веках в национальном словесном искусстве. В нем одновременно затрагиваются и некоторые проблемы детской литературы в период ее возникновения. Высказано в этом плане немало верных наблюдений и свежих мыслей. Однако автор учебника, оставаясь в рамках основного поставленного им вопроса, естественно не мог ставить перед собой цели охватить все проблемы, связанные с возникновением литературы для детей. Поэтому-то вопрос исследования зарождения детской литературы – одна из актуальных проблем чувашского литературоведения, требующая скорейшего своего разрешения, изучения и обобщения. Автор поставил перед собой цель попытаться систематизировать и обобщить накопленный чувашским литературоведением опыт, а также выявить закономерности и важнейшие тенденции художественного процесса в период формирования национальной детской литературы на рубеже XIX–XX веков.

Работа состоит из четырех глав. В первой из них повествуется о дореволюционном детском фольклоре. Вторая глава посвящена старописьменному периоду чувашского литературного языка и предыстории возникновения национальной литературы для детей. Третья глава называется «Создание новой письменности и формирование детской литературы». В четвертой главе рассматривается образ ребенка в первых чувашских автобиографических очерках. Вторая и третья главы, кроме общего обзора литературного процесса описываемого периода, включают в себя анализ творческих портретов наиболее видных деятелей дореволюционной чувашской детской литературы: С. М. Михайлова, М. Ф. Федорова, И. Я. Яковлева, К. В. Иванова, Н. В. Шубоссинни.

Работа не претендует на роль исчерпывающего исследования по данному вопросу. Многие проблемы, поднятые в монографии,

требуют дальнейшего углубленного изучения. Автор рассматривает свою книгу как одну из основных ступеней к созданию полной картины возникновения и формирования чувашской детской литературы.

При подготовке настоящего издания были учтены замечания и пожелания докторов филологических наук профессоров Ю. М. Артемьева, Н. П. Петрова, кандидата филологических наук доцента А. Е. Горшкова и членов кафедры чувашской литературы ЧГПУ им. И. Я. Яковлева (зав. кафедрой проф. П. Н. Метин). Автор книги выражает им глубокую благодарность и искреннюю признательность за оказанную ему большую помощь.

I. ФОЛЬКЛОР – ЗОЛОТАЯ КОЛЫБЕЛЬ ЧУВАШСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

До зарождения чувашской детской литературы ее познавательную и воспитательную функции выполняло устное народное творчество, характерное многотемьем, разножанровостью, богатством содержания и форм. Фольклор является одним из главных источников возникновения национальной литературы для детей. Устное народное творчество – поистине золотая колыбель этой литературы.

Огромная роль в возникновении профессиональной детской литературы принадлежит детскому фольклору. Детский фольклор – плод народной педагогики, рожденный огромным жизненным опытом народа в воспитании детей; плод, который растет и развивается вместе со всем устным творчеством народа, являясь неизменным спутником фольклора и бытуя в нем.

Детский фольклор является неотъемлемой частью чувашского устного народного творчества, объединяющей мир детей и мир взрослых, включающей целую систему поэтических и музыкально-поэтических жанров фольклора. Это произведения, созданные и исполняемые самими детьми, а также заимствованные ими у взрослых, но переработанные в соответствии с психологией и потребностями детского возраста. Историю собирания и изучения детского фольклора начал С. М. Михайлов-Яндуш, записавший у народа и выпустивший в 1853 году первую детскую песенку «Синица» («Чи-чи кăсăя»). В дальнейшем в разные периоды и в разной степени принимали участие в этом деле Н. И. Золотницкий, В. К. Магницкий, И. Я. Яковлев, Г. Т. Тимофеев, И. Н. Юркин, К. В. Иванов, П. В. Пазухин, Н. И. Ашмарин, М. Д. Трубина, И. Д. Никитин, И. С. Тукташ, Г. Н. Волков, Н. В. Васильев, Г. Ф. Юмарт, С. Г. Ярославская и др. Наиболее весомым вкладом в науку был труд В. Я. Канюкова «Детский фольклор» («Ача-пăча сăмахлăхĕ», 1964), являющийся первым в чувашской фольклористике обобщающим исследованием детского фольклора.

Детский фольклор отличается разнообразием жанров, многотемьем, богатством содержания и высокой художественной формой. Чувашский детский фольклор представлен разными жанровыми группами.

Колыбельная поэзия (Сăпка çулĕнчисен поэзийĕ) включает в себя колыбельные песни (сăпка юррисем) и утешительно-развлекательные стишки (йăпатмалли сăвă-такмак). Колыбельные – короткие песенки, созданные матерями или нянями для

убаюкивания, усыпания младенцев. В них народ вкладывал свою душу, выражая свои думы и чаяния. Они проникнуты глубокой любовью родителей к детям, заботой об их будущем. В песнях народ стремится с ранних лет прививать детям любовь к труду, земле, Родине, учит их быть добрыми и трудолюбивыми, мастерами на все руки:

Чупса кайма чуппине.
Ыр çын пулма ырлăхне.
У-ух-ух!

Хороший бег тебе, чтобы успешно пробежать.
Счастья и блага тебе, чтобы стать добрым человеком.
У-ух-ух![*]

Прямым свидетельством древнего происхождения колыбельных песен является образ сна, который выступает как живое существо: ыйхă килчĕ (сон пришел), ыйхă пусрĕ (сон сдавил), ыйхă вĕçрĕ (сон улетел).

Чувашские колыбельные песни отличаются подробным описанием образа зыбки. В числе персонажей – сам младенец, мать, отец, бабушка, дедушка, брат, сестра ребенка, птицы (сорока, грач, утка и др.), и т. д. В сюжет в основном заложены светлые моменты, добрые благоприятные эпизоды. Устрашительные ситуации и образы типа волка и змеи, смерти почти не применяются. Во многих произведениях данного жанра присутствует колыбельный запев («ачине-паппине» и его вариации). Исключительную роль в них играют различного рода повторы: аллитерации, ассонансы, синонимы, тавтологические слова и выражения и т. д.

Утешительно-развлекательные стишки, являясь второй частью колыбельной поэзии, как бы продолжают дело по воспитанию ребенка, начатое колыбельными песнями. По цели назначения их можно разделить на следующие виды: стишки для успокоения проснувшихся и плачущих младенцев; стишки-приласкалки, используемые во время кормления детей; стихи для «утьăкка» (слова-восклицания при пестовании ребенка); частушечки для приучивания к ходьбе; частушечки-щекоточки; банные частушечки; частушечки для игр на пальцах; стишки, посвященные названиям дней.

В ***календарной поэзии (Календарь поэзийĕ)*** выделяются песни рождества (сурхури юррисем), масленицы (çăварни юррисем) и весеннего праздника «сĕрен» (обряда изгнания из жилищ душ умерших).

---

[*] Перевод текстов с чувашского на русский язык, кроме особо оговоренных мест, выполнен автором.

Тексты-обращения, заклички (Чĕнӳ-йыхрав сăвви-юрри) – поэтические обращения к окружающей природе и живому миру (к солнцу, воде, дождю, птицам, домашним и диким животным) и песни-призывы к сверстникам с приглашением чаще всего к играм и походам в лес за грибами, ягодами, орехами и т. д.

Произведения повседневной поэзии (Кулленхи сăвă-юрă) – соединительные стихи и песни, представляющие собой поэтические перечисления цепочки действий, явлений или событий, стихи-диалоги, бесконечные частушки (вĕçсĕр такмак), стихи-небылички (пулмасла халап-такмак), плясовые стишки (ташă сăввисем). В репертуаре первых двух звеньев обнаруживаются песни взрослых или их реминисценции. Характерным отличием стихов-диалогов является то, что в них ситуация начинается с малого, постепенно разворачивается, усиливается и приходит к неожиданным результатам. Импонируют в них мастерски скомпонованные сюжеты и композиционная цельность. В стихах-небыличках развиваются совершенно невероятные с точки зрения здравого смысла события. Например: одна коза съедает целую грядку капусты; заколют козу – амбар заполнится мясом; амбар так велик, что невозможно даже слышать голоса жеребцов, стоящих в четырех его углах; лошадь кушает меньше, чем лягушка; лягушка прыгает в озеро и осушает его; озеро так велико, что даже парень не может пробежать вокруг него.

Игры и игровые песни (Вăйă-выляв юррисем). В жанровом плане они подразделяются на простейшие игры (ансат вăйăсем), песни, посвященные началам игр (вăйă пуçламăш юррисем), в том числе молчанки (шăп-шăприн сăввисем), частушки-считалки и стихи-жеребьевки (шут такмакĕсемпе шăпа сăввисем), игры-жеребьевки (шăпа ямалли вăйăсем); сюжетные игры (сюжетлă вăйăсем), хоровод (вăйă карти), другие игры (ытти вăйăсем). В играх детей нашли отражение многие стороны чувашской жизни, крестьянского быта, народного мировоззрения. Сами названия игр – «Весенний сев» («Ака тумалла»), «Сеем коноплю и лен» («Кантăр-йĕтĕн акмалла»), «Сенокос» («Утă çулмалла»), «Уборка капусты» («Купăста касмалла»), «Хлеб печем» («Çăкăр пĕçермелле») – говорят о связи игр с сельским бытом.

Дразнилки (Витлешӳ такмакĕсем) – однострофные произведения, посредством которых высмеиваются пороки, передразниваются имена. Дразнилки выкрикиваются одним мальчиком (девочкой) или группой детей, сопровождаются пренебрежительными жестами. Содержание их чаще всего грубое, может быть неблагожелательное, в тексте встречаются непристойные слова. Для дразнилок характерен резко

акцентированный ритм:

Хĕветура – тăват ура,
Тĕклĕ ури – тĕкĕлтура.

Феодора – четыре ноги,
Ноги в перьях – точно шмель.

Поддевки-шутки (Шӳтсем) строятся или в форме вопросов и ответов, или в форме стишка со словесной ловушкой в конце, проговариваются быстро и часто имеют несколько композиционных линий. Они развивают внимательность и сообразительность.

– Екитка, Микитка и Пощипай пошли на базар. Екитка с Микиткой вернулись домой. Один остался, упав с телеги. Кто упал?

– Пощипай.

– Давай, пощипаю.

Скороговорки (Хăвăрт сăмах) – труднопроизносимые стишки и фразы для быстрого повторения и проговаривания. Они сочетают однокоренные или созвучные слова и обильны аллитерациями и ассонансами, должны произноситься выразительно, ритмично и быстро:

Алтăр çăлтăр – çич çăлтăр.
Çиччĕ калап – сăвап пултăр.

Большая медведица – семь звезд.
Семь раз говорю – пусть будет благо.

Тайный язык (Вăрттăн чĕлхе) – текст, используемый детьми среднего возраста в своем кругу с тем, чтобы младшие не узнали его содержание. Для этого говорящий может, например, в начале, в середине или в конце каждого произносимого слова вставить однозвучные слоги и выражения, а тот, кому предназначен этот текст, мысленно отчленяет их, стараясь вникнуть в исходный смысл.

Сказки (Юмах-халап) – наиболее распространенный жанр чувашского фольклора. Среди самых любимых детьми – сказки-небылички (пулмасла халапсем), бесконечные сказки (вĕçсĕр юмахсем), волшебные сказки (асамлă юмахсем) и сказки о животных (чĕрчун юмахĕсем). Вся система образов сказок-небыличек, как и стихов-небыличек (перепелочка, заяц, жеребенок), противоречит реальному миру. Все действия в них – сплошные логические ошибки. Бесконечные сказки («Сказка ореха» («Мăйăр юмахĕ»), «Сказка проса» («Вир юмахĕ»),

«Сармантей») отличаются кумулятивностью, цеповидностью сюжета, в котором каждый эпизод связан с предыдущим и последующим, в конце может резко прерваться или вернуться к началу. Сказки о животных и волшебные сказки («Сказка козы» («Качака юмахĕ»), «Нога медведя» («Упа ури»), «Медведь и девочка («Упапа хĕрача»), «Кукла» («Пукане»)) импонируют детям занимательностью сюжета, завораживающими образами, интересным содержанием, приключенческой направленностью.

Рассказы и басни (Калавсемпе юптарусем) – небольшие нравоучительные произведения, близкие по жанру к сказкам. Сюжет их прост и краток. Это в основном диалоги двух героев, в числе которых могут быть дети, их родители, звери, птицы, рыбы, насекомые, неодушевленные предметы. Рассказывая о событиях, которые могут произойти в жизни, эти произведения учат осторожности, находчивости и сообразительности. Для них характерны намеки, иносказательность, ирония. В основу многих из них («Нет лучше матери» («Аннерен хакли çук»), «Калач» («Кулачă»), «Три рыбы» («Виçĕ пулă»)) положены пословицы и поговорки.

Таким образом, основы чувашской детской литературы заложены еще в фольклоре, в том числе и детском. В образцах фольклора накоплены многие мудрые мысли, порожденные многовековым опытом трудового народа. Чувашский фольклор определил и принципы изобразительности, и жанровые формы профессиональной детской поэзии, и сюжеты литературных сказок, рассказов и повестей, обогатил все жанры национальной детской литературы.

II. СТАРОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Предпосылки зарождения чувашской детской литературы появились в середине XVIII века, в период старописьменной национальной литературы. По сути дела, литература для детей сделала свои первые шаги одновременно с взрослым словесным искусством родного народа.

У истоков возникновения всей чувашской литературы, в том числе и детской, в XVIII веке стояли церковники-просветители В. Г. Пуцек-Григорович и Дамаскин (Д. С. Руднев). Это – люди, имевшие высшее духовное образование, широкий кругозор и интеллект, руководившие духовными учебными заведениями в Поволжье, душой болевшие за улучшение нищенского положения народов этого края, стремившиеся оказать им всяческую помощь, провести при помощи церкви идеи русских просветителей XVIII века, прививать передовую европейскую и русскую культуру.

В. Пуцек-Григорович и Дамаскин, поставив перед собой цель заниматься просвещением народов Поволжья, хорошо понимали, что ее невозможно выполнить без профессионально подготовленных национальных кадров. А их не было. И они взяли эту миссию – подготовку педагогов – на себя. В те годы духовные семинарии, расположенные в Казани и Нижнем Новгороде, ежегодно принимали на учебу по несколько человек из «инородцев». В числе семинаристов были и чувашские ребята.

Старания В. Пуцек-Григоровича и Дамаскина сразу же принесли свои плоды. Во второй половине XVIII века впервые появились в печати (1767, 1781, 1795) три стихотворения на чувашском языке. Авторы их неизвестны. По предположению исследователей, их могли написать учащиеся Казанских духовных учебных заведений [1, 426; 2, 256, 258]. На появление их оказывали опосредованное влияние просветители-проповедники В. Пуцек-Григорович и Дамаскин.

Неизвестные авторы – молодые чувашские семинаристы – посвятили свои стихи духовным отцам – правителю государства и руководителям духовных учреждений. Первое стихотворение, написанное одним из учеников Казанской новокрещенской школы от имени чувашских детей, посвящено Екатерине II и прочитано ей в 1767 году в доме «Иерусалим», находившемся на окраине г. Казани. По жанру это панегирик с высокопарным стилем.

Пелместапар абирь тя минь барас парня.
Сана чиберь патша пора-мырынь Анння!

Јоратныжан пиря пелместа мар халчень
Тора хужу сюлдя пелзан и дах чечень,
Памалых сяванжен, ни-минь сјох чон анчах,
Парня вырня полдар вулда аппинь санах [3, 45].

«Прекрасная царица, наша матушка, мы не можем придумать,
Чем вознаградить тебя, за любовь твою к нам.
Мы, не ведавшие до сих пор Бога небесного,
Познав его, преисполнились благости.
Отблагодарить за это мы ничего не имеем за собой, кроме душ наших.
Да пусть будут они тебе даром нашим»

(подстрочный перевод Н. Петрова)

Поэт-учащийся при обращении к Екатерине II использует форму не множественного, а единственного числа («сана» («тебе»)). Это объясняется тем, что чуваши к самым близким и дорогим людям обращаются именно от единственного числа. По предположению автора, императрица России таким человеком и является. При характеристике ее автор стихотворения применяет эпитет «чипер». Этот термин на русский язык переводится как «прекрасный, красивый, хороший» [4, 204]. Поэт царицу называет матерью («анння»). Напрашивается философский вывод: люди, обращающиеся к человеку со словом «мать», считают себя его детьми. В данном случае учащиеся-чуваши новокрещенской школы относят себя к сыновьям Екатерины II. Глубокую благородность выражают они ей за то, что та помогла им «познать» бога. «Отблагодарить за это мы ничего не имеем за собой, кроме душ наших, – признается далее лирический герой-повествователь, – да пусть будут они даром нашим тебе».

Чувствуется, что начинающий поэт неплохо разбирался в технике стиха, недаром он в духовной школе проходил курс риторики. Произведение написано в силлабо-тоническом стиле.

Данное стихотворение является одним из первых чувашских поэтических произведений, написанных на внятном, профессиональном литературном языке, понятном детям как низовых, так и верховых чувашей. Его по праву можно считать стихотворением, открывающим историю не только всей чувашской, но и детской литературы, так как его авторство принадлежит учащемуся и в него вложены думы и чаяния чувашских детей далекого прошлого.

Перейдем к анализу второго стихотворения, автор которого также неизвестен. Это произведение, датируемое 1781 годом, произнесено на торжественном вечере по случаю открытия Казанского наместничества:

Авал чошнЂ торе аслЂ аттЂзяне
Пит хораться бачче тюре сиррызене:
Эхаль сявах торень сивлыж пала
Кулуг усле анне барать синь пирень, хоть тюрень,
Рабазер и вашле, хош сявын сипзЂне
Тувза кЂзык хиберь тюрдеть пирингонпе
Конда чась пить кибзе тау тума сырЂ
Селем тюрезем ыд! Лаих сяк ись бЂлЂ
Чоньба пить килезе, торе сюр худбадер.
СюлнЂ пиринь телеин Чиберне рабазыр [5, 40].

В старину правитель нашим дедам,
Угрожая, прививал свои наставления.
Несмотря на это, сейчас в согласии с духом
Вновь великая мать вручает нам новый документ.
Это рождает интерес, воодушевляет наши души.
Прийти сюда почаще и отблагодарить Вас –
Милые приятели, это очень приятно.
Бог пусть даст от души сотни раз счастья,
Безмерную красоту мира небесного.

(смысловой перевод мой – Мефодьев А. И.)

Это стихотворение во многом напоминает предыдущее. Автор и здесь – учащийся духовной семинарии. Написано оно опять как посвящение. В центре произведения вновь образ Екатерины II («аслă анне» («великая мать»), вручающей документ об открытии наместничества («парать çĕн хот пире»), воодушевивший души и сердца местного населения («тăвса кăсăк: хĕпĕртеттерет пирĕн чонне»).

Данное произведение близко к предыдущему и по структуре, и по технике стиха.

Третье стихотворение (без указания авторства) посвящено Казанскому архиепископу Амвросию (Подобедову) в знак благодарности за выделение денег на ремонт зданий духовной семинарии. Первый раз оно опубликовано в 1795 году [6, 31].

По предположению проф. В. Г. Родионова, это стихотворение мог написать обучающийся в духовной семинарии Никита Бичурин, будущий великий русский востоковед, увлекавшийся в тот период поэзией [2, 233]. По утверждению чувашского ученого, первоначально в тексте произведения пятой строки («Сана, атия, пуççапма, таву тума килетпĕр») могло и не быть. Она в данном случае звучит «прозаично, не согласуется с общей ритмикой стихотворения». Ее мог добавить при печатании к русскому варианту редактор издания [14, 109].

Паян эпир айла тайнатпăр:
Порĕ пĕрле хĕпĕрпе* калатпăр:
Паян эпир ытах савнатпăр
Пӳрсе çоратнă санăн кон.
Сана, атия, пуççапма, таву тума килетпĕр.

Сана тавă, атте, пире врентнишĕн,
Рехмет сана хварманнишĕн.
Ватличчен телейлĕ пол,
Нумай çол порниччен сыв пол.

Сей день мы, низко кланяясь,
Все вместе радостно взираем на тебя.
Сей день мы очень веселимся,
В день рождения твоего.
Тебе, отцу, поклониться пришли мы.
Слава тебе, отец, за обучение нас,
Хвала тебе, что не оставил нас.
Будь счастлив до преклонных лет
И будь здоров на много лет.

(подстрочный перевод М. Я. Сироткина)

Как и предыдущие два стихотворения без авторства, это произведение несет форму посвящения, выражения благодарности высочайшему чину. Если в первом стихотворении главная героиня – Екатерина II – названа матерью, здесь главный герой – Амвросий – назван отцом.

Таким образом, все три стихотворения объединяет одно общее: их авторы – учащиеся духовных семинарий, в их сочинениях – мысли и думы чувашских детей старшего возраста того времени, их первыми читателями и слушателями являлись их коллеги – чувашские дети-семинаристы. Эти стихи схожи по тематике (посвящение видным личностям), по жанру (панегирик с высокопарным стилем), по технике стиха (силлабо-тоника, ямб, мужские открытые рифмы). Их объединяет также структурная близость.

В вузовском учебнике проф. В. Г. Родионова значится поздравительная эпиграмма чувашского ученика из Казанской духовной академии А. М. Алмазова, адресованная (1795) епископу Амвросию Подобедову, прилагавшему немало усилий к просвещению нерусских народов:

Едваль столь Александр* народов победил,

* Хĕпĕр – радость, веселье из арабского *хибер.*
* Александр – Александр Македонский

Колико Пастырь! Ты ученьем просветил.

Ученым в книге приведен также ряд новых прозаических хвалебных текстов тех лет (1787, 1788, 1801), посвященных царям и другим дорогим людям, написанных неизвестными авторами – воспитанниками духовных учебных заведений Казани и Нижнего Новгорода (14, 97–99). На взгляд исследователя, хвалебные слова, посвященные царю Александру I, мог написать в 1801 году П. И. Талиев, обучавшийся тогда в Казанской духовной семинарии [14, 117].

В ходе учебы в Нижегородской духовной семинарии с хорошей стороны проявил себя Ермей Рожанский.

В 1748–1753 годах, как было уже отмечено, у руля Нижегородской епархии находился В. Пуцек-Григорович, который заметил одаренного чувашского мальчика Ермея Рожанского, помог ему поступить в семинарию и вовлек его впоследствии в научную и творческую работу. Под руководством В. Пуцек-Григоровича была создана первая грамматика чувашского языка, вышедшая в свет без указания имени автора, места и года издания. По утверждению профессора В. Г. Родионова, одним из авторов этой книги является Е. Рожанский [8, 353].

В дальнейшем на развитие творческой деятельности Е. Рожанского наряду с В. Пуцек-Григоровичем оказывал также Д. Семенов-Руднев (Дамаскин), управлявший в 1783–1794 годах Нижегородской епархией. При его содействии в этот период в Нижнем Новгороде сложилась переводческая школа по переводу духовной литературы на языки народов Поволжья и Приуралья. Она объединяла молодых переводчиков-семинаристов от инородцев. Из чувашей в этой комиссии работали семинаристы Иван Татинский, Иван Русановский и Григорий Рожанский. Чувашскими и татарскими толмачами руководил Е. Рожанский. При содействии Дамаскина в 1784–1785 годах был составлен двухтомный «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих», содержащий русскую, татарскую, чувашскую, мордовскую, марийскую лексику.

В дальнейшем по просьбе Дамаскина Е. Рожанский переложил на чувашский язык букварные тексты Л. Бакмейстера «Речи для перевода» (1773) и «Краткий катехизис» (1788), которые имели большое значение в возникновении и становлении чувашской детской литературы. До современного читателя дошли 23 таких текста. Все они адресованы представителям юного поколения. Эти речи Л. Бакмейстера по характеру и содержанию, стилю и структуре были удобными и доступными детям, обучающимся грамоте. Они представляют открытое описание

основных качеств предмета или образа, которым посвящен текст. В них показан окружающий детей мир природы. Речи написаны короткими, простыми предложениями, отличаются краткостью и логичностью, не утомляют малышей при чтении. Мысли в них предельно ясны, нет многословия, пустозвонства, излишества в описаниях природы, лишних эпизодов.

Все это переводчик сохранил в своих текстах. Они ничем не отличаются от оригиналов. Переложенные на чувашский язык речи звучат четко, живо и интересно. Чувашский ребенок их воспринимал как произведения, написанные на родном языке.

Первый блок речей скомплектован из названий чисел: от 1 до 22, 30, 40, 50, 60, 70, 71, 72, 80, 90, 99, 100, 200, 1000: пря, икЂ, висЂ, твата, пилик, олта, сиче, сакар, тухур, вона, вонберь, воникЂ, вонвисЂ, вонтвата, вонпилик, воноЛта, вонсиче, вонсакар, вонтухур, сирим, сирим бирь, сирим икЂ, вутур, хирих, алла, отмал, ситьмель, ситмиль пря, ситмиль икЂ, сакарвона, тухурвона, тухурвона тухур, сюрь, икЂ сюрь, пинь.

Перевод произведен Е. Рожанским на доступном всем чувашам произношении. Чувашские дети впервые получили тексты для чтения и счёта на близком и понятном родном языке. Вот сюжет, посвященный матери и детям: «Амыш чоптувать хувун ачазама. Онан чичизамра сють нумай. Опушка она jорадать» («Мать целует своих детей. У ней в титках много молока. Муж ее любит») [15, 21]. Рассказ рассчитан на то, чтобы дети, читая его, еще раз сосредоточили свое внимание на святости образа матери, на ее терпении и умении отдавать детям все, растить, воспитывать их. Переводчиком мысли оригинала доведены до маленького чувашского читателя точно. Предложения построены правильно: подлежащие, сказуемые и другие члены предложения находятся на своем месте. В тексте присутствуют слова «ачисама», «чиччисамра», с не характерными для современного языка окончаниями «сама», «самра». По утверждению проф. Л. П. Сергеева, чуваши, живущие на границе нынешних Моргаушского и Ядринского районов, пользовались словами с аналогичными окончаниями. Со временем под влиянием литературного языка они утеряли первоначальную форму и приняли окончания «-сене», «-сенче» («ачисене», «ачисенче»). Так что Е. Рожанский правильно понимал и применял в переводе стиль народного языка своего времени.

Привлекает юного читателя текст, посвященный теме «Здоровые дети»: «Кузам твата ача шибах таза: пря козать, икши сигеть, висши jорлать, тватши колать» («Сии четыре мальчика все здоровы: первый бежит, другой скачет, третий поет, четвертый смеется») [15, 2]. Интересна также речь, посвященная теме «Отец и дети»: «Бичей санын сывлеть; йимак санан сюврать. АдЂй

сЂрин сювармасть. Вул сјеть изЂь та сагал» («Брат твой чихает; сестра твоя спит. Отец ваш не спит. Он ест и пьет мало) [15, 21]. Ряд текстов посвящен предметам и явлениям природы. Вот строки, характеризующие образ птицы: «Сяга каик холян визЂть. Вул ларкалать сирь синче. Онан сјонатсам хора, сумза сивче, хура вара кюдюк. Онан ювара шора симарда зам» («Эта птица летает тихо. Она садится на земле. У ней перья на крыльях черные, нос вострый, а хвост короткий. У нее в гнезде белые яйца») [15, 21]. Этот текст по построению и образности близок к жанру рассказа. Главный герой – птица. О ней не раз слышали дети еще в народных сказаниях и песнях. Произведение рассчитано на то, чтобы, прочитав его, детвора закрепила свое восприятие мира, наслаждалась красотой пернатых друзей. Рассказ учит детей тому, что птицы являются неотъемлемой частицей живой природы, приносят огромную пользу ей и нуждаются в помощи и защите людей.

Большую ценность в информационно-познавательном плане для детей представляют строки о биологическом существе человека: «Сумза питьра вуда сирдЂ. ПердЂ икЂ ора, хараберьда аллара пиликшар порня. Сюсь сам ситнессЂ пось синче. Чильга шилъ замба сюварда. Сылдам алла хватларах солайран. Сюсь вурум синьзЂ да. Јон херлЂ. Шунузам сирип чол бак» («Нос по среди лица. У нас две ноги. На каждой руке по пять пальцев. Волосы растут на голове. Язык и зубы во рту. Правая рука сильнее левой. Волос долог и тонок. Кровь красная. Кости крепки, как камень») [15, 21]. Чувашский перевод лаконичен и динамичен, просто и четко передает суть оригинала. В нем нет никаких отклонений от русского текста, лишних слов и выражений. Для переводного текста характерен литературно отточенный стиль, близкий и понятный для каждого чувашского ребенка.

В числе переложенных на чувашский язык имеются рассказы, посвященные рыбам: «Полазамъра кось сам бор, хулгазам вара сјок» («У рыбы есть глаза, а ушей нет») [15, 21], деревьям: «Йивусь синче симись сювюлчизам пызак да торат сам» («На дереве зеленые листья и толстые сучья») [15, 21], луне «Оих сјолдардан аслы, хвель дан вара кисинь» («Месяц больше звезды, а меньше солнца») [15, 22]. Эти и другие переведенные на чувашский язык строки по содержанию и форме также ничем не отличаются от оригинала, это лишний раз подтверждает глубокие знания Е. Рожанским специфики чувашского и русского языков, его высокое переводческое мастерство. Это справедливо отмечает также проф. В. Г. Родионов [14, 92].

В 1797 году появился в печати [9, 18] текст для выступления на чувашском языке в честь приезда в Нижний Новгород царя

Павла Первого. А. В. Васильв и Г. Ф. Юмарт [1, 426] считают, что автором его является Е. Рожанский. По жанру его можно считать ритмической прозой, отличающейся ощутимой упорядоченностью ритма.

Этот прозаический текст во многом напоминает появившиеся до этого в печати три стихотворения, о которых мы говорили. Авторами и здесь, и там являются воспитанники духовных семинарий. Одинаков у них жанр. Это – посвящение, восхваление выдающихся людей. Близки они по структуре, лексике и ритмике. В то же время прозаическое произведение отличается от стихотворных разнообразием изобразительно-выразительных средств. Проф. В. Г. Родионов заслуженно называет его «жемчужиной» художественной литературы XVIII века [14, 100].

Церковники-просветители В. Г. Пуцек-Григорович и Дамаскин, а также их ученики-воспитанники оказали заметное влияние на расширение сети учебных заведений в Поволжье и Приуралье. Как было отмечено ранее, вышеуказанные деятели христианской культуры придавали большое значение комплектованию контингента учащихся Казанского и Нижегородского духовных семинарий за счет детей нерусских народов Поволжья и Приуралья, в том числе и чувашского.

В 1783 году Дамаскин организует в Нижегородской семинарии изучение языков народов Поволжья, в том числе и чувашского. Дело, начатое в XVIII веке видными церковниками-проповедниками, получает дальнейшее развитие в первой половине и середине XIX века их воспитанниками. В чувашском крае начали открываться новые учебные заведения или отделения с изучением родного языка.

Открытие в чувашском крае новых учебных заведений, охват детей различными формами обучения (школы, училища, академия), изучение в них чувашского языка способствовали появлению учебников, книг, словарей, учебно-методических пособий, научных трудов, активизации переводческого дела. Учащиеся Нижегородской духовной семинарии Г. Рожанский и И. Русановский в 1789–1790 годах написали учебник чувашского языка, состоящий из 130 уроков.

В 1804 и 1807 годах в Москве на чувашском и русском языках издана книга «Пичиксе катихизис, кугярна* чуваш зам вали чуваш чильгибе, чибер биляс жин тюре вырыс закон не и Тора килли юла на да. Хозанды школка замь ра 1803 сиол да, аг'а оих ра – Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык, для удобнейшаго им уразумения Православного христианского закона, с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятисловия. В Казанской Академии, 1803 года,

* Кугярна – іугерна.

Апреля месяца». Первые 6 листов этой книги занимал букварь «Начальное оучение человеком, хотящим оучиться книг божественного писания». Проф. В. Г. Родионов считает, что перевод этой книги осуществлялся под руководством П. И.Талиева, работавшего тогда в Казанской духовной академии [14, 117]. Данная книга переиздана и в 1853 году. Букварь знакомил с алфавитом, состоящим из 38 букв, совпадающими с буквами из грамматики Е. Рожанского («Гражданские письмена»). Здесь же приведены числа церковные (в буквах) и цифровые (1–20, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, 1000, 2000, 3000, 4000, 5000, 6000, 7000, 8000, 9000,10000), перечислены знаки препинания. В 1832 году В.П.Вишневский под названием «Хотла вирянясшин чуваш чильги-бе» («Букварь для обучения чтению по-чувашски») создал свой вариант букваря. Он вместе с другими переведенными с русского языка материалами («Кюскя святой іомаге» («Краткая священная история»), «Кюсъкя катихизисъ» («Краткий катехизис»), «Десятисловие») вошел в книгу «Начатки христианского учения»[**]. Букварь В. П. Вишневского, в отличие от предыдущих, заметно отличается в качественном плане. В нем, как и в ранних букварях, приведен алфавит, состоящий из 33 букв (на 5 букв меньше, чем в предыдущих). Буквы расположены в две колонки: в одну – заглавные, в другую – строчные. В алфавите В. Вишневского, как и в алфавите Е. Рожанского, буква ***й*** отсутствует, хотя она в текстах книги употребляется: «Тора первей тувре сюдсяндалыгга сирьба іозавзыр» («В начале Бог сотворил небо и землю не устроенные») (с. 11). В колонках «Склады» алфавит четко и понятно разложен по слогам. Перечислены знаки, употребляемые в письме (острое ударение – |, тяжелое ударение – \, придыхательное – ^, точка – . , двоеточие – : , знак вопроса – ?). «Краткая священная история» и «Краткий катехизис», переведенные на чувашский язык В. Вишневским, в течение 30 лет занимают роль учебного пособия по чтению.

Переводческое дело, основанное Е. Рожанским во второй половине XVIII века с его текстами «Речей для перевода» Л. И. Бакмейстера (1773) и «Краткого катехизиса» (1788), получит дальнейшее продолжение в первой половине XIX века в творчестве многих толмачей. Так, И. Протопопов переложит на чувашский язык манифест, посвященный началу первой мировой войны (1812). А. Алмазов переводит с русского проповеди (1818). Через два года (1820) он издает в Казани книгу под названием

[**] Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на чувашском языке: С присовокуплением кратких правил для чтения [Пер. В. Вишневского]. – Казань : Университет. тип., 1832. – 149 с.; 19 см. – 120 экз. С 4–7 – Букварь для обучения чтению по чувашки.

«Слово о христианском воспитании детей». Эта книга, содержащая идеи, близкие народной педагогике, стала своего рода учебником для воспитания юного поколения того периода. В 1820 году в Казани же на чувашском языке в переводе П. Яблонского, Я. Березина, Я. Федорова и других выходит книга «Святое евангелие». В том же году в Петербурге издается текст Н. Базилевского «О цели библейского общества». В 1845 году священник Матвей Вишневский переводит на чувашский язык работу митрополита Дмитрия «Вопросы и ответы». Работали в роли переводчиков, как было уже отмечено, П. И. Талиев и В. П. Вишневский.

В первой половине XIX века заметно оживляется в чувашской культуре научно-исследовательская тенденция. Следуя положительному примеру В. Пуцек-Григоровича, Дамаскина, Е. Рожанского, активно подключается в это важное дело новое поколение, среди них В. П. Вишневский, П. А. Аноров, А. С. Протопопов, А. И. Артемьев и др.

Таким образом, возникновение чувашской детской литературы в значительной мере связано с именами В. Пуцек-Григоровича и Дамаскина. Благодаря их усилиям чувашские дети получили возможность учиться в духовных учебных заведениях. С их легкой руки в чувашском крае начали открываться школы и училища. Появилась молодая национальная интеллигенция, которая активно включилась в педагогическую и научную деятельность, в создание букварей и учебников для детей, в усиление переводческого дела. Все это создало условия для появления первых элементов детской литературы, авторами которых были учащиеся духовных учебных заведений, в том числе Ермей Рожанский, Никита Бичурин. В их творчестве преобладали духовная тема, жанры оды и панегирика, небольшие рассказы и очерки.

Новый толчок возникновению литературы для детей дало появление на небосклоне чувашской культуры С. Михайлова-Яндуша. На его творчестве мы остановимся отдельно.

Детской темы коснулось и творчество В. И. Лебедева. Так, сведения о социально-бытовой жизни чувашских подростков, положении их в семье присутствуют в его очерке «Симбирские чуваши» (1850). Рассказывая о дневных занятиях своих соплеменников в домоводстве и провождении времени, он пишет: «Чуваши встают зимою очень рано, часа в три-четыре-пять, не позднее шести. Хозяин просыпается первым. Вслед за отцом встают все домочадцы; умывшись и выпив по ковшу воды, принимаются за работу, не оконченную прошлым вечером. Отец садится на нары, курит трубку, а сыновья отправляются на карду (скотный двор – *А.М.*) убирать скотину и задавать корму. Девицы между тем

впускают в избу кур, уток, а иногда гусей, кормят овсом, приносят в избу дров, воды. Хозяйка топит печку, начинает месить хлеба… Вечером девицы сходятся на посиделки, затевают веселый разговор, начинают прясть лен или пеньку, шить или вышивать белье. Сыновья принимаются одни за лапти, а другие за починку оброток (конская узда без удил – *А. М.*), иные вьют веревки» [13, 184]. В. И. Лебедеву принадлежит цикл приключенческих рассказов («Звериная ловля у симбирских чувашей).

Огромное влияние на просвещение чувашей, а через него и на формирование литературы для детей, оказала общественно-просветительская и научная деятельность Н. И. Золотницкого (1829–1880), разработавшего собственную систему обучения на родном языке, развернувшего неутомимую работу по изданию и распространению чувашских книг. В 1867 году им составлен новый чувашский алфавит из 32 букв, который отличался от предыдущих – Е. Рожанского (1769) и В. Вишневского (1832) – тем, что в нем впервые были учтены фонетические особенности родного языка. На основе своего алфавита Н. И. Золотницкий составил букварь «Чуваш кнеге» и первый печатный календарь «Сӧлдалык кнеге» (1867), выпустил корневой чувашско-русский словарь (1875). Его букварь предназначался для пользования в начальном обучении чтению, письму и счету на родном языке. Он состоял из алфавита, материалов для упражнения в чтении, официальной части (молитв и заповедей), а также текстов для обучения счету. Букварь составлен с учетом особенностей строя народной речи верховых чувашей и насыщен текстами фольклора, чего не было в предыдущих книгах, выпущенных для детского чтения. В пословицах и поговорках, народных изречениях, приведенных в букваре, много материала практического характера: житейские советы, пожелания в жизни, поучения и наставления. Примеры: Выгыт иртсэнь сирла татма каймассе – Вăхăт иртсен çырла татма каймаççĕ (По истечении времени за ягодами не ходят); Ислемэзыр ларма намыс – Ĕçлемесĕр ларма намăс (Стыдно сидеть, сложа руки); Сояна аякалла тюксэ-яр, тюррине кала – Суяна аяккалла тĕксе яр, тӳррине кала (Ложь гони прочь от себя, говори правду); Халых исьне перь син туваймасть – Халăх ĕçне пĕр çын тăваймасть (Мирное дело одному не под силу) (перевод В. Я. Канюкова). Таким образом, по сравнению с предыдущими букварями, книги Н. И. Золотницкого были шагом вперед. В то же время они имели и свои минусы. Написанные на основе старой чувашской письменности, они не всегда были доступными и понятными для детей; а также издавались на языке верховых чувашей, что затрудняло их восприятие низовыми чувашами.

СПИРИДОН МИХАЙЛОВ

Спиридон Михайлович Михайлов-Яндуш (1821–1861) – славный сын чувашского народа, один из первых национальных этнографов, писателей, историков, ученых. Он создал основу чувашской научной школы, внес значительный вклад в науку и культуру родного народа. В число бесценных его творений вошли такие исследования, как очерки «Чувашские свадьбы» (1852), «О музыке чуваш» (1852), сборник «Чувашские разговоры и сказки» (1853), «Капустники» (1855). В своих трудах он также освещал историю родного народа. Собирал и обрабатывал произведения фольклора. Им создано немало оригинальных художественных рассказов, очерков, легенд и стихов, отличающихся логичностью изложения, композиционной завершенностью и прекрасным стилем.

В литературном творчестве и научной деятельности С. М. Михайлова значительное место занимает детская тематика. Творческое наследие его, связанное с детской направленностью, обучением и воспитанием подрастающего поколения, условно можно разделить на 4 взаимообусловленных блока: 1) идеи, посвященные организации работы образовательных учреждений среди инородцев; 2) описание форм и методов народного воспитания детей; 3) создание образов чувашского ребенка в художественной публицистике; 4) написание литературных и записывание фольклорных произведений с тем, чтобы включить их в список для детского чтения.

С. Михайлов проявил справедливое недовольство по поводу образовательной политики в стране среди нерусских народов, по этой части имел выверенные своим жизненным опытом взгляды и наблюдения, высказывал полезные советы и предложения. Им в свое время в императорское географическое общество была представлена, по его признанию, «довольно обширная статья о сельских приходских училищах» [10, 232]. В статье «О приходских училищах в чувашских селах» он пишет: «С учреждением Министерства государственных имуществ в чувашских селах открыты приходские училища, которых в каждом уезде находится от 5 до 10 и в которых наставниками определены или сами священники, или богословы, кончившие курс наук в духовных семинариях и поступающие в учителя до открытия себе священнических вакансий. Цель образования в них чувашлят состоит в том, чтобы развить между этим народом грамотность, а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обыкновенно русскими» [10, 200]. Далее автор отмечает, что у наставников семинаристов мальчики учатся очень хорошо, потому что они постоянно могут

ими заниматься в классах, а у тех – нет, так как они наряду с преподавательской работой заняты еще священническими обязанностями. В статье «От чего чуваши давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления» ученый с горечью сообщает, что в инородческих сельских училищах «большая часть наставников не занимается как должно своими учениками, другие по целому месяцу не бывают в классах, и даже из них есть такие, что двери училища постоянно находятся на замке. Можно сказать, что они числятся наставниками для одного только жалованья, а ученики приходят в училища для одного вида» [10, 181]. В этом же материале автор также подвергает справедливой критике порочную практику набора контингента учащихся без учета их желания получить образование. «Стараются записывать в ученики детей из таких семейств, которых не охотно обучать их, а добровольно желающих учиться грамоте отвергают для соблюдения своих интересов… Писаря, старшины и некоторые из духовенства, вместо прилежания к просвещению чуваш, стараются как можно продолжать в них закоренелое невежество, дабы они с постепенным образованием не могли не перебить им дорогу на пути тунеядства и проч. …» [10, 181–182]. В статье «Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде» С. Михайлов предлагает разумно подходить к выбору территории для размещения приходских училищ. Настаивая на восстановлении в Ишаках закрытого недавно данного учебного заведения, он доказательно мотивирует, что «село Ишаки лежит на восточной стороне Козьмодемьянского уезда, а село Чермышево-Еласы – на западной; в первом находится священником славный чувашский проповедник А. А. Кречетников, а во втором – проповедник горных черемис, отец благочинный М. С. Кроковский, с возобновлением в Ишаках приходского училища, один из них просвещал бы на востоке чуваш, а другой на западе – черемис» [10, 195].

Не оставался С. Михайлов равнодушным к дальнейшей судьбе окончивших приходские училища, хотел, чтобы они дальше развивались, обогащались новыми знаниями, повышали квалификацию по профессии, стали любимыми работниками среди населения. Он с болью в сердце констатировал, что поступившие после окончания приходских училищ опытнейшие мальчики, «будучи в полном распоряжении писарей и других старших должностных лиц, … более употребляются на частные домашние занятия, чем на письмоводство, отчего другие мальчики теряют и начатки воспитания, полученные в училищах. Сверх того, находясь под руками неблагонамеренных руководителей, чуждых всякого образования, они портятся и в нравственности: достигши каких-нибудь 16–17 лет, усваивают себе все те пороки, какие имеют их

руководители и прочие окружающие их безнравственные люди» [10, 200].

С. Михайлов считает целесообразным в крупных и богомольных чувашских селах, как Ишаки и Чемеево, открыть центральные училища с тем, чтобы чувашлятам дать духовно-нравственное образование: «кроме чтения и писания, преподавать им церковные правила, дабы они лучше могли понимать о христианской религии, и притом учить их церковному чтению и пению» [10, 201]. В ученики он рекомендует записывать таких мальчиков, которые сами желают учиться, и не брать насильственным образом из корыстных видов. Тогда, несомненно, нашлось бы среди чувашей желающих учиться грамоте, им надо дать только хорошее направление.

С. Михайлов православным христианам в организации образовательного процесса предлагает брать в нужной мере пример и от раскольников, у которых грамота более развита, чем у церковных христиан, которые учат не только мальчиков, но и девочек.

Таким образом, С. Михайлов в своем творчестве охватил самые важные и разносторонние вопросы воспитания и обучения детей. Он с учетом всех фактов, обстоятельств политического, идеологического и социально-экономического положения родного народа разработал ценные рекомендации по искоренению среди чувашей невежества и суеверий, приобщению их к христианской идеологии, по преодолению произвола, беззакония, вымогательств, беспредела чиновничества среди них. В первом идеологическом блоке рекомендаций он предлагает семь мер, среди которых важнейшей является проповедь, пропаганда христианского учения на родном языке «инородцев» и развитие школьного образования. Совершенно прав профессор В. Д. Димитриев, предполагающий, что «С. М. Михайлов стоял и за начальное обучения в школах на родном языке» и является в сущности «первым чувашским просветителем», предвосхитив в этом плане Великих педагогов народов Поволжья Н. И. Ильминского и И. Я. Яковлева [10, 468].

С большим удовольствием и желанием С. Михайлов рассказывает в своих сочинениях о том, как чуваши в его пору занимались воспитанием своих сыновей и дочерей. Для каждой возрастной группы детей они имели свои формы и методы, подходы воспитания. Эта работа у них, как и у других народов, начинается с момента рождения ребенка и продолжается вплоть до вхождения его во взрослую среду. Это – процесс постоянный, непрерывный. С переходом от одной возрастной группы к другой ребенок получает дальнейшее развитие, обогащение за счет новых эффективных мер и технологий воспитания.

Основательно изложена данная проблема в статье «Краткое

этнографическое описание чуваш», разделы которой посвящены рождению и воспитанию детей, занятиям, уходу за скотом и птицами, играм и праздникам, бытовой жизни чувашей. В ходе ознакомления с текстом статьи перед глазами предстает обобщенный образ чувашского мальчика и девочки середины XIX века с колыбельного возраста до их совершеннолетия, а также методы воспитания детей у чувашей того периода. Уже с зыбки чувашский ребенок получает благоприятное воздействие на него народной педагогикой. Родимое, национальное, дорогое вносится в его организм еще с молоком матери. «Мать питает свое дитя сначала грудью, а не соскою, как у русских» [10, 93]. «С освобождением ребенка от пеленания одевают его в рубашку с красненьким воротничком» [10, 94]. Почему с красным? Потому что это – цвет жизни (красный и желтый, являющиеся символами древа жизни и солнца, – самые любимые цвета у этого народа). В чувашской семье проявляется постоянная забота о здоровье ребенка. «Часто его моют, начиная от самого рождения, согретою в котле водою, а богатые даже с мылом, в ночвах тагана» [10, 94]. В ряде случаев начинающего двигаться дитя «пускают на произвол, и в таком случае ребенок, ползая по избе, играет с собакою, кошкою или с ягнятами в зимнее время; часто колотится об пол при игре с животными, или сии последние царапают и бодают его, отчего он кричит так же, как и неприятели его – ягнята *пудяк*» [10, 94]. При этом родители придерживаются двух целей: первое – подготовить ребенка к самостоятельности в жизни; второе – ознакомить его и сблизить с живой природой, окружающим миром.

Чувашский младенец с первых шагов начинает приобщаться к одному из трех основных духовных богатств родного народа – песенному искусству. Так, «могущие вставать на ноги ребята по большей части сами качаются в зыбках, вставши и держась обеими ручками за край зыбки. Они при этом распевают так же, как и матери их: э-эх! э-эх!» [10, 94].

Самостоятельность в жизни прививается ребенку в чувашской семье и во время обеда. «Когда ребенок отвыкает от груди и прорежутся у него зубы, то сажают его вместе с большими за общий стол, за которым он ест *яшку* наряду с прочими и, при неосторожном употреблении кушанья, обливается» [10, 94]. При этом ребенок ставится в равноправное положение со всеми взрослыми членами семьи. Родители обычно самые вкусные и калорийные продукты, имеющиеся в доме, подадут в первую очередь ребенку. «Мать, чтобы утешить малютку, когда он плачет, сулит ему яства (сыры и яйца – А.М.), говоря: “Не плачь, сынок” *Ан магыр, увылым* (или «дочка» *хирим*). “Принесу тебе сластей” *Иза килям сана валли ненне,* «сыр» *чигыт* или «яичко» *сюмарда.*

Ребенок радехонек, перестает плакать от сих посулов матери; наконец, получивши кусок сыра, гложет его с большим удовольствием» [10, 94]. Проявляется по этой части забота о детях и по линии пап. «Отцы, когда бывают на базарах, привозят оттуда маленьким детям калачей, а богатые и пряников. Ребята от того в большом восхищении и готовы калачи и пряники есть с хлебом» [10, 94].

Дети чувашей, как и у других народов, в раннем возрасте заняты куклами. Изготовлением их, прежде всего, они занимаются сами. При создании кукол дети в основном используют подручный природный материал. Так, «маленькие девочки у чуваш делают куклы для игры не из тканей или материй каких-либо, а из разноцветных листьев, либо древесных, либо травяных, и украшают их полевыми или маковыми цветами из огорода» [10, 102].

Чувашские дети с младенческого возраста находятся около работающих родителей: в доме, в огороде, в поле. «В рабочую пору небольшие, а в особенности грудные, дети берутся матерями с собою» [10, 95]. Они, по мере взросления, все больше и больше привлекаются к домашнему труду. Мальчики и девочки от 7 до 10 лет – самые активные помощники родителей по ведению семейного хозяйства. «Когда у чуваш ягнятся зимою овцы, то ребятишки выходят по ночам осматривать, не объягнилась ли овца, и когда найдут ягненка, несут его с восхищением в избу, и тот, который прежде всех нашел его, называет его уже своим ягненком» [10, 104–105]. Дети «помогают матери прясть *арлама*» [10, 95]. «В рабочую пору ребятишки остаются домовничать *киль пыхма* … Оставаясь дома на воле, резвятся, поют песни, как на свадьбах, играют в дудочки … Между играми занимаются и дельным: дают корм приходящим с реки утятам *кувагал сюры* и гусятам *хор сюры*; собирают роняемые гусями и курами перья *тюкь,* которые наконец продают закупщикам и деньги оставляют у себя для покупки вышесказанных дудок и лакомств; сверх того под вечер, перед возвращением домашних с поля, встречают стадо и загоняют скотину на двор» [10, 95–96].

После 10 лет характер выполняемых детьми работ постепенно усложняется. «От 10 лет мальчики начинают плести лапти и боронить, а 14 и 15 лет выезжают и пахать, в особенности из тех семейств, где нет работников. Зимой таковые мальчики ездят за дровами в лес, ходят за скотиною, словом, почти исправляют всю домашнюю работу; в свободное время некоторые ходят ловить зайцев тенетами, гнут на продажу дуги, делают салазки, а лет 18 считаются совершенными работниками» [10, 96]. А «девки лет 12 помогают матери в рукоделии, вышивают для рубах вороты *сиога,* а с 15 лет начинают и ткать холсты *пир*» [10, 96]. Они также

участвуют в приготовлении продуктов питания для семьи. Так, «весною, когда покажется зелень, собирают снить *сэрде* и борщ *балдран* и с этою зеленью варят *яшку,* а на зиму довольно запасают *балдрана* на случай недостатка капусты» [10, 96].

В жизни чувашских детей большую роль занимают игры и увеселительные мероприятия. Родители при этом всегда поддерживают их интересы. По мере увеличения возраста мальчиков и девочек сложнее и разностороннее становятся и характеры их развлечений. При этом они закаляются и крепчают физически, все ближе и ближе общаются с природой, с родимым краем. Дети «от 7 до 10 лет более играют на дворе и на улице; катаются зимою на салазках, так что приходят домой только поесть; можно сказать, что одна заря их выгонит, а другая вгонит. Достаточно удивления, как чувашские дети переносят зимою холод: в одних кафтанишках или в каком-нибудь худеньком полушубке – им и горя мало. Весною ребятишки находятся почти постоянно на дворе, около журчащих ключиков, на которых ставят мельницы и тому подобные игрушки» [10, 95]. «Весною чувашские ребята увиваются более еще около берез, во множестве находящихся в околице каждой деревни и рассаженных дедами и прадедами. Приманивает их к сим священным деревьям то, что чуваши выпускают из них сок, который тогда ребята пьют как единственный нектар» [10, 95].

Каждое время года сулит детям свои прелести и радости. «Зимою у чувашских девиц по ночам частые бывают посиделки, или сидки, *олах,* и собираются они по приглашению подруги, у которой отец с матерью уехали надолго в гости … Девки тут прядут *арлать,* распевая песни, а молодцы плетут лапти, вьют веревки, другие же курят только трубки да играют на гуслях. Посидевши довольно за занятиями, они, наконец, бросают дела и принимаются играть. Любимая их игра в лычки *пожытла* … Бывают на посиделках много ребятишек, которых старшие пугают, нарядившись тайно каким-нибудь чудовищем или пугалою…» [10, 98]. «В Рождество или пред Рождеством дня за два холостые и девицы, собравшись в одно место вместе с ребятишками обоего пола, ходят вечером по домам с гуслями и пузырями и в каждом доме, в который придут, кричат *сорых оры* … и кидают по горсти орехов, а за неимением их дубовые желуди *иггель* или горох. Ребятишки при сем случае бросаются на пол подбирать добычу, толкая друг друга…» [10, 99]. На масленице «холостые и девицы разъезжают на санях с колокольчиками по окольным деревням … Ребятишки катаются с гор на салазках *сонаска*» [10, 99–100]. «В летние ночи мальчики более бывают при конских табунах, которые они пасут на подножном корму, а у кого нет сыновей, там выходят в табун сами отцы или посылают дочерей. Мальчишки и девки в табунах во всю ночь поют песни,

как на свадьбах, и даже пляшут под звуки маленького пузыря, в который играет кто-нибудь из мальчиков, и хлопают в ладоши … Старшие же мужчины, сидя у разложенного костра, курят трубки и рассказывают сказки и разные свои приключения, как и в лачугах в досужное время» [10, 99].

Итак, данный публицистический материал С. Михайлова содержит основные формы и методы воспитания детей у чувашей в середине XIX века. Основное внимание уделялось народом трудовому, нравственному, патриотическому и эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Чувашскому дитя с раннего возраста вплоть до его совершеннолетия активно прививались национальные черты родного народа. Первоначально, в колыбельном состоянии, эти добрые народные качества вливались в малыша с молоком матери. Впоследствии, в течение всех возрастных периодов, в детях плавно и настойчиво воспитывались самостоятельность, любовь к природе и родному краю, тяга к труду и другие положительные качества.

Ознакомившись со статьей С. Михайлова, воочию убеждаешься в том, что формированию характера чувашского ребенка XVIII–XIX веков, выработке у него положительных национальных черт, добрых трудовых, нравственных и эстетических начал способствовали следующие факторы:

1) зыбка, любовно и искусно исполненная родителями или другими мастерами для новорожденного из качественного и привлекательного лубка, круглая, похожая «на гнездо большой птицы» [10, 93];

2) куклы, сделанные в большинстве случаев самими же детьми из подручного природного материала, способствующие развитию их мастерства и таланта и сближению с окружающими миром и природой;

3) национальные музыкальные инструменты: пузырь, гусли, ной и дудочки, звуки которых постоянно сопутствовали детям в их играх и потехах. Например, дудочки мальчики носили «за пазухою как необходимую утеху» [10, 95];

4) игры, проводимые разновозрастными детьми в разное время года на разной территории: на дворе, на улице, на горках, за околицей, на лугу, на лоне природы. Эти игры помогали мальчикам и девочкам закаляться физически, выработать в их характере дух дружбы и взаимопомощи, коллективизм и патриотизм, любовь к природе и родному краю;

5) праздники и обряды: *сурхури, çăварни, улах, çимĕк,* в которых активное участие принимали дети всех возрастов, выполняя каждый отведенную ему роль;

6) труд, посильный, разносторонний, отвечающий интересам детей всех возрастных групп, усложняющийся по мере вырастания мальчиков и девочек.

Данный материал С. Михайлова во многом способствует восстановлению образа чувашского ребенка и подростка тех далеких лет. Он дополняет новыми штрихами детский портрет самого автора, изображенный им в своем автобиографическом очерке.

В произведениях С. Михайлова заметное место занимают созданные им образы детей. Это, во-первых, он сам – Спиридон (в автобиографическом очерке), далее – персонажи очерков-рассказов: Вася («Злополучный сын»), Крки («Рассказ дедушки Ивана о жизни в прошлом и происхождении названия “вирьял”»), Палли («Рассказ дедушки Фрола о Пугачеве»), Олёк («Выговор Матрены дочери Ольге за отлучку к пузырнику»).

Произведение «Злополучный сын» написано С. М. Михайловым в феврале 1860 года, представлено в Русское географическое общество и не было опубликовано. В советское время, в 1951 году, напечатано в переводе на чувашский язык в составленной М. Я. Сироткиным хрестоматии «Чăваш литератури (Октябрьти революцичченхи тапхăр)». По жанру его так же, как и «Разговор на постоялом дворе», следует отнести к очерку-рассказу. В основу сюжета положено документальное событие, взятое из жизни семьи тестя автора. Произведение имеет четкую структуру: зачин, концовку, завораживающий и интригующий сюжет, характерные для жанра рассказа.

В центре произведения – трагическая судьба 16-летнего русского мальчика Васи. Он – член многодетной семьи, младший из сыновей. Отец его в поисках счастья отправил вместе с немолодым приказчиком в дальнюю Сибирь на торговую службу. По прибытии в Иркутск они познакомились с одной ловкой женщиной, которую приказчик принял к себе на должность экономки и стал с нею сожительствовать. Женщина, узнав, что ее дружок имеет при себе крупную сумму денег, обокрала его, а вину свалила на Васю. Так оклеветанный и опозоренный мальчик оказывается в тюремной камере, претерпевает страшные муки и страдания. Через два года Вася освобождается из тюрьмы и отправляется этапом на Родину. С большим трудом беспаспортный молодой человек добирается домой, где его вновь ждут неприятности, разочарования. Отца уже нет в живых. Ему и старшему брату Ивану грозит военная служба. И Василию придется пойти за свое семейство в рекруты, где для него начинаются новые трудности и тяготы. Молодой человек здесь полностью подрывает свое здоровье и вскоре совсем уходит из жизни.

С. Михайлов своим произведением хочет подчеркнуть, что в жестоком мире обмана и насилия, видимо, нет жизни честному, порядочному человеку. Его главный герой, скромный, искренний,

трудолюбивый, заботящийся о своих родственниках, придерживающийся принципов «не мстить врагам и не воздавать злом на зло», сгорает в жестоком безжалостном мире капитала.

При создании образа Васи автор умело использует разнообразные изобразительные и выразительные средства. Среди них эпитеты (молодой, белокурый, невинный, беззащитный, несчастный, злополучный мальчик), сравнения («чист как голубь», «Вася, как честный гражданин», «Васю, как негодяя»), яркообразные формулировки («Получал кусок хлеба, который вкушал, обливая потом и слезами», «обливался горькими слезами», «нес крест по юдоли плачевной», «бросается на шею матери и плачет долго-долго, до тех пор, пока не затмились в растроганном его сердце все злострадания»), пословицы и поговорки («волки сыты и овцы целы», «деньги и камень долбят», «не пустишь душу в ад, не будешь богат»), церковно-христианские изречения («страх божий», «господь бог», «царствие небесное», «мир праху твоему», «вся цена креста»). Как юмор сквозь слезы звучат строки заключительной части произведения: «Вася, злополучный Вася, недолго служил царю: он помер в молодых летах. Вероятно, господь бог призвал его получить венец правды в царствии небесном, за тот крест, который он терпеливо перенес, на юных раменах» [10, 373].

В диалоге «Рассказ дедушки Ивана о жизни в прошлом и происхождении названия “вирьял”», кроме самого старика, изображен еще один человек – Крки (Григорий). Это – скорее всего подросток-юноша. Сделать такой вывод позволяют следующие факторы. Во-первых, дед Иван называет его «ачам» («сынок», «молодой человек»). Во-вторых, дома у него есть отец, был и дедушка («мунази»). В-третьих, он задает пожилому человеку такие вопросы, которые может задавать только подросток (это – вопросы, касающиеся событий, происходивших не в период жизни самого молодого героя, а намного раньше). Крки – любопытный, любознательный молодой человек. Его интересует «жизнь чуваш в старину», история родного народа: почему верховых сородичей его называют «вирьялами», почему раньше чуваши были намного чище и богаче нравственно, чем сейчас, почему они в былые времена выращивали высокие урожаи зерновых, получали больше дохода от пчеловодства и т. д.

Этот диалог-рассказ описывает взаимоотношения чувашских детей и их родителей середины XIX века, характеризующиеся обоюдным уважением и вниманием. Дедушка Иван при беседе с молодым человеком не держит себя высокомерно и надменно, не ставит свою персону выше молодого партнера по диалогу, разговаривает с ним как с равной собой личностью, сидит с ним за одним столом, проявляя гостеприимство, угощает его пивом. Он

рассказывает ему о достижениях родного народа в хозяйственном строительстве в старые времена. А молодой товарищ внимательно слушает его, попутно задавая ему интересующие его вопросы. Молодого человека беспокоит то, что некоторые положительные трудовые навыки и традиции, выработанные его соплеменниками в прошлом, ныне незаслуженно забываются. И молодой человек невольно задает старшему собеседнику вопрос: «Халь ма апла сиок?» («Теперь почему не так?»). После отрицательной характеристики дедом современной жизни и ее людей («Хальхи саман урих тюслю; халык та авалги эдем бек мар» («Теперешнее время иного рода; народ-то не таков, как старинные люди») у подростка вновь возникает беспокоящий его душу вопрос: «Ме? Сют сяндалык пирях? Эдем да пир сюслю?» («Почему? Белый свет один и люди такого же рода?») [10, 391]. Из разговора Крки со стариком Иваном видно, что он горит желанием извлечь соответствующие уроки и выводы из этой задушевной беседы и готов участвовать лично в претворении в жизнь добрых трудовых устоев, патриотических и нравственных традиций родного народа.

При встрече с дедом Крки ведет себя скромно, деликатно и вежливо. Пришедши к старику, в первую очередь он здоровается («Лаих порнатны, Ювашка мучи, минь исляза ларадын?» («Здорово ли живешь, дедушка Иван, за какою работою живешь?»). При уходе домой с признательностью за полезную беседу поклоняется перед пожилым человеком («Сыва пол, рахмат сюкур тувара» («Прощай, благодарю за хлеб да соль»). Подросток хорошо понимает, что дети должны вести себя прилично перед старшим поколением, они не имеют права появляться перед родителями в непристойном виде, тем более в нетрезвом состоянии. Поэтому, уходя домой после угощения гостеприимным стариком пивом, Крки говорит: «Усрю полза каяс поле: ати ятле мана. Нумай сяк сырая исьсан, кондан орызане де пустярынман» («Пьян напьюсь: отец будет бранить меня. Если много этого пива попьешь, и ног отсюда не уберешь») [10, 392–393].

Образ Крки во многом напоминает и другого молодого героя – Палли (Павла) из диалога «Рассказ дедушки Фрола о Пугачеве». По возрасту он – такой же подросток, по манере поведения – такой же скромный и порядочный, по интересам – такой же любопытный и любознательный. Палли, как и его сверстник из предыдущего произведения, не хочет оставаться Иванушкой, не помнящим своего рода, не знающим истории родного края. Он просит рассказать деда о похождениях Пугачева по чувашской земле и с большим желанием слушает его.

С. Михайлов в своих произведениях изобразил в основном детей мужского пола. Но наряду с ними встречается в его творческом наследии и одна девочка. Это – чувашская девчонка Олёк (Ольга) – героиня диалога под условным названием «Выговор Матрены дочери Ольге за отлучку к пузырнику», опубликованного в той же вышеназванной книге «Чувашские разговоры и сказки» (1853). На чувашском языке этот текст издан в книге «Революцичченхи чăваш литературипи» («Дореволюционная чувашская литература», Чебоксары, 1984, т. I, с. 106).

Писатель знакомит нас с типичным образом девочки-чувашки далекого XIX века – девочки без образования, работящей, смирной, преданной своим домашним, стремящейся к свободе и равноправию, имеющей тягу к музыкальному искусству. Олёк наделена всеми положительными качествами своих сверстниц той поры. Она обладает исключительным трудолюбием, выступает как настоящая помощница родителей в хозяйственных делах: ухаживает за скотом, готовит и варит суп для возвращающихся с поля отца и братьев, убирает посуду, месит тесто. Девочка послушна и исполнительна, уважает старших, любит своих родителей, беспрекословно исполняет их поручения, дружит со своими сверстницами. Олёк имеет склонность к музыке и пению. Эта любовь и привела ее к соседям Васильевым, чтобы послушать там звуки национального музыкального инструмента пузыря, исполняемые пузыристом Никитой, за что получила нагоняй от своей матери. Мать ее Матрена, как и другие члены семьи, темна, безграмотна, суеверна, жестока и груба из-за жизненных невзгод своей эпохи. Женщина боится того, как бы музыкант не совратил ее дочь. Весь смысл и надежду в жизни она видит лишь в единственном тяжелом крестьянском труде, к которому хочет привязать и свою дочь.

По жанру это произведение можно считать небольшой пьесой-сценкой. Это – один из первых оригинальных образцов чувашской профессиональной драматургии. Конфликт и характер в ней находятся в единой крепкой связке. Диалог Матрены и ее дочери Олёк ясный и прозрачный. Произведение отличается четкостью мыслей, своеобразием стиля, оригинальностью и неповторимостью характеров. Перед нами яркие образы чувашских женщины и девочки далекой старины.

Наконец, большая заслуга С. Михайлова в истории чувашской детской литературы состоит в том, что он создал первые оригинальные произведения, достойные для включения в список текстов для детского чтения. К ним, на наш взгляд, следует

отнести следующие произведения: очерки-рассказы «Хитрая кошка», «Разговор на постоялом дворе», «цикл рассказов «Про вятчан», записанные у народа детские песни «Синица»», «Песня ребят чувашских», «Ути, ути, утка», гостевые песни, предание «О Сарые», сказки «Поглощены землей», «Дружба между черемисом и медведем», пословицы и приметы, загадки и прибаутки.

Произведение «Хитрая кошка», датированное 24 февраля 1858 года, было представлено писателем в Русское географическое общество. Оно написано в аллегорическом, анекдотическом ключе. Действие происходит в одной крестьянской семье. У русского мужика было две коровы. Вдруг одна из них захворала. Хозяин решил продать ее «тороватому мяснику, скупающему больных коров на убой по ничтожным ценам» [10, 364]. Вырученные от продажи деньги положил в горшок. Жена, не знавшая об этом, налила туда молока, надоенного утром от оставшейся здоровой коровы. Спохватившись, супруги решили исправить свою ошибку. Десятирублевый билет, пропитанный молоком, повесили сушить. Тут произошла другая беда. Старая хитрая кошка, сидевшая где-то рядом и зорко следившая за ситуаций, «стремительно схватила с лучинки билет вместо пенки и с ним исчезла на дворе» [10, 364]. Супруги начали ловить ее. Но у них ничего не вышло: кошка успела сжевать и проглотить десятирублевку. Так мужик был наказан за то, что продал людям мясо больной коровы. Произведение кончается словами автора: «Мужик, продавши корову, хотел экономию соблюсти, но, напротив, сего не состоялось, по пословице: “Человек предполагает, а бог располагает”» [10, 365]. И это – урок не только для людей старшего поколения, но и для молодых. Обманом далеко не поедешь, надо жить честно и праведно, лучше это надо начать с детства.

До сих пор в научных и литературных изданиях, школьных и вузовских учебниках это произведение называлось рассказом. На самом деле это очерк-рассказ. Очерковый характер его подтверждает высказывание самого автора: «привожу здесь одно замечательное обстоятельство, случившееся в недавнее время при подобной проделке» [10, 364].

Проста и доступна схема построения сюжета произведения всем категориям читателей. Вначале изложено философское суждение автора о бытовавшей в то время у населения негативной традиции «распродать больную скотину на убой». Потом – плавный переход к конкретному случаю из жизни, изложение самого факта, вывод-обобщение. Автор излагает эпизод в рамках народной педагогики: «Не обманывай других, сам же будешь обманутым», «Добывай успеха, куй счастье своим горбом». Сюжет начинается с пословицы («И на старуху бывает проруха») и ею же кончается («Человек предполагает, а бог располагает»). В тексте

присутствуют и другие образные выражения: «Своим действием грешит только перед богом, а не экономию соблюдает», «как нарочно себе на беду», «вор-кот», «Васька-кот», «сама себя раба бьет, коль не чисто жнет» [10, 364–365].

«Хитрая кошка» – подлинно детское произведение, имеющее эстетическое и дидактическое значение. Но оно долгое время находилось вне ведения юных чувашских читателей, дошло до них лишь в 1946 году, после перевода и издания на родном языке. С тех пор этот рассказ регулярно включается в школьные учебники, является любимым произведением чувашской детворы.

Также сложилась судьба другого произведения – «Разговор на постоялом дворе», датированного 12 декабря 1859 года. Произведение было представлено в Русское географическое общество и осталось неопубликованным. И на чувашском языке оно было издано лишь в советское время, после войны.

В основу данного произведения положен диалог между автором-повествователем и вдовой-мещанкой – хозяйкой постоялого двора. В нем описываются гнет, произвол и беззаконие, которые творили в чувашской деревне середины XIX века царские сатрапы – писари, головы, купцы и лесничие. Хочется согласиться с профессором В. Г. Родионовым, который находит в этом произведении схожие черты с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева [2, 240]. Чувашское литературоведение по-разному толкует название жанра этого сочинения. М. Я. Сироткин [11, 27] и В. Д. Димитриев [10, 487] считают его очерком, а В. Г. Родионов [2, 240] – рассказом. На самом деле, правильнее было бы отнести его к жанру очерка-рассказа, т. к. в нем одновременно присутствуют элементы и путевого очерка (адресность имен и событий), и художественного рассказа (наличие авторского вымысла, четкой композиции и системы образов, свободного развития сюжета).

Это произведение имеет непосредственное отношение и к детской тематике. Во-первых, оно, знакомящее с жизнью и проблемами чувашей середины XIX века, имеет историческое значение; и его вполне можно включить в список для детского чтения. Во-вторых, в данном произведении присутствует образ ребенка. Это – «маленький резвый мальчишка, босой, в ситцевой рубашке». Он «бегает по избе и шалит» [10, 365]. Отец его – офицер, служит в армии. Он оставил сына погостить у бабушки. «Знавши, что отец его офицер, мальчик кричит: “И я барин! И я барин!”» [10, 365]. К сожалению, этот очерк-рассказ дошел до чувашского читателя с большим опозданием. Лишь в 1946 году он был переведен на чувашский язык и включен в книгу-хрестоматию «Октябрьти революцичченхи чăваш литератури» («Дореволюционная чувашская литература»), подготовленную

Иваном Мучи и Хведером Уяром.

В дневнике С. М. Михайлова за 1855 год обнаружены тексты четырех из более 20 рассказов про вятчан, отправленных автором в журнал «Москвитянин» и утерянных. Сохранившиеся произведения изданы впервые в 2004 году в Чебоксарах в собрании сочинений писателя-ученого. В оригиналах подлинных текстов автором названия не указаны. А в «Собрании сочинений» составителями они условно названы так: «Была ли голова у вятского охотника?», «Как вятчане нахлебались толокна», «Никто из вятчан не хотел лечь с краю», «Не успевши переехать, стали онучки сушить».

По жанру это рассказы-анекдоты нравоучительного характера, проникнутые юмором и иронией. Обычно их сюжеты построены на основе одного эпизода или события. По объему они короткие: состоят лишь из 3–4 абзацев. Соответственно и героев мало. В первом рассказе это – мужики-охотники и жена одного из них, во втором и третьем – мужики-торговцы и солдат, в четвертом – мужики, переправляющиеся через Вятку. Эти рассказы интересны и привлекательны как для взрослого читателя, так и для юного.

В первом рассказе повествуется о неудачной попытке нескольких мужиков поймать в лесу медведя. «Приходят они к его берлоге и принимаются за дело. Один из удальцов подходит ближе к медведю показать свою ловкость и поразить медведя. Но Мишка Топтыгин, не много думая, скарабкав его, оторвал ему голову, оставив в виду зрителей одно туловище удальца, сам с головою его исчез в берлогу. Прочие охотники изумляются, спрашивают друг друга: “Была ли у товарища их голова?”» [10, 374–375]. Таким образом, несогласованный, неколлегиальный, легкомысленный подход крестьян к охоте приводит к трагическому исходу. Идея произведения проста и ясна: прежде чем приступить к рискованному делу, необходимо основательно продумать его решение, «семь раз надо померить», обстоятельно изучить ситуацию, принять надежные меры по безопасности.

Смысл второго рассказа перекликается с предыдущим. Герои произведения – мужики-обозники, отправляющиеся обозом продавать толокно. «Проезжая рекою Вяткою, усмотрели, что один проходящий солдат, сделавши во льду небольшую лунку, развел свои сухари и кушал их» [10, 37–59]. Интересующимся мужикам он усмешкой отвечал, что ест толокно. Те, следуя примеру солдата, сразу сделали на реке большую прорубь и вылили в нее из своих возов толокно на весь коллектив. Но сколько ни вылили в реку толокна, не сумели дождаться своей любимой еды: толокно уносилось стремлением воды под лед. Один из мужиков подумал, «что толокно, вероятно, сидит на дне реки, и с такою догадкою мыр в реку» [10, 375]. Оставшиеся

наверху из-за долгого невозвращения своего друга засомневались, что он там, может быть, один ест толокно. И друг за другом прыгали в воду толокна хлебать. И автор с едкой иронией замечает: «И до сих пор там хлебают, запрудивши свою Вятку толокном» [10, 375].

В третьем рассказе приводится спор между мужиками-торговцами, собравшимися на ночлег на летней лужайке, из которых никто не хотел спать с краю. Их проблему легко разрешил появившийся в этом месте солдат. «Взял он и заострил кол, вколотил его в землю, а мужикам велел лечь кругом головою к колу, и тогда всяк из них стал в середке, а с краю – никого» [10, 375]. Этим рассказом автор поет гимн большой мудрости и глубокому разуму человека, подвергает критике тупость и нелепость несмышленых людей. Идея произведения ценна и актуальна как для представителей старшего поколения, так и для детей и подростков.

В четвертом рассказе описывается трагический случай, происшедший с вятчанами при переправе через реку. Из-за отсутствия лодки была использована при этом большая колода. «Эти отважные пловцы, дабы не свалиться с колоды в воду, севши верхом на нее, опущенные в воду ноги связали» [10, 377]. После того, как оставшиеся на берегу люди оттолкнули их, так колода с пловцами сразу же «перевернулась с всадниками, поднявши завязанные ноги их вверх» [10, 378]. Тогда товарищи с берега закричали: «не успели вы переехать через реку, а уже онучки сушить!» [10, 377]. И автор в заключении аналогично, как и в первых трех рассказах, иронизирует со слезами на глазах: «Но им было не до смеха, когда головы их ловили окуней в воде, которых и до сих пор ловят, но домой не приносят» [10, 377].

Неоценима роль С. Михайлова в истории чувашской культуры как фольклориста. Записывал он песни как взрослых людей, так и детей. Притом не ограничивался лишь собиранием их, а также переводил их на русский язык, давал по ним свою трактовку и публиковал. Детская песня «Чи-чи кăсăя» («Синица») напечатана С. Михайловым в 1853 году в «Казанских губернских ведомостях» (№ 29) и в его книге «Чувашские разговоры и сказки», изданной в том же году в Казани. Записанная у своих сородичей данная песня, проходя через творческую лабораторию автора, вновь вернулась к народу и получила широкую популярность. Еще в 1873 году она вошла в школьный учебник для чувашских детей.

…Чим чим кызыя!	Постой, чижик!
Шта каядын кызыя?	Куда ты летишь?
– Кандыр вуры	– Конопляное семечко

симяшкын.
Я хози корзасын?
– Чиршь туррыне хобарып.
Чиршь туррыне тарзасын,
Онда мин сиин?
– Чиршь ьиггеллине онда ларза сиип.
Я пырна ларзасын?
– Чавып та кларып.
Я ион тохсасын?
– Шува каип та тазалып.
Я шинза кайзасын?
– Вот хорып та ужунып.
Я ору пизьсэ кайзасын?
– Тимирьзя каип та сыптарып.
Я тимирьзю кильде полмазасын?
– Вара хорах оруба сикьсэ сюрип.

клевать лечу.
А как хозяин увидит?
– На вершину елки поспешу улететь.
А туда улетевши, чем будешь питаться?
– Еловые шишки там буду поедать.
А если они в горле засядут?
– Оттуда их вытащу.
А если кровь пойдет?
– Пойду на реку да и вымоюсь.
А если там озябнешь?
– Раскладу огня да нагреюсь.
А если от жару нога сгорит?
– В кузницу пойду да наварю.
А если кузнеца дома не найдешь?
– Тогда на одной ноге стану прыгать.*

Это популярное сюжетное народное произведение рассчитано на дошкольника и младшего школьника и построено в форме диалога. В нем описан разговор автора с синицей, считающейся у чувашей самой скромной и простой, красивой и любимой птицей. Синица разговаривает с автором текста человеческим языком. Перед глазами юного читателя встает образ веселой, жизнерадостной, неунывающей птицы. Он ее до этого не раз видел в саду, в огороде, на улице и, встретившись с нею на страницах книги, радуется и любуется ею, полон дум быть таким же, как эта синица: не робеющим, активным, наступательным, целеустремленным, естественным. Благодаря С. Михайлову этот текст в первозданном виде благополучно дошел до современных чувашских детей, плодотворно используется в наши дни, как и 150–160 лет тому назад, в образовательном и воспитательном процессе.

Заслуживает внимания также «Песня ребят чувашских», опубликованная в том же 1853 году в тех же изданиях.

* Здесь и далее в разделе «Спиридон Михайлов» переводы стихотворных текстов приведены по книге «Спиридон Михайлов. Собрание сочинений». – Чебоксары, 2004.

Ояр ояр ояра, ра-ра, ояра (2).	Ведро стоит на дворе, ведро (2)
Айдыр каяр вурмана, вурмана (2)	Пойдемте-ка мы в лес (2).
Адир каяр потрана, серьдяна.	Пойдемте же за борщом, снитью.
Адир каяр сирлана, сирлана (2).	Идем, идем по ягоды (2).
Каяр, каяр мыира, хумлана.	Пойдемте-ка за орехами, хмелем.
Адир каяр кумбана, кумбана (2).	Пойдемте же за грибами (2).

[10, 378–379]

В песне подчеркивается неразрывная связь человека с природой, выражается искренняя благодарность лесу, который дарит людям свои бесценные плоды, дает возможность им от души отдыхать и наслаждаться. Произведение пронизано духом коллективизма и патриотизма.

Эта песня и по сей день является любимой песней чувашской детворы. Она исполняется во время игр мальчиков и девочек на улице, на лужайке, в хороводах, на школьной сцене, в детских садиках, на праздниках малышей.

Четвертый цикл поэтико-музыкальных произведений, записанных С. Михайловым в том же 1853 году и опубликованных в тех же вышеупомянутых изданиях, включает в себя гостевые песни. В них, как правильно отмечает сам автор, богу, царю, народу и земле выражается «благодарность за новый хлеб» [10, 379].

Некоторые строки этих песен посвящены детям:

Арахмат ача-пучана!	Благодарение и вам,
ЫІра увыл-херь ачазамба	детушки, и за вас богу!
порынзасын,	С детьми если будем жить,
хамыра да сиди, патшана да	и самим достанет,
памаллы поле.	и царю служить можем.
ЫІры ачазамбах арадыр тора!	С добрыми детьми да сохранит бог!

[10, 378–379]

В этих текстах проявляются безмерная любовь народа к своим детям, его заветные мечты иметь добрых и достойных продолжателей дел отцов и дедов, постоянная забота о трудовом и нравственном воспитании мальчиков и девочек, неразрывная связь старшего, среднего и младшего поколений и т. д.

В статье «Чувашские свадьбы» С. Михайловым приводится песенка «Ути, ути, утка!» («Нарт нарт кувагал!»):

Нарт нарт кувагал!	Ути, ути, утка!
Шта каян кувагал?	Куда идешь, утка?
Сярык касма каядып.	Репу резать иду.
Сярыкне кама барадын?	Репу кому подаришь?
Чиберь ингине барадып.	Хорошенькой невестке подарю.

Автором эта песня представлена как разновидность жанра свадебной поэзии. На самом деле одновременно она входит и в детский репертуар. В современных вариантах этой детской песни первые две строки сохранены полностью, лишь дальнейшие строки несколько изменены в плане сюжета. При этом полностью сохранены форма диалога, стиль и язык текста:

Нартти-нартти кăвакал!	Ути, ути, утка!
Ăçта каян, кăвакал?	Куда идешь, утка?
Хăмăшлăха каятăп.	Иду в камыши.
Хăмăшлăхра мĕскер пур?	Что есть в камышах?
Унта манăн йăва пур.	Там есть у меня гнездо.
Йăву çинче мĕскер пур?	Что есть в гнезде?
Унта манăн чĕппĕм пур.	Там есть у меня птенцы.
	(Построчный перевод мой – *А. М.*)

[12, 5]

Как мы уже говорили раньше, С. Михайлов вместе с поэтическими произведениями записывал у народа также прозаические тексты. В их числе – предание «О Сарые». Запись его сохранилась в черновых набросках труда автора «Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах», написанного им в 1856–1857 годах.

Интересен и притягателен сюжет предания. В нем говорится о чувашском богатыре по имени Сарый, о его храбрых и мужественных, хитрых и мудрых действиях по отношению к

служителям Казанского царства, под гнетом которого находились тогда чуваши. Татарские вояки, прибыв в очередной раз к Сарыю, предложили ему, как обычно, царский пир с тем, чтобы потом увести его красавицу-дочь к себе в неволю. Но Сарый почувствовал, в чем дело, и удачно перехитрил татар. «Хотя и согласился он пировать с ними, но тогда же распорядился выслать на дорогу и скрыть в лесу свою дружину, состоявшую из подобных ему наездников, предупредив их, что-де когда он заиграет в дудку ной, они бы приготовились, когда заиграет в другой раз, садились бы на лошадей, а когда заиграет в третий раз, то чтобы мгновенно они напали на татар» [10, 356]. Дружинники Сарыя так и поступили, проявив героизм и отвагу, они спасли дочь чувашского богатыря от отправления ее в кабалу. В дальнейшем после такого поступка Сарыю ничего хорошего не оставалось ждать от правителей Казанского ханства, и он обратился за помощью к русскому царю.

Это произведение имеет познавательное значение, и в первую очередь для детей. Оно знакомит их с историей родного края, с тяжелыми временами, когда чувашский народ испытывал неимоверное насилие и варварскую жестокость сатрапов Казанского ханства. Предание пронизано патриотическим духом. Оно учит детей любить свою родину, родной край, быть отважными и храбрыми, как чувашский богатырь Сарый, быть готовыми в нужный момент, как он, встать на защиту свободы и независимости народа.

Заметный вклад внес С. Михайлов в национальную культуру, в частности, фольклористику, записав у родного народа две сказки. Первая из них – волшебная сказка «Çĕр çăтни» («Поглощены землей») – в своих истоках восходит к приемам магических обрядов, ко всей совокупности мифических взглядов на мир. Вторая – сказка о животных «Çармăспа упа тус пулни» («Дружба между черемисом и медведем») – по происхождению также является одной из древнейших сказок. По сравнению с другими аналогичными сказками («Упапа Сергей тус» («Медведь и друг Сергей»), «Çынпа упа» («Человек и медведь»)), записанными разными фольклористами, прошедшая через руки С. Михайлова, отличается большей логичностью, содержательностью и поэтичностью. Обе сказки были опубликованы в его вышеназванной книге «Чувашские разговоры и сказки» (1853). В советское время они переизданы на чувашском языке («Чăваш халăх сăмахлăхĕ, Шупашкар, 1973, I т.»).

Таким образом, С. Михайлов еще в середине XIX века сумел ознакомить русскоязычных и немногочисленных чувашскоязычных читателей с яркими образцами национальных сказок. Благодаря ему эти памятники древнейшей чувашской культуры без существенного искажения и корректировок дошли

до современности и вошли в сокровищницу национальной и отечественной фольклорной классики.

Вышеназванные сказки характеризуются гуманистической, педагогической и нравственной направленностью. Изумительным педагогическим шедевром является первая из них – «Поглощены землей». В ней в увлекательной форме рассказывается о том, как одна вдова своих трех сыновей и трех дочерей решила поженить друг на друга. Образ матери здесь выведен во всех отношениях в негативном плане. Она нагла, груба и жестока. Читателю, в том числе и юному, не трудно угадать причину распущенности и дикости женщины. Это – нетрезвый, неправильный образ ее жизни. Она ежедневно ходит в кабак, напивается и домой возвращается пьяная. «Однажды, по обыкновению своему, напившись, приходит домой и посылает старшую дочь за водою: “Поди, – говорит ей, – принеси мне свежей воды, у меня сердце горит, мне очень пить хочется”» [10, 394]. Дочь ее послушала, босиком и не одевшись, несмотря на осеннее холодное время, пошла поскорее за водою и торопилась принести матери пить. Между тем, как она побежала, мать закрыла дверь изнутри и не пускает вернувшуюся обратно с водою дочь в избу. Дочь ее упрашивает сими словами: «Матушка! А матушка! Пусти, у меня и ноги зябнут с дворною, пусти в избу поскорее» [10, 394].

А мать изнутри говорит ей: «Пойдешь ли за старшего твоего брата замуж? Если согласишься, пущу». – «Да, матушка! – отвечает ей дочь. – Разве не тяжкий грех идти замуж за родню да и брата?» [10, 394]. В то же время мать настоятельно твердит: «Что ты ни говори, а без того тебя в избу не пущу» [10, 394]. Замерзшая дочь вынуждена была согласиться с требованием матери. Только тогда мать впустила ее в избу. А через три дня она сделалась женою родного брата. Так же поступила мать и со средней дочерью. Ей таким образом, путем шантажа и нажима, удалось двух старших дочерей выдать замуж за двух старших сыновей. А вот с младшей дочерью у матери-пьяницы ничего не получилось. Младшая категорически отказалась выполнять нечеловеческие наставления матери. И она вынуждена была сбежать из родного дома. После этого ей на своем жизненном пути пришлось в поисках правды и счастья преодолеть немало трудностей и преград. К ее возвращению в родную деревню их дома на месте уже не оказалось: он вместе со всеми его обитателями был поглощен землею. Таким образом, земля не выдержала безмерную вину и преступные действия старушки-матери. Наказанию подверглись и ее дети, поддавшиеся наглым уговорам родившей их женщины. Неслучайно об испорченных в нравственном отношении людях чуваши говорят: «Как только уж удерживает их земля». Является ли этот

негативный поступок матери по отношению к своим дочерям и сыновьям случайностью? Отнюдь нет. Это – следствие отрицательных черт его отвратительного характера. Главное в сказке, безусловно, – моральный вывод: брак между родными братьями и сестрами аморален и противонравственен, антигуманен, с точки зрения медицины, вреден и недопустим. Поэтому нарушение этих правил и канонов непременно приводит к трагическим результатам. Сказка подчеркивает важность в здравом развитии человеческого общества благоприятной моральной атмосферы в семье, состояния душевных взаимоотношений между родителями и детьми, предусматривает ответственность, в первую очередь, матери за воспитание детей, счастливое их будущее.

Велика познавательная роль этой сказки для детей: в далекие древние времена практиковались браки между людьми одной крови. Здравые силы общества тогда сопротивлялись этому. Сказка «Поглощены землей» как бы служит отражением борьбы за отказ от подобных браков, за их недопущение.

Волшебная сказка, записанная ученым-фольклористом С. Михайловым, внушает читателям и слушателям уверенность в торжестве правды, победе добра над злом. Страдания положительных героев – младшей дочери и младшего сына – являются преходящими, временными, за ними приходит радость и благополучие, являющиеся результатом борьбы, положительным итогом совместных усилий. Оптимизм сказки особенно близок детям и усиливает воспитательное значение народных педагогических средств.

Интересен и оригинален сюжет второй сказки – «Дружба между черемисом и медведем». В ней рассказывается о том, что умный мужик-черемис договорился с собирающимся его съесть медведем дружить. В первый раз они вместе посеяли ячмень. Медведь по своему желанию осенью решил получить себе корни этой культуры. А верхушки достались черемису. В результате крестьянин с верхушками ячменя провел зиму без печали. Медведь тоже, проголодавшись зимою, захотел утолить свой голод принесенным в его берлогу запасом ячменных корней: пожевал-пожевал, никакого вкуса не нашел. Тогда понял: “Так я же вперед буду умен, вперед корней не соглашусь брать, а буду брать верхушки”» [10, 403]. Во второй раз была посеяна репа. Сейчас по требованию медведя деление урожая произошло наоборот: косолапому достались верхушки, а черемису – корни. В результате человек оказался зимою сытым и довольным, а медведь голодал. В третий раз пришедшего отомстить человеку за обман медведя черемис упрашивает с тем, «чтобы кормить его своим кормом: продолжим, говорит медведю, нашу дружбу. И призывает его на

помощь при раскалывании чищобных корней» [10, 404]. Косолапый соглашается с ним и оказывается в гибельном положении. Сюжет сказки проникнут мотивом превосходства человека над зверем. Человек представлен в ней умным и хитрым, а медведь – существом, привыкшим верить в людей и одновременно глуповатым. Главная идея сказки – нет в мире сильнее человека. При умелом подборе методов и средств, проявлении смекалки и проворливости он способен победить все природные явления и существа, в том числе такого мощного на земле зверя, как медведь.

Особенно популярна эта сказка в детской среде. Она знакомит детей с окружающим миром, учит быть находчивым и сообразительным, научиться оперативно принимать в трудный момент выверенные решения. Одновременно для них велик и познавательный смысл: у зерновых культур, как ячмень, продуктовая часть находится в верхушках, а у корнеплодов, как репа, – в их конечностях.

С. Михайловым в газете «Казанские губернские ведомости» (1853, № 29) и книге «Чувашские разговоры и сказки» (1853) опубликовано 35 пословиц и примет. Это – краткие, ритмически организованные, в основном одно-двухчастные изречения, содержащие суждения из области морали, житейской мудрости. Вот некоторые из них: «Сидик кюрюк ьит сассибе сидьлеть, тесьси» («Худая шуба и от собачьего лаю портится»), «Сыра исьместь, усне изесьси» («Глупый не пиво пьет, а ум пропивает»), «Вон икке вись, тинь кас» («Двенадцать раз отмерь, потом отрежь»), «Озал оргамахпа чобать, а ыра ырганба» («Худое скачет на аргамаке, а хорошее – на тощей лошади»), «Ой аслатса вылих турандарас сиок» («При расширении поля не бывает корма для скотины») [10, 380–381].

Пословицы и приметы, записанные и опубликованные С. Михайловым в середине XIX века, – замечательные сгустки народной мудрости. Они имеют большое значение в деле обучения и воспитания детей в духе национальных обычаев и традиций. Эти жанры способствуют развитию у детей способности глубоко и широко мыслить, художественно и образно говорить, воспитывают в них веру в светлое будущее, стремление к борьбе за все хорошее и непримиримое отношение ко всему плохому, отрицательному.

В книге С. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки» (1853) значатся 42 загадки. По тематике и сюжету их можно разделить на следующие основные группы: о человеке и отдельных его органах (голова, сердце, глаза, зубы, язык, желчь); об орудиях и характере труда, производственных объектах и площадках (топор, метла, цеп,

ток на гумне, овинная яма, гряда, овинный шиш, прядение пряжи, подмазки у печи, посев ячменных зерен); о пищевых продуктах и напитках (лепешка, репа, пиво, солод); о домашних животных, птицах и их частях тела (лошадь, корова, курица, коровье вымя); о диких зверях, птицах и рыбах (дергун, рыба, сорока, хвост сороки); о планетах, явлениях природы (луна, луч света); о предметах и вещах (стул, кочерга, железный замок, игла с ниткой) и т. д.

При помощи С. Михайлова эти загадки в первозданном виде дошли до нынешнего читателя. Они в основном включены в VI том (часть 1) академического издания НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР «Чăваш халăх сăмахлăхĕ».

Эти загадки имеют педагогическую направленность, несут в себе нравственную идею. Они оказывают определенное влияние на умственное, эстетическое и нравственное воспитание юного поколения. Загадки содействуют развитию памяти подростков, их творческому образному мышлению, быстроте умственных реакций. Они учат их думать и искать правильные ответы.

Интересны и поучительны для детей загадки о человеке и об отдельных его органах. Здесь можно обнаружить своего рода систему: сначала говорится о главном органе – голове («Перь сюмганын сиччи шидык» («У одного клубка семь дыр»), потом следуют загадки об отдельных частях ее – глазах («Икке авдан каска орла вурзясьси» («Два петуха чрез колоду дерутся»), «Икке пирьче тола сявындалыкпеле акса сявырныр» («Два пшеничных зернышка по всему свету пойду – рассею»), зубах («Кашта зиньче шор чих ларе» («На насести белые курицы сидят»), языке («Хоп, хоп виде, хоп виде; хоп видерэ шуну виде; шуну видерэ сюрень ыйра кизеньзэ туре» («Затвори, затвори лубочную; в лубочной конюшне еще с костями конюшня; в этой с костями конюшне игрений жеребец стоит и ржет») [10, 406–407]. В результате ребенок в ходе разгадки загадок выполняет две взаимозависимые задачи, касающиеся анализа и синтеза: в целом он видит его частей, а в частях – крупицы целого.

Загадки, записанные С. Михайловым, обогащают ум детей сведениями о природе и знаниями из самых различных областей жизни. Они помогают им лучше узнать, изучать окружающий мир, мир домашних животных, диких зверей и птиц, подсказывая черты их портретов и повадков. Например, корову – в ходе отправления ее на водопой («Ырзябала сэник шу батьне ани» («С кузовом вилы к воде ползут»), курицу – через сравнение с трудягой-женщиной невысокого роста, а ее яички – с маленькими бочонками («Пичике майря пичке усты» («Маленькая женщина – мастерица бочонков»), сороку – путем показа ее портрета и повадков («Ельли ельзэ вырде, оксак салдак сиксэ сявырна» («Помелом заметает, а сам хромой с прискоком вертится»), «Клединьчен тюкьки вурум»

(«Против клети гораздо дольше подпора под нее»), дергуна – через характеристику его кричания («Леж аиккиньче мочей сюм таби» («На той стороне дядя шерсть бьет») [10, 405–408] и т. д.

В свою книгу «Чувашские разговоры и сказки» С. Михайлов включил 5 прибауток. Это – поговорочные выражения («Курчик карчик, хумла юсьси поры?» («Старая старушка, нет ли у тебя хмельных напитков?»), забавные образные сочетания слов («Хозан лажы – хора лажа, Хастирган лажы – хула лажа» («Казанская лошадь – черная лошадь, а астраханская лошадь – буланая лошадь») [10, 408]. Три из пяти прибауток взяты из репертуара детей: «Чвык, чвык кинемей!» («Чвык, чвык, бабушка!»), «Кш видэ, кш видэ – сиорконне кызыя йорлать» (Шиш в конюшню, шиш в конюшню – весною синичка поет), «Абе санындан хурамастып: пирень кокки сак-анче!» («Я тебя не боюсь: наш дядюшка в подполье!»). Их применяли чувашские дети во время коллективных игр, хороводов и праздников. Например, ребятишки «Чвык, чвык кинемей!» кричали тогда, когда играли в жмурки с завязанными глазами. Прибаутки оживляли игры детей, способствовали их физическому и творческому развитию.

Итак, в зарождении национальной литературы для детей С. Михайлову принадлежит неоценимая роль. Он записывал у народа детские стихи и песни, обрабатывал и возвращал их ему в улучшенном виде, создавал оригинальные прозаические и драматургические произведения с образами чувашских мальчиков и девочек своего времени. Эти вещи, как и его сочинения для взрослых, отличаются литературным совершенством, логичностью изложения, композиционной завершенностью, прекрасным стилем, богатым и сочным языком.

Важной вехой в создании литературы для чувашских детей стала книга С. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки», изданная в Казани в 1853 году. Она по существу является первым учебным пособием для чувашских детей, рассказывающим об истории родного края, о народе, и букварем, и книгой для чтения, и пособием для изучения чувашскими детьми русского языка, и словарем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, А. В. Асăрхаттарусем // Революцичченхи чăваш литератури. Текстсем. I т. (XX ĕмĕрччен) / А. В. Васильев, Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1984. – С. 401–456.

2. Родионов, В. Г. Литературăпа культура пурнăçĕн хроники // Революцичченхи чăваш литератури (XX ĕмĕрччен) / В. Г. Родионов, Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1989. – С. 252–278.

3. Духовная церемония, производившаяся во время всевожделеннейшего пристутствия ее императорского величества великой государыни премудрейшей монархины и попечительнейшей матери Екатерины Второй в Казани. – СПб., 1769. – С. 45.

4. Ашмарин, Н. И. Чипер // Словарь чувашского языка : в 17 т. Т. XV / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары :Чув. гос. изд., 1941. – 290 с.

5. Сочинения в прозе и стихах, на случай открытия Казанского наместничества, в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня, 1781 г. – М., 1782. – С. 40.

6. Торжество Казанской семинарии, приносящей святейшего правительственного синода члену, великому господину высокопреосвещенному Амвросию, архиепископу Казанскому и Свияжскому, милостивому архипастырю, отцу и покровителю своему, в день тезоименитства усерднейшее поздравление 1795 года. – М., 1795. – С. 31.

7. Родионов, В. Г. Резюме // Революцичченхи чăваш литератури (XX ĕмĕрччен) / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1989. – С. 227–251.

8. Родионов, В. Г. Рожанский Ермей Иванович // Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2001. – С. 353.

9. Всерадостное торжество, которым благочестивейшего … императора Павла Первого, посвященном миропомазании и короновании на всероссийский престол, совершившемся в 5 день апреля 1797 г., всемилостивейше посещающего Нижний Новгород балагоговейнейше приветствует Нижегородская семинария мая … дня 1797 года. – М., 1797. – С. 18.

10. Михайлов, С. М. Собрание сочинений / С. М. Михайлов. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2004. – 510 с.

11. Сироткин, М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1967. – 238 с.

12. Пĕрле вулар-ха. Хрестомати. 2-мĕш кĕн. / З. С. Антонова пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1987. – 88 с.

13. Лебедев, В. И. Симбирские чуваши // Хрестоматия по культуре чувашского края. Дореволюционный период / В. И. Лебедев ; сост. Егоров Н. И., Данилова М. Г. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2001. – 254 с.

14. Родионов, В. Г. Чăваш литератури. XVIII–XIX ĕмĕрсем / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2006. – 462 с.

15. Сумах зам казя жин чуваш чилга зинЂ // Сергеев Л. П. Кивĕ чăваш çырулăхĕ. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1988. –С. 60.

III. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале 70-х годов XIX века была создана новая чувашская письменность. Им обусловлено и формирование национальной детской литературы. Если устное народное творчество было «золотой колыбелью» литературы для детей, то первые буквари, появившиеся в начале 70-х годов XIX века на новой письменности, явились основой детских книг для чтения, т. е. письменной детской литературы. Начиная со второй половины XIX века чувашская письменная детская литература оформилась в литературу, имеющую свои педагогические каноны и различные жанры. Теперь роль литературы для детей в воспитании и обучении детей намного возросла. В этом огромная заслуга И. Я. Яковлева, его воспитанников К. В. Иванова, Н. В. Шубоссинни и др.

В начале XX века большинством чувашских писателей, работавших в литературе для взрослых читателей, затрагивалась и детская тема. Особенно заметно проявляется она в их произведениях, посвященных социальной жизни родного народа. Со страниц их перед взором читателей встает жалкий образ ребенка того времени – больного, голодного, неодетого, необутого, забитого, неграмотного и т. д. Так, в поэме Вася Анисси «Хура халăх» («Черный люд», 1907) изображены два маленьких героя. Первый из них – грудной ребенок, лежащий в зыбке, плачущий непрестанно из-за недоедания. Второй – девочка 5 лет, тоже голодная, проливает слезы, прося родителей дать ей хлеб. Удручающе выглядит ее портрет:

Икĕ хĕрлĕ куçĕпеле	Печально смотрит глазами,
Хуйхăрса пăхса тăрать.	Красными от плача из-за недоедания.
Питĕнче тумлам юн çук,	На лице у нее нет ни одной кровинки.
Тутисем кăвакарнă.	Губы посинели.
Мăйĕнче шăнăр паллă,	На шее – сухожилие.
Хулă пек алли-ури;	Руки и ноги как прутья.
Пĕчĕкçĕ тăлăппӳне	На маленьком туловище
Çĕтĕлнĕ кĕпе çакнă.	Висит изношенное платье.

[39, 427]

Безрадостное детство – результат нищенской жизни родителей. Большая семья бездействует: земли мало, купить ее не на что, урожаи низкие, все уходит на уплату податей, заработков никаких нет… Автором в текст поэмы умело вставлены психологические рисунки, которые заставляют читателя глубоко волноваться и

переживать за их жалкое существование.

Такими же мрачными красками рисует Вася Анисси чувашского ребенка и в стихотворении «Ялта» («В деревне», 1907):

Пĕр тĕттĕм, начар пӳртре Ача макăрни илтĕнет… Вăл начар, шурса кайнă, Шăммисем кăна юлнă. Амăшĕ ун чирлĕ, Вырăн çинчен тăраймасть, Ашшĕ унăн тĕрмере, Çут ирĕке тухаймасть. Ачасем макăраççĕ, Вĕсем çиме ыйтаççĕ. Ним тăвайми майĕпе Пӳрнисене ĕмеççĕ…	В темной и бедной избе Ребенок чуть слышно ноет, Хилый и бледный он весь: Кости и кожа без крови. Хворая, мать на скамье Охает, стонет от боли. Отца нет давно, он в тюрьме Томится, страдает в неволе. Дети голодны. Ревут, Хлебца у матери просят, С голода пальцы сосут, Хнычут и тихо голосят.
[39, 422]	(перевод М. Я. Сироткина)

Во многом схожи с маленькими героями этих произведений и юные персонажи стихотворения С. С.Таваньялсем (Сорокина) «Ялта» («В деревне», 1907), поэмы Т. К. Кириллова «Пулăшăр» («Помогите», 1905) и др., посвященных трагической судьбе детей и подростков.

Образы детей включены в ряд произведений, созданных на стыке XIX и XX веков в свете культурно-просветительской программы, разработанной И. Я. Яковлевым и его последователями. Основу лексики их составляют такие слова, как ученик, учитель, школа, книга, газета, знание, родной язык и т. д. Например, Г. И. Комиссаров-Вантер в стихотворении «Епле Патăръяль пулни» («Как образовалось Богатырево», 1902), рассказывая о прошлом и настоящем родного села, много места уделяет описанию истории школы. В первые годы существования ее чувашским детям там приходилось нелегко. Учителя-попы постоянно били их розгами, устраивали над ними всякие пытки и истязания. С течением времени ситуация изменилась в лучшую сторону. Издевательства над учащимися прекратились. Построили новое здание школы. Самое главное – детей начали учить по чувашским книгам на родном языке.

В другом стихотворении поэта «Ял вĕçĕнче школ ларать»

(«На краю деревни школа», 1906) дан образ сельского учителя, арестованного за революционную деятельность, но не теряющего веры в светлое будущее. Ученики, прощаясь с ним в последний раз, обещают чтить его память, продолжить его праведное дело.

В стихотворении «Чăваш» («Чуваш», 1903) Г. И. Комиссаров-Вантер выражает надежду в том, что «Чувашская голова своею мудростью одержит победу в жизни; У него глаза откроются: он всегда будет тянуться к свету!».

Героем стихотворения Вася Анисси «Усал пуп» («Злой поп», 1904) является учащийся сельской школы, потерпевший беды и унижения от свирепого педагога, который каждый день дергает его по ушам, по волосам, ставит на колени. И он от всего сердца молится и просит бога не посылать его к нему, проклинает его, желает ему неприятности. Аналогичные издевательства и произвол претерпевает во время учебы в школе и юный герой автобиографической повести С. П. Чундерова «Манăн пурнăç» («Моя жизнь», 1902).

Многие поэтические произведения с просветительской направленностью («Хĕвел хĕртсе пăхать-çке» («Солнце греет хорошо», 1910), «Çамрăклăх» («Молодость», 1912) Т. Т. Терентьева, «Кĕнекесен усси» («Польза книг», 1913) И. Г. Григорьева, «Çутта хирĕç» («К свету», 1917) Н. И. Полоруссова-Шелеби и др.) носят призывно-обращательный характер. Так, Ив. Григорьев, призывая чувашского мальчика учиться грамоте, пишет:

Вĕреннĕ çын ухмах мар,	Грамотный человек не глуп,
Ытла усалах та мар.	И не злой, и не сердит.
Пурăнма та вăл пĕлет,	Знает он и как пожить,
Ĕçлеме те пит маттур.	И на работе сноровит.
Кĕнекесем усă кўреççĕ,	Книги приносят только пользу,
Кăна пурте пĕлеççĕ.	Это всем известно.
Çавна пĕлес килсессĕн,	Если хочешь много знать,
Шăллăм, тăрăш вулама.	Браток, займись чтением.

[39, 468]

Просветительскими идеями проникнуты также стихотворения «Чăвашсем ялти учительсем çинчен мĕн калаççĕ» («Рассуждения чувашей об учителях», 1913) И. Г. Григорьева, «Мĕн тăвас?» («Что

делать?», 1907) С. С. Таванъялсем, новеллы «Çутта тухасчĕ» («Пробиться б к свету»), «Пурнăç çутти» («Свет жизни», 1906) Таэра Тимки, переведенные им же стихотворение в прозе В. Г. Короленко «Огоньки» («Вут куçĕ», 1906), очерки «Шурут-Нурăсран – Хусана» («Из Шераутова-Нурусова – в Казань», 1912), «Чĕлхе çинчен» («О языке») А. П. Прокопьева-Милли, статьи «Вĕренме каясчĕ» («Пойти бы учиться», 1910), «Чăваш хаçачĕ» («Чувашская газета», 1917) С. В. Эльгера, «Вĕренĕр» («Учитесь», 1909), «Вăхăт çитĕ» («Придет время», 1909) Н. В. Никольского и другие.

В числе крупных произведений, посвященных безрадостным судьбам дореволюционных детей, – поэма И. И. Григорьева «Чăваш ачин вунна çитичченхи пурнăçĕ» («Жизнь чувашского ребенка в возрасте до десяти лет», 1912). Сюжет построен автором в описательном плане, в хронологической последовательности событий. Занимаясь земледелием и животноводством, поглощенные заботами и хлопотами о пропитании, чувашские крестьяне не имели возможности заниматься воспитанием своих детей. Их дети как бы были брошены на произвол судьбы, они росли сами собою, придумывали себе игры и куклы и забавлялись по-своему. Голод, холод, болезни являлись постоянными спутниками их жизни. Дети до 8 лет в любую погоду целые дни проводили на воле, бегали на улице. Никто за ними не следил, никто ими не управлял. Бегая босиком и в легкой одежде в весенне-осенний период, они часто хворали:

Çапла чăваш ачисем	Так чувашские дети
Асап курса ÿсеççĕ,	Растут в нищете,
Пĕчĕк ăшă чĕрене	Свои маленькие
Ыраттарса пурăнаççĕ:	сердца
Çиес чухне çимесĕр,	Обливая болью:
Ĕçес чухне ĕçмесĕр,	Не евши вовремя,
Чире тухса каяççĕ,	Не пивши вовремя,
Питĕ начар пулаççĕ.	Они часто болеют,
[39, 477]	Становятся хилыми.

Несомненно, одно лишь присутствие образов юных героев не дает еще права называть произведение детским. Оригинальных текстов, заслуживающих к отнесению к литературе для маленьких в этот период, к сожалению, было немного. Из них следует отметить стихотворение Т. К. Кириллова «Салтак арăмĕ сăпкари ачине сиктерсе ларнă чух юрланă юрри» («Колыбельная песня солдатки», 1916). В ней и в плане содержания, и в стиле ритмики очевиден дух народной колыбельной песни:

Халĕ лăпкă, канлĕ	Спи ты тихо и

çывăр	спокойно,
Тутлă ыйхăпа.	Спи ты сладким сном.
Эй, ачам, ман савнă ангел,	Ах, дитя мое, мой ангел,
Ĕмĕт сан çинче.	На тебя надежда.
Çитĕнсен, ачам, мана пăх,	Когда вырастишь, сынок мой,
Хăвăн аннӳне.	Заботься о матери.

[39, 117]

Достойно для включения в список произведений для детского чтения стихотворение Т. Т. Терентьева «Мулкач» («Заяц», 1912). В нем говорится о том, что мальчишка во время пастьбы лошади в лесу застал зайца, который, выскочив из-за куста, заострив длинные уши, побежал рысью. Стихотворение близко детям по теме и сюжету. В то же время оно не до конца отшлифовано в техническом плане.

Отвечает требованиям произведений детской литературы ряд стихотворений В. С. Мач (Мочанкина-Семенова), посвященных природе, родному краю («Ешĕл вăрман» («Зеленый лес»), «Çак çуркунне пулсассăн» («Когда придет весна»), «Вăшин-вăшин çил вĕрет» («Тихо-тихо веет ветер»), «Кам юрламĕ савăнса» («Кто не будет петь весело»). Созданные им прекрасные картины природы явились для детей окнами, впервые открывающимися в мир природы. Вот как привлекательно изображает поэт весну в стихотворении «Тихо-тихо веет ветер»:

Йывăç çулçă кăларать,	Дерево распускает листочки,
Курăк шăтса ешерет,	Зеленеет трава.
Кайăк юрри илтĕнет,	Слышен птичий хоровод,
Пĕтĕм тĕнче хĕпĕртет.	Весь мир ликует и поет.
Хура халăх хатĕрлет	Для весеннего сева крестьянин
Сухапуçне, сӳрине.	Готовит соху и борону.
Çĕр типессе вăл кĕтет	Он ждет того момента,
Акма çурхи тыррине.	Когда поспеет почва.

[39, 522]

В этот период поэты и прозаики активно работали по созданию сказок и баллад, которые были одинаково доступными и понятными как для взрослых, так и для юных читателей. Это – сказки «Чăвашпа тутар» («Чуваш и татарин», 1902), «Эсрелĕ» («Дух смерти», 1907), «Хĕре уйăх илни» («Девушка на луне», 1907) М. В. Васильева-Шевле в соавторстве с Г. А. Кореньковым, «Константинополь хулине туни çинчен чăваш ваттисем калани»

(«Сказание чувашей об основании Константинополя», 1915), «Пӳлерти Валем хуçа çинчен» («О Валеме, купце булгарском», 1915») Н. И. Полоруссова-Шелеби, «Елик» (1906) М. Д. Трубиной, «Вутăшпа чăваш» («Водяной и чуваш», 1908) И. Е. Тхти, баллады «Çылăхлă чун» («Грешная душа», 1907) М. В. Васильева-Шевле, «Йăсăркка» («Метелица», 1913) Ф. П. Павлова, 4 книги фольклорных текстов И. Н. Юркина, изданные в 1907 году: «Халапсем» («Анекдоты»), «Шӳтсем» («Шутки»), «Юмахсем» («Сказки»), «Ваттисен сăмахĕсем («Пословицы и поговорки») и т. д.

В период формирования чувашской детской литературы характерной особенностью был подъем переводческого искусства. Основная роль в деле по созданию подлинной чувашской переводческой школы принадлежит И. Я. Яковлеву. В руководимой им Симбирской чувашской учительской школе, кроме него самого, переводом занимались Д. Ф. Филимонов, А. П. Петров, П. В. Васильев, И. С. Бюргановский, В. Н. Никифоров, Ф. Д. Данилов и многие другие педагоги. Активными представителями яковлевской переводческой школы являлись поэты К. В. Иванов и Н. В.Шубоссинни, выпустившие в 1908 году отдельной книжкой на чувашском языке поэму «Песня про купца Калашникова» и другие стихотворения М. Ю. Лермонтова.

Активно трудились в начале XX века в области перевода и многие другие деятели национальной культуры. В 1906 году в Казани в переводе М. Ф. Акимова отдельной брошюрой издан рассказ Н. Д. Телешова «Беда» («Нуша»). В 1912 году в этом же городе появилась на чувашском языке поэма А. С. Пушкина «Полтава» в переводе Г. Т. Тихонова-Галгая. В 1907–1908 годах также изданы на родном языке книги «Кавказский пленник», «Бог правду видит, да нескоро скажет» Л. Н. Толстого, «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Дикие лебеди» Г. Х. Андерсена. Многие произведения русских классиков, в числе которых И. А. Крылов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, А. М. Горький, А. Кольцов и др., публиковались на страницах чувашских букварей, календарей, газеты «Хыпар».

Важной вехой в истории национальной детской литературы в конце XIX и начале XX века были переведенные на чувашский язык и выдержавшие несколько изданий «Новая азбука» (1875) и входившие в ее состав четыре «Русские книги для чтения» (1875–1885) Л. Н. Толстого.

В 1882 году в Казани выходит «Первая учебная книжка для совместного обучения чуваш и русских», составленная В. Ислентьевым. В ней даны образцы письма, чувашско-русский

словарь и параллельные тексты стихов прозе. В книге, «служившей в роли антологии переводов» (В. Г. Родионов), присутствовали как произведения русского фольклора, так и российских классиков А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, А. В. Кольцова и др.

Чувашским переводчикам особо импонировали малые жанры: стихотворение, басня, рассказ и сказка. Басня как один из жанров словесного искусства в чувашскую литературу пришла с творчеством И. А. Крылова. Еще в последней трети XIX века его басни «Лиса и виноград», «Лиса и журавль», «Стрекоза и муравей» и другие, переведенные на чувашский язык, включались И. Я. Яковлевым в буквари. В 1906–1907 годах произведения Крылова «Мартышка и очки», «Лебедь, Рак и Щука», «Свинья под дубом», «Лиса и виноград» появились на страницах газеты «Хыпар». Перевел их учитель Г. А. Кореньков. Потом, подражая сюжету русского классика, используя чувашскую семисложную силлабику, он написал оригинальную басню «Автанпа ахах пĕрчи» («Петух и жемчужное зерно»), обличающую нерешительных слабовольных людей. Наследие И. А. Крылова сыграло заметную роль в проявлении сатирического дарования поэтов Федора и Якова Турханов. В своих баснях «Виçĕ çерçи» («Три воробья», 1898) и «Йĕплĕ йывăç» («Шиповник», 1898) Федор Турхан обличает пороки и недостатки в жизни общества, хвастовство, бахвальство, франтовство, легкомыслие. Яков Турхан в басне «Ухмахăн хуйхи» («Несчастье глупца», 1898) остро осмеивает нерадивого крестьянина. Попытки писать в этом жанре в чувашской литературе наблюдались и ранее. Так, один из учеников Н. И. Золотницкого М. П. Арзамасов написал басни «Чĕкеç» («Ласточка») и «Кăвакарчăнпа чăхă» («Голубь и курица»).

Басни И. А. Крылова, опубликованные в яковлевских букварях, и сатирические произведения, созданные под влиянием русского классика, сыграли определенную роль в формировании чувашской детской литературы. Они сразу же были приняты детьми, изучались в школах. По ним молодое поколение получило первые сведения о мире природы и человеческих отношений, о характере социальных противоречий.

В целом, переводом произведений русских и зарубежных писателей чувашские литераторы не только обогащали нашу поэзию и прозу, но и оттачивали свое художественное мастерство.

ИВАН ЯКОВЛЕВ

Иван Яковлевич Яковлев – великий педагог-демократ, мыслитель XIX – первой половины XX века, выдающийся просветитель чувашского народа, создатель национальной письменности. В 1868 году 20-летний гимназист на свои и частные пожертвования организовал Симбирскую чувашскую школу, которая через три года была принята на государственный бюджет. В 1890 году она была преобразована в Симбирскую чувашскую учительскую школу, ставшую могучим центром просвещения и культуры всего народа. Находясь у руля школы и в течение ряда лет являясь инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, он открыл около 40 училищ в разных уголках Среднего Поволжья, создал прогрессивную систему народного образования, стал крупным теоретиком и практиком начального обучения в двуязычных школах. Заслуги И. Я. Яковлева перед народом высоко оценены В. И. Лениным, видевшим в нем поборника национального подъема чувашского народа в тяжелых условиях царизма.

Богатое педагогическое и творческое наследие И. Я. Яковлева оказало благотворное влияние на все сферы культуры родного народа, в том числе и на формирование и становление чувашской детской литературы. На это указывали в своих научных трудах М. Я. Сироткин, Е. В. Владимиров, В. Я. Канюков, А. В. Васильев и другие исследователи. Основываясь на сюжетно-тематических особенностях рассказов «Петушок» («Автан»), «Сорока» («Чакак»), «Мельница» («Арман туни»), М. Я. Сироткин отметил, что «они выдержаны в духе рассказов К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого для детей и преследовали цель развития в детях наблюдательности, внимания и навыка разбираться в окружающей обстановке в жизни» [1, 54]. Был солидарен с М. Я. Сироткиным и В. Я. Канюков, подчеркивая: «В построении своего букваря И. Я. Яковлев следовал принципам учебных книг К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Придерживаясь системы “воспитательного чтения”, выработанной классической русской педагогикой, он стремился к созданию такой книги для чтения на родном языке, которая могла бы способствовать выполнению задач народного воспитания детей» [2, 106]. Аналогичные выводы сделаны и Е. В. Владимировым: «И. Я. Яковлева волновали в конце XIX и начале XX века педагогические проблемы, он искал решение их в русской общественной и литературной мысли. С этой целью он обращался к трудам Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского и других, переводил на чувашский язык их детские произведения, способствующие нравственному, трудовому, интернациональному воспитанию детей» [3, 5].

Порою ученые, соглашаясь с лжеустановками правителей советской эпохи, допускали в своих трудах и ошибочные суждения. Так, М. Я. Сироткин обвинял И. Я. Яковлева за то, что в его «творчестве мы не видим выражения прямого негодования и возмущения современными ему социальными порядками, а тем более, призыва к борьбе за новый общественный строй» [1, 58]. В. Я. Канюков также подверг критике родного патриарха за то, что «литературное творчество Яковлева, как и его педагогическая деятельность, подчас противоречило новым задачам… Он нравственное воспитание связывал с религиозным воспитанием и довольно активно действовал в направлении укрепления этой связи в практической деятельности школ» [2, 119].

Отдельные верные идеи и мысли вышеуказанных критиков иногда также нуждались в боле широкой расшифровке, в развитии и раскрытии.

На наш взгляд, тему детства, мира детства в творчестве И. Я. Яковлева следует рассматривать во всем комплексе его организаторской, педагогической, научной и общественной деятельности, во всем многообразии его жизненного пути. Детская направленность является неотъемлемой, органической частью всего педагогического и творческого наследия патриарха чувашского народа. На первом месте, безусловно, находится его организаторская работа.

И. Я. Яковлев поистине был подлинным организатором народного образования в Чувашском крае. Как правильно отмечают исследователи его творчества Г. Н. Плечов и Н. Г. Краснов, «перед глазами молодого Яковлева постоянно стояли картины бедственного и бесправного положения родного народа, его темнота и безграмотность, которые возбуждали в нем искреннее сыновнее желание как-то помочь ему… И конечную цель, и смысл своей жизни и труда он видел в благе для многострадального народа, прежде всего через его просвещение» [4, 7]. В своих «Воспоминаниях» Иван Яковлевич пишет: «В 1868 году у меня окончательно окрепла решимость относительно просвещения чувашей и необходимости создания для них с этой целью особой чувашской школы» [5, 69]. И он упорно и настойчиво добивался осуществления заветной мечты. Симбирская чувашская школа, являющаяся его детищем, открылась 28 октября 1868 года. В этот день к нему в Симбирск прибыл на учебу А. В. Рекеев, первый ученик его школы. Скоро присоединились к нему еще трое молодых товарища. Из года в год школа росла и развивалась, набирала опыт и авторитет. К 1871 году в ней занималось уже 12 мальчиков. К 1875 году их численность увеличилась до 52. В 1877 году Симбирская чувашская школа была преобразована в центральную, в 1890 году стала учительской школой, а в 1917 –

учительской семинарией. За годы своего существования школа выпустила более 1000 учителей. Из этой школы вышло много талантливых писателей, музыкантов, художников, актеров, деятелей просвещения и науки.

И. Я. Яковлев наряду с осуществлением руководства Симбирской чувашской школой, являясь одновременно инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, вел активную целенаправленную работу по открытию в Поволжье народных училищ. Им открыто, как уже было отмечено выше, в сельской местности около 40 начальных школ. Будучи крупным теоретиком и практиком обучения в начальных школах, он часто туда выезжал, оказывал им постоянную учебно-методическую помощь. И. Я. Яковлев поддерживал тесную связь с народными учителями, регулярно переписывался с ними, давал им полезные советы и рекомендации типа как вести учебный процесс в школе, какими учебными пособиями лучше всего пользоваться и т. д. Например, для изучения русского языка он предлагал учебники Л. Н. Толстого, так как они были составлены для детей крестьян. В работе с педагогическими кадрами он не пользовался методами произвола и наказания, не лишал их должности за нарушение официальных инструкций, педагогических требований, в крайнем случае, ограничивался их предупреждением, внушением, убеждением.

«Инородцы должны первоначально обучаться в школах на их родном языке» [5, 140], – считал Иван Яковлевич. Еще в юношеские годы у него определилось стремление дать своим соплеменникам возможность читать и писать на чувашском языке. «В течение 1861, 1862 и последующих годов, – писал он в своих «Воспоминаниях», – я, так сказать, вбирал в себя молча, сосредоточенно из окружающего все то, что могло дать мне те или иные указания по этому вопросу, бывшему тогда еще для самого меня не вполне ясным» [5, 591]. По верному утверждению Г. Н. Плечова и Н. Г. Краснова, патриарх «подчеркивал, прежде всего, необходимость создания школы родного языка, приближения ее к условиям жизни и интересам народа. В то время в местностях, населенных чувашами, были отдельные начальные школы, но в них совершенно игнорировался родной язык, без которого, как считал Яковлев, невозможно было достигнуть ощутимых успехов в образовании. В этом его убеждали опыт своей жизни, учебы, а также изучение опыта классиков педагогики Я. А. Коменского, И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинского и других. При этом обучение родному языку в начальной школе он не отделял от изучения в ней русского языка» [4, 10]. Приложено Яковлевым немало сил и энергии к разумной и эффективной организации учебного процесса

в национальных школах. Он добивался «увеличения срока обучения в чувашских школах на один год для лучшего усвоения учащимися русского языка и продолжения обучения их на родном языке до второго класса включительно. Родной язык становится обязательным предметом изучения во всех последующих классах. В смешанных русско-чувашских училищах чувашские дети, приступившие к обучению на год раньше, во втором году после раздельных занятий на два месяца объединялись с русскими детьми первого года обучения. Это давало им возможность в дальнейшем заниматься на русском языке и успевать практически по всем предметам наравне с русскими детьми» [4, 12]. Добиваясь внедрения в систему образования чувашского языка, Яковлев встречался с ярым и ожесточенным сопротивлением со стороны русификаторов, противников обучения детей национальных меньшинств на родном языке. Так, презрительно выступал против его просветительской деятельности Симбирский епископ Никандр, называвший брезгливо Ивана Яковлевича «пестуном инородческой обособленности» [4, 268]. Он являлся автором анонимной статьи, направленной против Яковлева. Вообще, политическое обвинение чувашского просветителя в «сепаратизме» и «национализме», начатое еще попечителем Казанского учебного округа С. Ф. Спешковым (1901-1905), стало постоянным и продолжалось до свержения царского режима. Особенно усилилась борьба против обучения в начальной школе на родном языке в конце 90-х годов XX века.

Обучение детей на чувашском языке невозможно без букварей на родном языке. А для подготовки их необходим удовлетворяющий всему чувашскому населению приемлемый, доступный национальный алфавит. Это хорошо осознавал И. Я. Яковлев. Еще в 1867 году в своей рецензии на учебное пособие Н. И. Золотницкого «Сӧлдалык кнеге» (календарь) он указывал на необходимость создания более совершенного алфавита чувашского языка [6]. И теперь с чувством большой ответственности и искренним рвенем взялся он за эту работу. Осенью 1871 года, пользуясь консультациями известного ориенталиста, профессора Казанского университета Н. И. Ильминского и с помощью студента вышеназванного вуза В. А. Белилина в изучении особенностей фонетики чувашского языка, И. Я. Яковлев завершил составление первого варианта алфавита, основанного на кириллице. Алфавит состоял из 47 букв. Он оказался не очень-то удачным, приемлемым для практического применения. Пришлось его основательно доработать. Второй вариант алфавита состоял из 27, третий – из 25 букв. В него впервые были введены буквы Ă, Ĕ, Ç, /, точно и без искажения

передающие особенности чувашского произношения. Данный алфавит лег в основу современной национальной письменности. С этого времени алфавит в течение 60 лет ни разу не изменялся.

В январе 1872 года на основе еще первого, несовершенного варианта алфавита в Казани был издан как пробный букварь под названием «Тъваш адизене сыръва вьренмелли кнеге» в объеме 56 страниц. Создан он на низовом наречии. В предисловии книги говорилось о необходимости составления учебников на наречии анатри и виръял. Там же дано объяснение знаков, принятых для букваря. Он в практике школ еще не применялся. Осенью 1872 же года в Казани был издан следующий букварь под названием «Сыръва вьренме тытънмалли кьнеке» в объеме 48 страниц*. Составлен он по способу Н. Ф. Бунакова**. В 1873 году вышел в Казани «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» в объеме 32 страниц. Это первый двуязычный учебник для чувашских школ. Издан он на третьем по счету, окончательно обновленном чувашском алфавите. В 1873–1913 годах этот букварь с изменениями и дополнениями выдержал 22 издания. За этот период он был для чувашских школьников единственным, по сути, учебником на родном языке. Переиздавались буквари И. Я. Яковлева вплоть до 1919 года. Изданы они более 30 раз.

Кроме букварей для чувашских детей, И. Я. Яковлев подготовил и другие учебные пособия. В 1882 году им на родной язык переведена «Новая азбука» Л. Н. Толстого. Также благодаря Ивану Яковлевичу по-чувашски зазвучали все другие учебники Толстого, а четыре «Книги для чтения» издавались отдельными книгами. Учебники Л. Н. Толстого чувашский просветитель высоко ценил как наиболее доступные для детей инородцев при изучении русского языка.

В 1892 году И. Я. Яковлевым в Казани издан «Первоначальный учебник русского языка для чуваш». В 1909 году им совместно с К. В. Ивановым выпущена «Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке»*. Иваном Яковлевичем изданы также десятки исторических, естественно-научных, художественных, медицинских, сельскохозяйственных книг на родном языке, переводы Псалтыри и части Пророков, Закона Божьего, Нового Завета (Евангелия), четырех книг Моисея, Ветхого Завета и др.

---

* В книге «Революцичченхи чăваш литератури – XX ĕмĕрччен» (Чебоксары, 1989. С. 272) ошибочно указано, что «Сыръва вьренме тытънмалли кьнеке» издана в январе 1872 года.

** Бунаков Н. Ф. (1891–1904) – известный русский педагог, ученик К. Д. Ушинского, разрабатывавший основы начального обучения, методист русского языка, автор нескольких учебников.

* Так утверждает один из главных исследователей творческого наследия И. Я. Яковлева Н. Г. Краснов (Яковлев, 1983, С. 257).

В подготовку первых чувашских букварей и других учебных книг, в переводческое дело Яковлев вовлекал лучшие творческие силы родного народа. В их числе – воспитанники Симбирской чувашской школы С. Н. Тимрясов, К. В. Иванов, А. В. Рекеев, В. Н. Никифоров, И. С. Степанов (Шатаев), педагог данного учебного заведения Д. Ф. Филимонов, один из первых светских учителей Т. П. Петров и др.

Прежде чем приступить к созданию новой чувашской письменности, Яковлевым наверняка изучены существовавшие до этого национальные алфавиты и буквари, авторами которых являлись Е. И. Рожанский (1769), В. П. Вишневский («Начатки христианского учения», 1832), Н. И. Золотницкий («Чуваш кнеге», 1867). Поддерживая традиции своих предшественников, Иван Яковлевич положил в основу своих букварей двуязычность и распространение христианских идей. Светское – с одной стороны, и религиозно-православное – с другой, составляли в его книгах единое целое, подавались в органической целостности.

При составлении букварей и учебных пособий чувашский просветитель широко использовал учебники Л. Н. Толстого «Азбука» и «Новая азбука», «Родное слово» К. Д. Ушинского. «Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке», подготовленная И. Я. Яковлевым в 1909 году, составлена была по образцу «Книги для чтения» Л. Н. Толстого и «Родного слова» К. Д. Ушинского.

В целях изучения передового опыта в обучении и воспитании молодого поколения при подготовке школьных книг Яковлев часто обращался к трудам известных педагогов страны и мира. Среди них – Я. С. Гогебашвили*, Тер-Акопяни**, А. О. Черняевский***. При составлении первого букваря, как было сообщено в его предисловии, авторы пользовались «букварем для крещенных татар, Азбукой, составленной алтайской миссией для алтайцев, и, отчасти, Азбукой архимандрита Викторина» [7, 9].

От малого к большому, от простого к сложному – такова структура букварей Яковлева, таков принцип расположения в них материалов. Рассмотрим схему размещения текстов первого букваря, изданного в 1872 году. Состоит он, кроме предисловия, из 12 частей. В первой части без названия перечислены по блокам буквы и даны примеры к ним. Причем в начале каждого блока приведено слово, наиболее известное и созвучное. Вот так,

---

* Я. С. Гогебашвили (1848–1912) – основоположник прогрессивной педагогики в Грузии, публицист, детский писатель, последователь педагогических идей К. Д. Ушинского.

** Тер-Акопяни – армянский педагог, автор учебников и учебных пособий по русскому языку для изучения русского языка в армянских школах.

*** А. О. Черняевский (1840–1897) – руководитель азербайджанского отделения в Закавказской учительской семинарии, автор ряда учебников и учебных пособий по русскому языку для азербайджанских начальных школ.

например, выглядит блок, посвященный буквам «К» и «Ж» [7, 12]:

кужак
ку куж уж жа жак
кж
куку кука кас рак кала лажа пужъ
ъжъ пажалу ажък пъжал мъжър кам
курак курък алък аслък карас съпка
мък мамък курма кърка къмрък саплък
кажък

Слова, включенные в данный раздел, – все из лексики низовых чувашей. Это часто употребляемые в быту крестьян рядовые, простые выражения. Порою встречаются слова диалектного характера, используемые в основном на родине И. Я. Яковлева, типа «юсман», «мăйăх», «явлăк», «маймăл», «мăйрă» и др. Ознакомив с двумя видами букв (заглавными и строчными), автор подробно разъясняет случаи применения их в письме. Так, заглавными начинаются новые предложения, названия географических объектов, имена людей и богов. Далее, для закрепления изученного впереди даются короткие предложения по определенной теме. Один из таких блоков предложений посвящен географии и истории края и страны: «Чĕмпĕрпе Теччĕ Атăлтан сылтăм енче тăраççĕ, Хусанпа Самар сулахай енче тăраççĕ. Пăва Сĕверен инçе мар. Пăрăнтăк Сĕве хĕрринче ларать, Кушкă – Кăнна хĕрринче. Эпир пурнакан патшалăх Раççей ятлă. Кам пирĕн патшалăха тытса тăрать? Пирĕн аслă патша Александр Николаевич» («Симбирск и Тетюши расположены на правой стороне Волги, Казань и Самара – на левой стороне. Буинск находится недалеко от Свияги. Бурундуки расположены на берегу Свияги, Кошки – у Кильны. Государство, в котором мы проживаем, называется Россией. Кто руководит нашим государством? Наш великий царь Александр Николаевич») [7, 21].

Следующий блок коротких предложений ознакамливает детей с голосами домашних животных, зверей и птиц: «Йытă вĕрет. Лаша кĕçенет. Кашкăр ўлет. Автан автать. Çĕлен шăхăрать…» (Собака лает. Лошадь ржет. Волк воет. Петух поет. Змея свистит) [7, 22].

Темами очередных блоков предложений являются: рассказы о специфике специальностей, разных профессий, близких крестьянским детям (Вĕрентекен вĕрентет. Вĕренекен вĕренет. Çĕр ĕçлекен суха сухалать, тырă акать. Усламçă сут тăвать. Кĕтўç кĕтў кĕтет. Пулăçă пулă тытать. – Учитель учит. Ученик учится. Хлебороб пашет, сеет хлеб. Торговец торгует. Пастух пасет. Рыбак рыбу ловит); о характере движений живых существ (Мулкаç сиксе çўрет. Чĕкеç вĕçет. Ăман шăвать. – Заяц подпрыгивает. Ласточка

летает. Червяк ползет); о предназначении орудий труда (Йĕппе çĕлеççĕ. Хуршăммипе çыраççĕ. Сухапуçпе сухалаççĕ. – Иголкой шьют. Гусиным пером пишут. Сохой пашут) [7, 22]; о способах приготовления сельскохозяйственной продукции и предметов (Утта çулаççĕ. Çипе авăрлаççĕ. Пире тĕртеççĕ. Тумтире çĕлеççĕ. Тырра вырааççĕ. – Сено косят. Пряжу прядут. Холст ткут. Одежду шьют. Хлеб жнут) [7, 22–23].

Очередной блок предложений состоит из пословиц и поговорок: «Ĕмĕр пурăн – ĕмĕр вĕрен», «Пĕр кунлăх каяшшăн çич кунлăх çăкăр ил», «Мĕне шыран – ăна тупан», «Ан алт çыншăн шăтăк – ху унта ÿкĕн» («Век живи – век учись», «На однодневную поездку бери еду на семь дней», «Чего ищешь – того найдешь», «Не рой яму для человека – можешь упасть туда сам») [7, 23].

Первый раздел букваря завершается блоком предложений, посвященных образу бога: «Тĕнчене тунă турă», «Турра хăне эпир кураймастпăр, вăл мĕн тунине кăна куратпăр», «Пурне те мĕн çĕр çинче ÿсет, пурнать, Турă тунă пирĕншĕн, пире телей курса ырă пурăнмашкăн» («Мир создан богом», «Бога самого мы не видим, видим только то, что создано им», «Всего того, что на земле растет, живет, богом сотворено для нас, для нашего счастья и благополучия») [7, 24–25].

Второй раздел букваря называется «Начинающему учиться ученику» и включает распорядок дня, правила поведения и гигиены юного школьника: «Ирхине ăйхăран тăрсан урăна час сыр, аллăна, питне, куçна авантарах çу та таса алшăллипе шăл. Çÿçне тура, пысăклăхна çых. Тумтирне тирпейлĕ тыт, ан çур. Çурăк çĕр пулсан çĕле. Шăтăк пулсан сапла. Урама тухса выляса çÿриччен килĕнте ĕç тума юрать. Пăркаланса, вăркаланса ан çÿре, тÿрĕ çÿре. Аçу, аннÿ çук çĕрте те ан иртĕн…» («Утром, когда просыпаешься, быстро обувай ноги. Хорошо умой руки, лицо, глаза и вытирайся чистым полотенцем, расчеши волосы, завязывай ремень. Аккуратно носи одежду, не рви. Если обнаружишь рваное место, то зашей. Если образовалась дырка – заштопай. Полезнее выполнить домашнюю работу, чем торчать на улице. Не манерничай, не ходи вокруг да около, будь порядочным. Не шали и там, где отсутствуют родители…») [7, 24–25]. Здесь же автором школьнику даются советы по правильному пользованию учебниками, бережному обращению с ними: «Кĕнекене аллăна илсен, малтан шухăшла: мĕн калать иккен ку кĕнеке мана тесе, ăнласа вулам халĕ те. Кĕнеке юлташпа пĕр вăл. Ăслă çыннăн сăмахĕ епле тутлă пулать, ырă кĕнекен сăмахĕ те çапла пулать» («Когда берешь книгу, сначала помышляй: что же дает тебе эта книга, прочти вдумчиво. Книга стоит вровень с товарищем. Как ценно бывают слова мудрого человека, таковыми окажутся и слова доброй книги») [7, 25].

Следующие 5 разделов букваря озаглавлены так: «Добрые

слова из божьей книги», «Нравоучение святых», «Бог помогает в учебе», «Молитвы», «Слова, взятые из божьей книги» и «Заповеди». Названия разделов указывают на их содержание. Это – религиозно-нравственные наставления, молитвы и избранные места из священного писания. Они носят чисто религиозный характер, пропагандируют среди детворы идеи православия и христианства.

На последних 5 страницах букваря (52–56) дается описание календарного года, четырех времен года (весны, лета, осени и зимы), каждого месяца из 12-ти, отдельной недели, каждого ее дня, приводятся цифровое и письменное изображение чисел от 1 до 1000, таблицы умножения и образцы правописания букв, как заглавных, так и строчных.

Таким образом, первый букварь И. Я. Яковлева, хотя и построен он на еще не совершенном алфавите, стал ценным учебным пособием для чувашских школьников последней трети XIX века. Эта книга дала им изначально ценные навыки в знакомстве с буквами и звуками, в чтении и правописании чувашских слов и предложений, в освоении счета и таблицы умножения. Учение велось в тесной связи с воспитанием, в их органическом сочетании. В основу воспитания был положен морально-нравственный кодекс чувашского школьника, включающий в себя основные положения педагогики родного народа и православно-христианского морального свода. Так, к комплексу чувашской этнопедагогики можно отнести следующие выражения: «Пĕр ăс аван, ик ăс тата авантарах» («Один ум – хорошо, два – еще лучше») [7, 28], «Ей, çамрăксем, ватă çынсене пăхăнса тăрăр» («Ей, молодые, слушайтесь и подчиняйтесь мудрым старикам» [7, 27], «Усал ан ту, сана та усал тимĕ» («Не делай плохого, тогда и тебя плохое не трогает») [7, 27], «Çăварăнтан нихçан та усал сăмах ан тухтăр» («Пусть никогда не звучат в твоих устах плохие слова») [7, 27], «Ерехxи те усал, ĕçки те усал, вĕсене çыхăннă çын ăслă пулмасть» («И в водке присутствует зло, и в пьянстве присутствует зло, и человек, завязанный ими, не умный») [7, 47]. Также и другие аналогичные морально-нравственные идеи содержат все 10 религиозных заповедей, включенные в букварь [7, 51]. В том числе: «Açăна, аннĕне хисеплесе тăр, хăна та аван пулĕ – ку çĕрте ĕмĕрӳ вăрăм пулĕ» («Уважай своих родителей и тебе будет хорошо, и век твой будет длиннее»), «Çынна ан вĕлер» («Не убей человека»), «Ясара ан çӳре» («Не прелюбодействуй»), «Ан вăрла» («Не воруй»), «Çын çине суя суйса ан кăтарт» («Не налги на человека») [7, 51].

После выхода первого букваря Яковлев усиленно работал над совершенствованием национального алфавита, остававшегося все еще слишком громоздким и неудобным. Как было сообщено уже выше, из 47 букв в первый раз решено было оставить 27.

Одновременно Яковлев усердно трудился над подготовкой второго издания букваря, налаживал контакты со знатоками, искал варианты, экспериментировал. На этот раз, как было уже сказано, было задумано издание по способу Н. Ф. Бунакова. Осенью 1872 же года данная книга уже вышла в свет. Этот букварь, как и первый, появился в Казани. Издан он литографическим методом, рукописным шрифтом, в объеме 48 страниц. Букварь сразу стал внедряться в обучение в народных училищах. В нем при изучении предмета на уроках внимание учащихся концентрировалось на отдельно взятом слове, например, «ăса» (челнок), «упа» (медведь), «ана» (загон), «сăра» (пиво), «сухан» (лук), «лаша» (лошадь), «автан» (петух) и т. д. Таких тем было всего 15. При этом каждый раз приходилось решать по 5 задач. Например, к теме «Упа» пристегивались следующие вопросы:

1. Предметный урок о медведях.
2. Разговор о словах и звуках: *уп, па, уа, ау, ап, пу – у, п.*
3. Сложение и разложение слов: *пуп, пулъ, сулъ, пусъ, лъпъ, паллъ, съпъ.*
4. Подбор слов со знакомыми звуками: *пур, пъру, шапа, асампа, пърça, урпа, урапа.*
5. Письмо элементов: *п.*

Далее в букваре предусмотрено проведение 8 уроков по группам отдельных слов, словосочетаний и предложений. В книгу включены также 13 текстов молитв и одна заповедь.

Но самой привлекательной, примечательной стороной второго чувашского букваря, конечно же, является первое солидное присутствие в нем фольклорных и литературных произведений. Если в первом букваре таких текстов почти что не было (кроме некоторых пословиц, поговорок и религиозной легенды), то теперь вниманию чувашского ребенка предлагались 5 загадок («Çеçен хирте симĕс тукмак выртать» («В степи лежит зеленая колотушка»), «Пӳрт тăрринче çур çăкăр выртать» («На крыше избы лежит половинка хлеба»), «Пуçĕ тура, кучĕ çурла» («Голова как гребень, задница как серп»), «Хӳри хуран пек, ешĕл сухан пек, ларать мулла пек, кăшкăрать шуйттан пек» («Хвост, как котел, зеленый, как лук, сидит, как мулла, орет, как черт»), «Пĕр юпасăр, пĕр тĕреклемесĕр аслăк турăм» («Без столбов, без опор построил навес») и 3 рассказа («Петушок» («Автан»), «Сорока» («Чакак»), «Мельница» («Арман туни»). Причем все рассказы оригинальные*.

Выпуск третьего по счету яковлевского букваря дозволен цензурою 28 августа 1873 года. Это «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» объемом 32 страницы. Издание

* В монографии В. Я. Канюкова «Дореволюционная чувашская детская литература» ошибочно указано, что рассказы «Автан» и «Чакак» впервые печатались в букваре издания 1875 года (Канюков, 1954. С. 106).

литографическое. Главная ценность букваря состоит в том, что он скомплектован на основе третьего, окончательного варианта чувашского алфавита, состоящего из 25 букв. В начальной части его, как и в первом букваре, приведены поблочно буквы, слоги и слова. Только на этот раз вперед поставлено не слово, а отдельная буква. Так, на третьей странице на переднем плане в первом ряду расположены буквы *а, ă* и *с,* во втором ряду следуют слоги *ас, ăс, са, сă,* в третьем – слова *ăс, ăса, сасă.*

В конце первой части букваря помещен полный перечень чувашского алфавита. В книгу включены фольклорные и литературные тексты. Сейчас, по сравнению с первым и вторым букварями, заметно возросло их количество – дошло оно до 50. Разнообразнее стали они по жанру, тематике и сюжету. Среди них 26 загадок. Есть пословицы и поговорки, рассказы. Появились новые жанры, отсутствовавшие в предыдущих изданиях: сказка («Упапа каччă» – «Медведь и парень»), песни («Пирĕн те ялан хурăнлăх» – «У нас всегда березняк», «Ивук кĕпер айĕнче касман чăрăш ларать-çке» – «Под местом Ивука растет ель», «Икĕ шĕшкĕ юнашар» – «Рядом два орешника», «Чи-чи кăсăя» – «Синичка»), хайла-прибаутка («Кашкăр манăн кашавар» – «Волк мой, серый волк», «Сыснапа лаша» – «Свинья и лошадь») и юмореска («Тĕлит-тĕллит Микулай»). Русский отдел букваря на этот раз невелик. Состоит он из алфавита, описания букв и слов.

По утверждению профессора Н. П. Петрова, «после введения нового алфавита на основе низового диалекта количество чувашскоязычных учебников и учебных пособий за период с 1872 по 1917 гг. достигло 63 названий» [8, 7], среди них букварей – 47. В 1888, 1893, 1900, 1906, 1908, 1912 годах их издано по 2 раза, в 1904 и 1913 – по 3, в 1897 – 4 раза. В 1876–1879, 1881, 1882, 1887, 1895, 1899, 1901, 1903, 1907, 1915 годах издание букварей пропускалось. Выпуск их осуществлялся на полиграфической базе Казани и Симбирска. Самые большие тиражи имеют буквари 1898 года (15000 экз.), 1897 и 1917 годов (по 10000 экз.), 1913 года (7000 экз.), 1880 и 1888 годов (по 6000 экз.). Буквари 1883, 1886, 1893, 1896, 1897, 1908, 1912 годов выпускались тиражом от 2020 до 5050 экз. Объем 32 букварей составлял от 29 до 59 страниц, 9 – от 144 до 242 страниц. Толщина листажа зависела от структуры и характера букварей. Издавались буквари как полные, так и сокращенные. Например, букварь 1900 года издания объемом 242 страницы содержал два крупных отдела: чувашский и русский. Русский отдел включал в себя русские буквы, первоначальные разговорные уроки русского языка, материал для русского чтения. В 1904 году чувашский и русский отделы букварей выпущены отдельными книгами. Первая называлась «Букварь для чуваш с

присоединением русской азбуки: Ч. 1: “Малтанхи чăваш кĕнеки”» (160 стр.). Книга состояла из предуведомления, чувашского и русского отделов. Название второй книги – «Букварь для чуваш: Ч. 2: “Русские разговорные уроки – Иккĕмĕш чăваш кĕнеки (вырăсла вĕренмелли)”» (185 стр.). Здесь даны первоначальные уроки русского языка. Имеются конспекты уроков. В 1908 году был издан первый «Сокращенный букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш çыруне вĕренмелли кĕнеке» (31 стр.). Эта книга включала в себя все необходимое для изучения чувашской и русской азбуки. Материал, не вошедший в букварь, издавался отдельно под названием «Первая книга для чтения после букваря». В 1912 году в Симбирске вышел в свет «Новый букварь для чуваш с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму, с рисунками и образцами письма – Чăваш çыруне вĕренмелли кĕнеке». Составил его И. Т. Трофимов, иллюстрировал К. В. Иванов. Объем книги – 48 страниц, тираж – 2020 экз. В последующие годы он несколько раз переиздавался. Увеличился его тираж. Так, в 1917 году он составил 10000 экз.

От издания к изданию буквари обогащались произведениями фольклора и литературы. Если в первом издании (1872), как нами уже подчеркивалось выше, эти следы были едва заметны, то в 1874 году для упражнения в чтении в букварь помещено уже 13 небольших рассказов, 20 загадок и несколько пословиц и поговорок. В букваре 1875 года издания количество рассказов увеличилось до 23, загадок – до 45, были также пословицы и поговорки, а в издании 1913 года число таких текстов достигло 117.

От единичного к множественному, от простого к сложному – такого принципа придерживался И. Яковлев при компоновании своих букварей. Материалы расположены по степени их трудности для изучения в нарастающем порядке. Например, в первой части букваря 1886 года в ходе перехода к изучению от одной буквы алфавита к другой, по мере увеличения количества рассмотренных букв растет и численность примеров по ним. Одновременно усложняется и их содержание. Так, в начале книги к буквам «А» и «Н» приведены слова «Ан. На. Ана. Анна. Анана. Аннана. Анна, ан. Анна, ан ан». С буквой «Р» примеров уже побольше: «Ар. Ур. Ура. Уру. Ара. Аран. Урана. Уруна. Урара. Ураран. Анара. Анаран. Ну, Анна, анар». У буквы «Ҫ» (нынешней *ч* – А.М.) арсенал примеров еще богаче. Он состоит не только из слогов, слов и словосочетаний, но и рассказа («Эпир пĕрре чикĕри ана çинче тулă выраттăмăр»), пословиц и поговорок («Чăххине çăмарти вĕрентес

çук теççĕ», «Час тунă ĕç тĕплĕ пулмасть», «Иккĕн икерчĕ çиме аван, тет, тăваттăн авăн çапма аван, тет»). В такой же манере построен и русский отдел букваря. Здесь так же, как и в чувашском отделе, по мере перехода от одной алфавитной буквы к другой увеличивается количество примеров по ним, усложняются их характер и содержание. Так, тексты для упражнения по букве «Д» занимают в издании 1,5 страницы, по букве «К» – 2, «С» – 3 страницы. К блокам букв приведен русско-чувашский словарь типа «Мы – эпир. Вы – эсир. Луна – уйăх. Вилы – сенĕк. Нары – урлă сак. Рама – хашаха. Мама – анне. Рана – суран» и т. д. В русский отдел вошли также произведения отечественной классики: рассказы Л. Н. Толстого «Как дядя Семен рассказывал про то, что с ним в лесу было», «Корова» и «Филиппок».

Некоторую позитивную корректировку получил букварь 1894 года. Отдельные тексты, имевшиеся в издании 1886 года, сокращены, изменены. Внесены в книгу новые материалы. Не встретим мы здесь теперь слов с двойным стандартом типа «шану» (с одной стороны, ходит в значении термина «надежда», образованного искусственным путем, с другой стороны, в значении «твой пивоваренный чан»), «ашу» («смесение грязи» и «твое мясо»). Не включены в это издание также слова, редко встречавшиеся в разговорной речи («çулăк», «açлăк»), выражения нетрадиционных языковых конструкций («анара», «анаран», «ырара», «ан шыран», «ыруна ыра») и т. д.

В блоки примеров, приведенные для изучения букв из алфавита, в целях облегчения усвоения материала введены общие единые герои. Прежде всего такой героиней является Анна (часто встречающееся в чувашских деревнях женское имя): «Анна. Анна, ан» (в блоке буквы «А»), «Ну, Анна, ан» («У»), «Ну, Анна, анар» («Р»), «Анна, ан шу» («Ш»), «Анна, сана салам» («С»). Имеются также предложения, связанные с именами Макар и Иван: «Атя, Макар, упа курма» («К»), «Макар салтак кашкăр тытма капкăн хунă, кашкăра улталама унта хур лартнă» («А»), «Иван, Ивана сăкман вит, вăл шăннă. Иван, атя вир вырма» («И»). Автор также умело заигрывает словом «ыраш» (рожь) – названием основной зерновой культуры чувашей: «Ыраш. Ан шыра ыраш шанра» («Ы»), «Вара ыраш выр. Аван ыраша вырар» («В»), «Ыраша аллар» («Л»), «Ыраша вырмалла. Аван ыраша вырма аван» («М»). Многие предложения состоят из пословиц и поговорок, нравоучений, содержащих в себе созвучие букв и звуков, которым посвящены тексты: «Ху аллу-уруна ху сыхла» («Х»), «Пусса ан сур. Ухмах хурапа шурра палламан» («П»), «Тус пулсан мул та пур. Ватта ырра хур. Салатма аван та, пухма аван мар. Вутпа ан алхас» («Т»), «Сăмаха шухăшласа кала. Атăла курмасăр аттăна ан

хыв. Турра та шанса тăр, хăна ху та пăх. Ырра курсан ырă пулан, усала курсан усал пулан. Сăпса хыт сăхать» («Ă»), «Хăнтан аслине хисепле. Сысна хырăмне ыраш пăсмасть тет. Утне кура турти» («Е»), «Ĕмĕр сакки сарлака теччĕ. Çулла çимĕç хатĕрле. Хĕлĕн хырăмĕ пысăк. Тиркекене тирĕк тĕпĕ тивнĕ теччĕ. Ут вĕçерĕнет – тыттарать, сăмах вĕçерĕнет – тыттармасть. Кашăка ăсмассерен турам кĕмест» («Ĕ»), «Чăххине çăмарти вĕрентес çук теччĕ. Пĕчĕкçĕ хуранăн пăтти тутлă. Укçа чул кастарать. Чавса çывăх та çыртма çук» («Ч»). В число примеров для упражнений автором включены также народная песня и загадка.

В 14-м издании букваря (1900) исправлены издержки, допущенные в предыдущем, 13-м (1897), издании. Верную свою конструкцию приобрело предложение «Ырă çынпа паллаш (раньше было «çынна»), усал çынтан тар». В букваре 1897 года суть мысли «Весной дни удлиняются, работы прибавляются, но руки до всего этого не доходят» изложено в двух отдельных разрозненных предложениях «Çуркунне кун вăрăмланать. Куç курать те алă çитмест». В букваре 1900 года эти два предложения объединили в одно, придав им более верное смысловое значение: «Çуркунне кун вăрăмланать те алă çитмест». Понятие «Лаша çумăра тăлхăрать» («Лошадь фыркает к дождю») из букваря 1897 года является народной приметой ложного толка. При том глагол «тăлхăрать» являлся старинной формой, в то время он использовался в основном в виде «тулхăрать». Поэтому эта формулировка в букварь 1900 года не вошла.

14-е издание (1900) букваря пополнилось четырьмя новыми блоками текстов религиозного содержания. Букварь 1913 года дополнен еще 14 блоками примеров, посвященных церкви, богу и царю. В этом еще раз ярко и искренне проявились вера и преданность чувашского просветителя к идеям православно-христианской религии.

В букваре 1902 года многие циклы примеров для упражнений укомплектованы из предложений, несущих разностороннюю функцию: эстетическую, нравоучительную и познавательную. Так, именно из таких примеров составлен раздел «Разложение речи на слова»: «Йытă вĕрет (Собака лает). Хĕлле çанталăк сивĕ (Зимою погода холодная). Пирĕн патша Питĕрте пурăнать (Наш царь живет в Питере). Вĕренме ан ӳркен (Не ленись учиться)».

Особенно отличаются от своих предшественников по качеству буквари, появившиеся с 1912 года, в составлении которых принимали самое активное участие И. Т. Трофимов и К. В. Иванов. В них даны отличные образцы письма, впервые напечатаны рисунки.

Буквари И. Я. Яковлева, являясь незаменимыми учебниками

для школьников, одновременно служили и ценными учебно-методическими пособиями для педагогов. С первого же издания в них регулярно печатались полезные советы и рекомендации по преподаванию в школах чувашского и русского языков, организации в них всего учебного процесса. В предисловии первого словаря (1872) Иван Яковлевич ознакамливает учителей с системой и структурой чувашского языка, подробно останавливается на особенностях наречий анатри и виръял, в первоначальном обучении грамоте по своему учебнику предлагает использовать звуковой способ. Добрые советы даются им преподавателям в предисловии букваря 1874 года: «Когда ученики достаточно научатся читать по чувашски, что при правильном обучении может быть вполне достигнуто в течении 2 или 3 месяцев, следует перейти к русской азбуке, которая уже не представит особенных затруднений». В предуведомлении другого издания (1880), развивая свои ранее высказанные мысли, он пишет: «В предлагаемом букваре упражнения идут по звуковому методу. Как вести эти упражнения – можно видеть из самих примеров. Отдельные буквы и слоги напечатаны черным, жирным шрифтом, а слова со значениями – мелким. В первом упражнении находятся три слова: *аш – говядина, аша – говядину, шу – двигайся;* во втором упражнении тоже три слова: *шур – болото, ура – нога, шура – в болото;* а в третьем упражнении восемь слов и три кратких предложения. В следующих упражнениях число предложений постепенно увеличивается и даже находятся целые отдельные фразы. Преподаватель, по своему усмотрению, может видоизменять наш прием обучения грамоте» [9, 3]. Убедительные аргументированные пожелания даются учителям для использования ими букваря 1913 года: «При настоящем издании Букваря имелось в виду соблюсти возможную наглядность и сознательность в обучении. Так, для выделения каждого нового звука и закрепления в памяти буквы этого звука в Букварь помещены рисунки, изображающие предметы, названия которых начинаются с изучаемого звука и иногда несколько напоминающие своими очертаниями самую букву, что при первоначальном обучении при сильно развитой детской фантазии может играть некоторую роль. Слова – упражнения на каждую букву – расположены вертикальными столбцами, при чем каждое слово образуется из предыдущего, над ними стоящего, или посредством прибавления новой буквы, или же посредством замены одной буквы другой, и сходные части слов стоят под сходными же. При таком расположении и сходные части, и разница в буквах выступают выпукло и обращают на себя внимание; дети с первых же шагов приучаются прибегать к сравнению и сопоставлению,

относиться к читаемому вполне сознательно… Одновременно с обучением чтению ведется и обучение письму» [10, 46].

Тексты фольклора являлись неотъемлемой частью букварей до 1917 года. Особенно часто обращался к ним Яковлев при составлении первых букварей. Причиной тому, с одной стороны, было отсутствие оригинальных художественных произведений, переведенных материалов русской литературной классики. С другой стороны, Иван Яковлевич прекрасно понимал, что фольклор – это духовное богатство народа, одно из самых ценных его сокровищ, один из самых незаменимых материалов педагогики. Прежде всего привлекли его внимание **пословицы и поговорки.** В первом же букваре (1872) вместо примеров по обучению чтению дана специальная подборка, объединяющая 16 пословиц и поговорок: «Ĕмĕр пурăн, ĕмĕр вĕрен» («Век живи, век учись»), «Пĕр кун каяшшăн çич кунлăх çăкăр ил» («Поедешь на день, бери хлеба на неделю»), «Мĕне шыран, ăна тупан» («Чего ищешь, того найдешь»), «Ан алт çыншăн шăтăк, ху унта ўкĕн» («Не рой яму для человека, сам туда упадешь»), «Тўрĕ калани куçа шăтарать» («Прямое слово глаза режет»), «Ху вăйă çитмелли йывăçа кас» («Руби дерево, которое тебе под силу»), «Эпир çук çĕрте кăна аван теççĕ» («Говорят: хорошо там, где нас нет»), «Еррипе кайăн, инçерех пулăн» («Тише едешь, дальше будешь»), «Мĕн акăн, çавна вырăн» («Что сеешь, то и пожнешь»), «Ĕнер кам суйрĕ, паян ăна ĕненмĕç» («Вчера кто соврал, сегодня ему не поверят»), «Çĕнĕ туссем ту та ĕлĕкхисене ан ман» («Новых друзей заимей, но и старых не забывай»), «Пĕр ăс аван, икĕ ăс тата авантарах» («Один ум хорош, два еще лучше»), «Ырра вĕренсен, усал шухăш пуçа кĕмĕ» («Научишься добру, плохая мысль в голову не лезет»), «Çын аллипе кăвар туртма пит аван» («Хорошо нагребать жар чужими руками»), «Кивçен илни тўленипе илемлĕ» («Долг красив платежом»), «Вĕренме тытăнни йўçĕ, вĕренни тутлă» («Горько начало учебы, сладка учеба») [7, 23]. Кроме этой подборки, пословицы и поговорки введены и в другие тексты первого букваря: «Начарне тăва пĕлсессĕн аванне те тăвăн» («Если плохое умел сделать, то сделаешь и хорошее») [7, 25], «Ватă çына ан хурла, ху та ватă пулăн» («Не хами старых людей, и ты стареешь») [7, 27], «Аван сывлăх мултан ырă» («Доброе здоровье дороже богатства») [7, 28], «Вăй çитес япалана пурне те ан ту, мĕн кирлĕ ĕçе кăна ĕçле» («Не делай всю работу, что тебе под силу, а делай то, что необходимо») [7, 30] и т. д. В этих сжатых, образных, грамматически и логически законченных изречениях заключены народная оценка жизни, наблюдения народного ума, правда о труде, о народной силе, человеческом разуме, житейские советы. О пословице добро отзывался академик Г. Н. Волков: «С одной

стороны, они содержат педагогическую идею, с другой – оказывают воспитательное влияние, несут образовательные функции: повествуют о средствах, методах воспитательного влияния, соответствующих представлениям народа, дают характеристические оценки личности – положительные и отрицательные, которые, определяя так или иначе цели формирования личности, содержат призыв к воспитанию, самовоспитанию и перевоспитанию, осуждают взрослых, пренебрегающих своими священными обязанностями – педагогическими и т. д.» [11, 62–63]. Нравоучение и мораль, заложенные в пословицах и поговорках, их форма, благоприятная для запоминания, искусная ритмика и рифмовка, игра слов, живописный и поэтический язык, были близки и притягательны для чувашских детей, любовно воспринимались ими. Во всем этом был глубоко убежден великий чувашский педагог. Активно включая пословицы и поговорки в каждое издание букваря, он стремился повлиять на детей с тем, чтобы они смотрели на жизненные ситуации зоркими глазами народа, воспитывать в них любовь к трудовому люду, прививать им трудолюбие, смелость, силу духа, волю, выносливость, справедливость, честность, скромность и другие положительные качества рабочего человека. Автор пословицами и поговорками защищает молодое поколение от совершения ошибок, неверных шагов в жизни: «Чавса çывăх та çыртма çук» («Локоть близок, да не укусишь») [12, 10], «Туман тихан пилĕкне ан хуç теççĕ» («Не сгибай спину нерожденного жеребенка»), «Упана тытмасăр тирне ан сут» («Пока не поймал медведя, шкуру не продавай») [12, 14], «Атăла курмасăр аттăна ан хыв» («Пока не видел Волгу, сапоги не снимай») [12, 5], «Улмана ӳссе çитмесĕр ан тат» («Не срывай яблоко, пока оно не созрело») [12, 10], «Вăйăран вăкăр тухать» («Из игры рождается бык») [9, 10]. Немало в букварях пословиц и поговорок, посвященных труду, рабочему человеку, трудовому воспитанию подрастающего поколения: «Ĕç хытă чикет вăл» («Работа она здорово колет») [9, 16], «Ĕçрен ан хăра, вăл санран хăратăр» («Не бойся работы, пусть она сама тебя боится») [9, 16], «Ир тăракан тутă пулнă тет» («Тот, кто вставал рано, оставался сытым») [12, 14], «Çиесси çăмăл та ĕçлесси йывăр» («Легко кушается, тяжело работается») [12, 14], «Тăваттăн авăн çапма аван, иккĕн икерчĕ çиме аван» («Молотить вчетвером хорошо, блины кушать – вдвоем») [10, 16], «Хĕнсĕр ĕç пулмасть» («Без тяжести работа не получается») [10, 16], «Юлхава ялан уяв» («Для лентяя всегда праздник») [10, 19]. В пословицах и поговорках, включенных в буквари, получали отражение педагогические идеи, касающиеся рождения и воспитания детей, ответственности их родителей за это: «Мĕн акнă, çав шăтать»

(«Что посеешь, то и вырастит») [12, 9; 13, 8], «Улми йывăççинчен аякках кайса ўкмест» («Яблоко далеко от яблони не падает») [9, 8], «Йĕп ăçта, çип унта» («Где иголка, там и нитка») [9, 12], «Улмана ўссе çитмесĕр ан тат» («Не рви яблоко, пока оно не созрело») [12, 10], «Лаша пуласси тихаран паллă, çын пуласси ачаран паллă» («Каковой будет лошадь – видно от жеребенка, каким будет человек – видно от ребенка») [12, 10], «Ача-пăчана шанакан хăрах куçлă пулнă, тарçа-тĕрçе шанакан сĕм суккăрах пулнă» («Тот, кто надеялся на детей, стал одноглазым, тот, кто надеялся на слугу, стал полностью слепым») [9, 7], «Ача-пăчана сак урлă выртнă чух çап, сак тăрăх выртнă чух ан çап вара» («Бей ребенка тогда, когда он лежит поперек скамейки, а когда лежит вдоль скамейки – не бей») [9, 6]. В произведениях этого жанра фольклора часто звучит внушение подрастающему поколению мысли о необходимости уважать старших, настойчиво поддерживать их авторитет: «Ватă çынна ан хурла, ху та ватă пулăн» («Не хами старому человеку, и сам окажешься старым») [9, 31], «Ватта ырра хур» («Цени старого человека») [12, 3], «Чăххине çăмарта вĕрентес çук, теççĕ» («Курицу яйцо не учит») [13, 9], «Ута пăхакан çуран юлман, ватта пăхакан выçă çўремен теççĕ» («Тот, кто ухаживает за лошадьми, не остался без подводы; тот, кто ухаживает за старшими, не остался голодным») [10, 20], «Ватта туя кирлĕ, пĕчĕкçĕ ачана сăпка кирлĕ» («Старому человеку нужен посох, а ребенку – люлька») [14, 10]. Многие пословицы и поговорки учат юных читателей правильно и умело пользоваться словом, предупреждают их о том, что слово, высказанное скороспешно и необдуманно, может основательно повредить делу: «Чăн сăмахăн суйи çук» («У правды нет кривды») [9, 7], «Усал сăмах çилпе вĕçет, ырă сăмах çуран çўрет, теççĕ» («Злое слово ветром летает, доброе пешком ходит») [9, 8], «Ут ĕçерĕнет – тыттарать, сăмах ĕçерĕнет – тыттармасть» («Лошадь вырвалась – поймаешь, слово вырвалось – не поймаешь») [9, 10], «/т-чĕлхенĕн шăмми çук» («У языка нет костей») [10, 16], «Сăмаха шухăшласа кала» («Прежде чем сказать, сначала подумай») [15, 9]. Мудрые афоризмы народа призывают представителей молодого поколения ценить друзей, товарищей и родных, быть верным дружбе: «Тус пулсан, мул та пур» («Есть друг, есть и богатство») [12, 3], «Çĕр сум укçу пуличчен, çĕр тус пултăр» («Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей») [12, 11], «Ырă çынпа паллаш, усал çынтан тар» («Познакомься с добрым человеком, от злого – убеги») [16, 10–11]. В букварях Яковлева нередко встречаются образные, крылатые изречения, содержащие суждения из области образования, призывающие ребят хорошо учиться, пополнять свои знания: «Хур шăмми тытакан хур курман, тет» («Тот, кто брал в руку гусиное перо, бед не знает») [13, 6], «Пĕлмен ĕçе пĕлме тăрăш»

(«Постарайся узнать незнакомое дело») [17, 13], «Çыру вĕренме ан ӳркен» («Не ленись учиться») [10, 15]. Особую ценность представляют заповеди и изречения нравоучительного характера, которые активно пропагандируют нормы кодекса народной морали. Это единый и комплексный свод нравственных ценностей, в котором органично слились этнопедагогическое и православно-христианское начала. Вот некоторые из них: «Пусса ан сур» («Не плюй в колодец») [12, 2; 17, 8], «Ватта ыра хур» («Цени старшее поколение») [12, 3], «Пысăк сăмах каличчен, пысăк чĕлĕ çăкăр тыт» («Прежде чем сказать большое слово, держи большую ломоть хлеба») [10, 19], «Аçу-аннӳне хисепле» («Уважай родителей») [18, 60], «Вутпа ан алхас» («Не балуйся с огнем») [15, 6], «Нихăçан та ан сӳеçтер» («Никогда не лги») [13, 19], «Пĕлмен çынна вĕрент, хуйхăллă çынна пусар» («Незнающего человека учи, горюющего человека успокой») [13, 15], «Ерехе ан сăхлан» («Не дружись с водкой») [15, 10], «Усалтан тар» («Убеги от зла») [15, 7], «Çынпа тӳрĕ пурăн» («Мирно живи с человеком») [17, 3], «Наян ан пул, ĕçчен пул» («Не будь лодырем, будь трудягой») [12, 15] и т. д. Первоначально, в букварях, изданных в 70–90-х годах XIX века, пословицы и поговорки размещались в основном в отдельных блоках. В последующем, в книгах, выпущенных в начале XX века, они органично вставлялись и в другие тексты, в частности, в рассказы. Так, в небольшом рассказе «Пĕр арăмăн пит турăх çиесси килнĕ, тет» («Одной женщине страшно захотелось покушать турăх»*) к концу сюжета удачно привязана пословица «Туман тихан пилĕкне ан хуç» («Не сгибай спину нерожденного жеребенка») [17, 26]. Рассказ «Манăн Петĕр ятлă юлташ вĕр-çĕнĕ пушă яврĕ» («Мой товарищ Петр изготовил новый кнут») кончается пословицей «Çапа пĕлмен пушă хăйне çаврăнса тивнĕ» (Кнут, из-за неумелого использования, ударил самого же хозяина) [17, 25; 10, 32]. Концовку рассказа «Эпир пĕрре çулла çерем çинче вăрлăх çапатпăр» («Мы однажды на дернине молотили семена») составляет пословица «Аптăранă кăвакал кутăн чăмнă, тет» («Говорят, замаявшаяся утка прыгнула в воду задом») [17, 23; 10, 32]. Сюжет рассказа «Йăлăнтарни» («Каприз») завершается народным изречением «Çын аллинчи кукăль пысăккăн курăнать» («Пирог, находившийся в руках другого человека, покажется большим») [17, 24; 10, 33]. В таких случаях пословицы и поговорки обычно используются в заключительной части повествования. В результате мудрое народное слово выводит изложенное в рассказе за рамки единичного случая, придает произведению художественно-обобщенный характер, наводит юного читателя на размышление.

Большое внимание уделял Яковлев в своих букварях

* Турăх – чувашский национальный молочный напиток.

загадкам. Загадывание загадок он считал не самоцелью. Загадки, по его мнению, могут помочь развить в детях стремление к учебе, к знаниям. Они оказывают активное воздействие на развитие детского мышления, на умственное развитие детей. Загадки учат ребенка думать и искать правильные ответы. Это своего рода умственные упражнения. Загадки обогащают ум детворы сведениями о природе и знаниями из самых различных областей человеческого бытия. Они развивают фантазию и наблюдательность детей, приучают их к пытливости, помогают воспитанию в них целеустремленности, упорства и настойчивости. Чем интереснее и труднее загадки, тем больше желания проявляют малыши для их отгадки, тем больше стремятся они разрешить, разгадать их.

Уже со второго букваря этот оригинальный жанр фольклора Яковлев сделал неотъемлемой составной частью своих учебников. Представлял он загадки на страницах книг разным способом: и в отдельном персональном блоке, и в составе с другими жанрами устного народного творчества, и в рамках разных сюжетно-тематических текстов. Во втором букваре (1872), как нами уже подчеркнуто впереди, помещено было 5 загадок. В последующих изданиях количество загадок увеличивалось. В букваре 1880 года их стало уже 45. Еще в предисловии книги автор сообщает цели их опубликования: загадки, вместе с другими жанрами литературы и фольклора, помещены в букваре «для упражнения в чтении», они призваны быть «материалом для устных бесед» школьников [9, 3]. Ответам загадок отведено место на отдельной (десятой) странице. По тематике доминирующее положение занимают загадки, посвященные сельскохозяйственным культурам (хмель, конопля, полба, капуста), животным и птицам (лошадь, сорока, петух), предметам домашнего обихода (топор, корыто, часы, перина, дровни, кувшин, иголка, лапти, колокольчик), частям отдельных предметов и вещей (потолочная доска, косяк, каменка в бане, соломина, ножки стола), названиям труда (выгребание горячих углей, тканье, подметание пола, щепание лучины) и т. д. Все эти темы взяты из крестьянской жизни, близкой и понятной чувашским детям. В первой части букваря, посвященной изучению конкретных букв чувашского букваря, использовано 19 загадок. Так, в подборку примеров с буквой «В» включена загадка, начинающаяся с этой буквы: «Вырăспа тутар хутăш» («Смесь русского с татарином» – Пенька и конопля). В блоке буквы «Ĕ» помещены сразу четыре загадки, содержащие данный звук: «Пĕр çĕлĕкĕн хĕрĕх саплăк» («На одной шапке сорок заплаток» – Каменка в бане), «Шурă хырăн ăшĕ хăвăл» («У белой сосны нутро пустое» – Соломина), «Хуп-хуп пахча, хуп пахча, хуп пахчара шăмă пахча, шăмă пахчара хĕрлĕ

автан» («Ограда лубяная, внутри – ограда костяная, в ограде костяной красный петух» – Язык), «Чунсăр çын вăхăт пĕлет» («Бездушный человек знает время» – Часы). В блоке буквы «Й» таких загадок 5, буквы «Т» – 3. В данном издании загадки умело расположены автором в добром соседстве с литературными произведениями. У них есть общие объединяющие начала. Это – тема и образ. Так, после рассказа «Петушок» помещена загадка про эту домашнюю птицу: «Пуçĕ тура, кучĕ çурла» («Голова – гребешок, а хвост – серпок»). Загадке «Суккăр автан сиксе авăтать» («Слепой петух без остановки кукарекует») и пословице «Пуртă аврине тытма хăтланса, пурттине шыва янă, тет» («Зарился на топорище, топор упустил»), посвященным топору, предшествует рассказ на эту же тему. Проблема «деньги», заключенная в рассказе «Тĕлит, тĕлит Микулай», удачно продолжена в помещенных после него загадке «Лутра вырăс ял касать» («Низкорослый русский обойдет деревню») и пословице «Çĕр сум укçу пуличчен, çĕр тус пултăр» («Не имей сто рублей, а имей сто друзей»). За рассказом «Чакак» («Сорока») следует загадка об этой птице: «Пĕчĕкçĕ кĕлетĕн тĕкки вăрăм» («Подпорка длиннее самой клети»). Также после рассказа о поиске лошади напечатана загадка на эту тему: «Тăваттăн тĕвеççĕ, пĕри авăсать» («Вчетвером толочат, один просеивает»). В букваре 1906 года в отдельном блоке опубликовано 5 загадок. В этом букваре так же, как и раньше, загадки, пословицы и поговорки успешно иллюстрированы небольшими рассказами из близкой и известной детворе сельской жизни и быта. Так, загадке «Пĕр шăшийĕн икĕ хӳре» («У одной мыши два хвоста» – Иголка) предшествует рассказ о голодной мыши. К рассказу о собаке с костью во рту приложены две загадки, посвященные этому животному: «Акар йыттăм ашса пырать, аякки витĕр хĕвел пăхать» («Борзая собака рысью бежит, сквозь ее бока светит солнышко» – Дровни), «Хура йыттăм çакăнса тăрать, хĕрлĕ йытти ăнах вĕрет» («Черная собака висит, красная собака на нее лает» – Котел на огне).

По мере расширения умственного кругозора детей в зависимости от уровня их знаний и возрастных особенностей усложняется и разгадка загадок. Нередки в букварях загадки с длинными текстами. Они, с одной стороны, по сравнению с простыми, легкими для восприятия загадками намного соблазнительнее, поэтичнее, лиричнее, с другой стороны, в смысле отгадывания заметно сложнее и труднее: «Ши каять, пи каять, çӳле каять, çăмарта тăвать» («Вьется-завивается, взвивается ввысь, доберется – снесет яичко» – Хмель) [9, 16], «Ăçта каятăн, икĕ ура? Тăватă урана шырама. Ăçта каятăн, тăватă ура? Ултă урана шырама. Ăçта каятăн, ултă ура? Выртнă упана тăратма» («Куда идешь, двуногая? Искать четвероногую. Куда идешь, четвероногая? Искать

шестиногую. Куда идешь, шестиногая? Поднимать лежащего медведя» – Стога сена) [20, 16–17; 9, 8–9], «Çеçенхир варринче ватă юман, ватă юманăн вуникĕ турат, вуникĕ туратра тăватшар йăва, тăватă йăвара çичшер çăмарта» («Средь чисто поля старый дуб, старый дуб о двенадцати ветвях, на двенадцати ветвях по четыре гнезда, в четырех гнездах по семь яиц» – Год, месяцы, недели, дни) [19, 17], «Чупса-чупса пынă чух кĕмĕл çĕррĕм тухрĕ-ўкрĕ: ăна уйăх курчĕ, хĕвел илчĕ» («Бежала-бежала, выпало серебряное кольцо: луна увидела, солнце подняло» – Роса) [19, 17].

Яковлев, считавший одним из трех духовных богатств чувашского народа наличие у него 100 тысяч **песен,** стремился разумно использовать произведения этого древнейшего жанра фольклора в обучении и воспитании подрастающего поколения. Они удачно вставлялись в буквари. В одних случаях песни поданы в виде примеров для упражнения по отдельным темам, в других – в специально отведенных местах с указанием жанра. В жанровом плане это, в основном, обрядовые, ритуальные песни («Сиктĕрмеллĕ урапа», «Тарăн çырма тăрăх хурлăхан», «Шăнкăр-шăнкăр шыв юхать», «Вун иккĕн тунă çăпата», «Сĕм-сĕм вăрман»). Имеются также шуточные песни («Вун икĕ кушак пур çинче», «Атте мана юратать», «Эпир вун иккĕн пĕр тăван», «Кĕрепенкке çурă хут укçа», «Ăсатас пулсан ăсатăр», «Тĕлит-тĕлит Микулай») и оригинальные детские песни («Чи-чи кăсăя», «Чĕкеç юрри») и т. д.

В центре внимания обрядовых песен из букваря – уважение и любовь к родителям, ближайшим родственникам. Важность и значимость этого явления глубоко была понятна великому просветителю. У чувашей, лишившихся очень рано, еще в XIII веке, своей государственности, самым авторитетным и почитаемым органом издревле считалось собрание членов семейно-родовой сферы. Собирались родственники не только по случаю торжественных печальных событий, но и для определения насущных и перспективных задач рода.

В подобных песнях, включенных в буквари, часто звучит радость встречи людей с родственниками:

Шăнкăр-шăнкăр шыв юхать,	Журча-журча течет ручей,
Шăнкăрчă чĕппи шыв ĕçет,	Птенец скворца воду пьет,
Чĕкеç чĕппин мĕн ĕç пур?	Какое дело у птенца ласточки?
Ылтăнпа кĕмĕл тавлашать,	Золото с серебром ругаются,
Пăхăр укçанăн мĕн ĕç пур?	Какое дело у медной монеты?

Тăванпа тăван савăшать, Çичĕ ютăн мĕн ĕç пур? [19, 27; 17, 33]	Родня с родней веселятся, Какое дело у посторонних?

Эта же мысль красной нитью проходит и в песне «Вун иккĕпе тунă çăпата»:

Вун иккĕпе тунă çăпата, Сыриччен сырасса сунмарăм, Сырсан пăрахасса пĕлмерĕм. Ах, тăвансем-чунăмсем, Куриччен курасса сунмарăм, Курсан уйрăласса пĕлмерĕм. [17, 59]	Лапоть, заплетенная из двенадцати лыка, Пока не обулся, даже не думал об этом, Как только обулся, не знал уже, как расставаться. Ой, родственники мои милые, Пока не виделся, даже не думал об этом, Как только увидел, не знал уже, как расставаться

Горечью и печалью, возникшими у двух кровных братьев и сестер после их расставания, проникнута песня «Икĕ шĕшкĕ юнашар»:

Икĕ шĕшкĕ юнашар, Пуртти касрĕ, уйăрчĕ. Икĕ çаран юнашар, Шăпи тухрĕ, уйăрчĕ. Эпир иккĕн пĕр тăван, Турă çырни тухрĕ, уйăрчĕ. [20, 23]	Соседствуют два орешника, Топором срезали, разъединили. Соседствуют два луга, Судьба решила, разъединила. Мы вдвоем кровные родные, Подошел рок и разъединил.

Автор букварей всемерно стремился прививать детям любовь и уважение к старшему поколению. Он знал, что чем крепче эта связь, тем благополучнее становится судьба родного народа. В

произведении «Сиктĕрмеллĕ урапа, йĕс ўрече» ярко ощущается чувство благодарности молодых к старшим родственникам за заботу и внимание, проявленные по отношению к ним:

Сиктĕрмеллĕ урапа, йĕс ўрече, Хăш енчен сиксе ларам-ши? Аккаçăм та йыснаçăм, Хăш урăртан тытса тайăлам-ши? [19, 20; 17, 26]	Телега на рессорах, грядки из меди, С какой стороны мне лучше сесть? Милые старшая сестра моя, мой зять, К какой ноге вашей мне прикоснуться и поклониться?

Обрядовые песни помогают юным читателям лучше познать окружающий их мир, знакомят их с характером и спецификой работ, осуществляемых их родителями:

1. Вăрмантан çапă пухрăмăр, Çарантан утă çултăмăр, Çапăран çатан аврăмăр. Утă сутса мул турăмăр. [20, 10–11]	В лесу мы хворост собирали, На лугу мы сено косили, Из хвороста корзину плели. Продав сено, богатство накопили.

2. Пирĕн те ялан хурăнлăх: Тăрринчен шăпăр çыхатпăр, Тĕпне хыльăх тататпăр. Пирĕн те ялан юманлăх: Тăрринчен икел тататпăр, Тĕпне тупан аватпăр. Пирĕн те ялан шĕшкĕлĕх: Тăрринчен мăйăр тататпăр, Тĕпне çатан аватпăр. Пирĕн те ялан	У нас всегда березняк: Из верхушек заплетаем метелки, Нижнюю часть используем на другие цели. У нас всегда дубрава: Из верхушек заготавливаем желуди, Из нижней части готовим полозья. У нас всегда орешник: Из верхушек собираем орехи, Из нижней части возводим плетню.

çĕмĕртлĕх:	У нас всегда черемушник:
Тăрринчен çĕмĕрт тататпăр,	Из верхушек готовим ягоды,
Тĕпне кăшăл аватпăр.	Из нижней части готовим обручи.

[20, 19]

Таким образом, автор учебника, предлагая данные тексты для упражнения по заданной теме, параллельно преследует и вторую цель. Это – трудовое воспитание юного поколения в тесной связи с основными занятиями народа – земледелием, лесным делом и животноводством, постепенно приучивая детей самим быть хозяевами и преемниками отцов и матерей. В результате перед нами – один из действенных элементов народной педагогики.

В ряде произведений обрядовой музыки, опубликованных на страницах чувашских букварей, заметно ощущается социальный мотив:

Пирĕн çырма тăрăх хурлăхан,	По глубокому оврагу смородина,
Ирхи сывлăм шывĕпе ўсет-ĕçке,	Растет она утренней росой,
Ирхи тăмпа çулçи сарăхать-ĕçке;	Ранними заморозками желтеют листья;
Ай-хай çутă сăнăм, хĕрлĕ чĕрем,	Ох, мой светлый облик, красное сердце,
Йывăр хуйхăпала шурать-ĕçке.	От тяжелого горя белеют.

[17, 28]

В арсенале произведений народной музыки, напечатанных в букварях, находится также хороводная песня, несущая в себе, в первую очередь, эстетическую нагрузку:

Ивук кĕпер айĕнче	Под мостом Ивука
Касман чăрăш ларать-ĕçке.	Растет большая ель.
	На ветке этой ели
Чăрăш турачĕ çийĕнче	Поет одна кукушка.
Пăрна-тăрна кук аватать.	Когда кукушка улетает,
	Ель качается и звенит.
Кукки вĕçсе кайсассăн	Когда мы встанем в хоровод,
Чăрăш йывăç янăрать.	
Эпир вăййа тухсассăн	Звенит наша главная улица.
Çакă аслă урам янăрать.	

[20, 21]

Сатирические песни в букварях Яковлева также насыщены «деловым содержанием». Они не только и не столько забавляют, потешают и развлекают детвору, сколько учат ее уму-разуму. Возьмем, например, песню «Вун икĕ кушак пур çинче»:

Вун икĕ кушак пур çинче Хуран çăвас хуйхи çук. Вун икĕ йытă пур çинче Хуралçă тăрас хуйхи çук. Вун икĕ качака пур çинче Купăста касас хуйхи çук. Вун икĕ сысна пур çинче Улма (паранкă) кăларас хуйхи çук. Вун икĕ пичче пур çинче Суха тăвас хуйхи çук. [21, 11]	Когда имеешь двенадцать кошек, Нет нужды мыть котла. Когда имеешь двенадцать собак, Нет нужды нанять охранника. Когда имеешь двенадцать коз, Нет нужды убирать капусту. Когда имеешь двенадцать свиней, Нет нужды убирать картошку. Когда имеешь двенадцать братьев, Нет нужды пахать и сеять.

В сюжете песни 5 раз повторяется число 12. По мнению профессора Н. И. Ашмарина, у чувашей «двенадцать – песенное число». На самом деле, не только в этом, но и в других произведениях данного жанра, вошедших в буквари, часто встречается эта цифра. В вышеназванной песне «двенадцать» применяется в значении «много». На первый взгляд кажется, что стоит молодому человеку сдружиться с этой волшебной цифрой, сразу же будет обеспечен ему успех. Но дети, вникнув в суть дела, скоро поймут иносказательный смысл песни. Реальная жизнь намного сложнее, чем в песне. Молодой человек должен знать и учитывать отрицательные повадки домашних животных, принять меры по предотвращению их, уметь правильно их содержать. Также молодой человек, имеющий двенадцать братьев, не может оставаться безучастным, стоять в стороне, инертно взирая на работу родственников на весеннем севе. Для достижения полного успеха в полеводстве нужен их совместный слаженный плодотворный труд.

В целом, песни из букварей объединяют в себе народную мудрость и эстетичность. В них красота стиха и мелодичность, с

одной стороны, красота мыслей и содержания – с другой, идут рядом. Они по праву являются комбинированным средством народной педагогики. Прав В. Я. Канюков, отметивший, что «нравоучительные мотивы, тонкий юмор и намек, глубокий лиризм – слияние в единое целое педагогического и поэтического – делало народные песни не только возможным для рекомендации детскому чтению, но и выдвинуло в ряд лучших произведений народной детской литературы. Усвоение поэтами этих особенностей народной лирики явилось условием создания оригинальной чувашской детской поэзии на реалистической народной почве» [2, 109].

Следует также сказать, что автором букварей велась скрупулезная работа по улучшению языка и стиля песенных текстов. От одного издания к другому они становились совершеннее, отточеннее, мелодичнее. Например, первоначальный текст песни «Укăлчаран тухрăм, утă çултăм» в 1892 году был таким:

Укăлчаран тухрăм, эпĕ утă çултăм,	Вышел из околицы я, сено косил,
Çырла çеçки пуррине пĕлмерĕм;	Не знал, что там есть и цветы ягод.
Кĕрекене лартăм, эпĕ шӳт турăм,	Сел на почетное место за стол, я шутил,
Ватăсем пуррине пĕлмерĕм.	Не учел, что там есть и старые люди.

[12, 11]

В изданиях 1896 и 1897 годов из первой и третьей строк уже убраны слова «эпĕ», в четвертой строке «ватăсем» заменено на более приемлемое «ваттисем» [Букварь, 1879, 17–18]. В книге 1909 года первая строка получила еще более созвучную конструкцию «Вылярăм, култăм, утă çултăм» («Играл, веселился, сено косил») [22, 10].

В ходе переизданий наиболее совершенный вид приобрела и песня «Тĕлит-тĕлит Микулай». Сначала она начиналась вступлением «Ĕлĕк пĕр карчăк ачине ак çапла йăпатнă, тет» («В старину одна старушка успокаивала своего малышку вот таким образом») и располагалась в стиле прозы (без столбцов):

Тĕлит-тĕлит Микулайăн,	Тилить-тилить Мигулай,
Икĕ сум укçи пурĕçке:	Всех денежек у него два рубля:
Пӳрт те илес тет	И дом он хочет на них купить,

унпала, Кĕлет те илес тет унпала, Хĕр те илес тет унпала, Лаша та илес тет унпала.	И клеть он хочет приобрести, И в жены хочет взять девушку, И лошадку хочет на них завести.

[20, 18]

В букваре 1874 и 1880 годов эта песня также напечатана в прозаическом стиле. В последующих же изданиях (1885, 1900, 1906) текст подан уже в стихотворных столбцах и вступительная часть убрана. Первые две строки несколько изменились:

Тĕлит-тĕлит Микулайăн,
Икĕ сум укçи пур-çке:

[17, 24]

Аналогии качественного изменения наблюдаются и в песне «Тарăн çырма тăрăх хурлăхан». В последних редакциях ее (1900 и 1906) уже отсутствуют рифмы-повторы, имевшиеся в первоначальном тексте (1885): «çулçи сарăхать», «хуйхăпала сарăхать». Они заменены формулировками «çулçи сарăхать-ĕçке», «хуйхăпала шурать-ĕçке». В последних текстах языку песни придан более фольклорный дух («ўсет-ĕçке», «сарăхать-ĕçке», «шурать-ĕçке»), чего не было в первоначальном варианте («ўсет», «сарăхать») [17, 28].

Известная детская песенка «Чи-чи кăсăя» («Синица») Яковлевым использована в букваре 1873 года. В ее основу положен текст, записанный в народе С. Михайловым еще в 1852 году. В книге Ивана Яковлевича в целом сохранены стиль и сюжет песни С. Михайлова. По объему два текста немного разнятся: у С. Михайлова 17 строк, а у И. Яковлева – 25. Вариант С. Михайлова завершается строками:

Я ору пизьсэ кайзасын? – Тимирзя каип-та сыптарып. Я тимирьзю кильде полмазасын? – Вара хорах оруба сикьсэ сюрип.	А если ногу обожжешь? – К кузнецу слетаю – наварю. А если кузнеца дома не окажется? – Тогда на одной ноге буду прыгать.

[23, 377]

В букваре Яковлева сюжет песни, по сравнению с его фольклорным вариантом того времени, несколько конкретизирован, расширен добавлением новых строк:

– Е вут вăйлă кайсассăн?	– А если костер усилится?
Тапăп-тапăп сӳнтерĕп.	Затоптаю и погашу.
– Е уру хуçăлсассăн?	– А если поломаешь ногу?
Тимĕрçе кайăп, сыптарăп.	Пойду к кузнецу и наварю.
– Е тимĕрçĕ çук пулсассăн?	– А если кузнеца дома не окажется?
Пăхăрça кайăп, сыптарăп.	Пойду к меднику и наварю.
– Е пăхăрçă çук пулсассăн?	– А если медника не окажется?
Алатăра кайăп, сыптарăп.	Пойду в Алатырь и наварю.
– Е Алатăр çук пулсассăн?	– А если Алатырь не окажется?
Чĕмпĕре кайăп, сыптарăп.	Пойду в Симбирск и наварю.
– Е Чĕмпĕр çук пулсассăн?	– А если Симбирска не окажется?
Тап-тап тап айне кĕрех кайăп.	Топ, топ и пойду под мышеловку.
[20, 26–27]	

В издании следующего года отдельные слова и строки песни изменены. Слово «хуçи» стало «хуça», «тап» – «тапă», «пулсассăн» – «пулсан», предложения «Хырă икелли çийĕп» – «Хырă икелĕ çийĕп ĕçкĕ», «Вут хурăп ăшăнăп» – «Вут хурăп та ăшăнăп», «Е вут вăйлă кайсассăн?» – «Е вутă вăйлă кайсассăн?». Русское слово «Алатырь» передано по-чувашски в форме «Улатăр» [21, 10].

В тексте, опубликованном в 1880 году, некоторые слова приобрели полную или краткую форму. Так, «вут» стало «вутă», «тап» – «тапă», «хуçăлсассăн» – «хуçăлсан», «пулсассăн» – «пулсан» [9, 17].

Коррективы в тексте песни обнаруживаются и в последующих изданиях, например, в букваре 1906 года.

В 1880 году было так:	В 1906 году стало так:
– Ăçта **каятăн,** кăсăя?	– Ăçта **каян,** кăсăя?
Тарăп хăпарăп **хырă тăррине.**	Тарăп хăпарăп **хыр тăрне.**
– Е **хырăмă выççассăн?**	– Е **хырăму выççассăн?**
Хырă икелĕ çийĕп ĕçке.	**Хыр** икелĕ çийĕп ĕçке.

Е **пырна** ларсассăн?	Е **пырăна** ларсассăн?
Е **юн** тухсассăн?	Е **юну** тухсассăн?
Е **тĕкĕ** шăнсассăн?	Е **тĕкӳ** шăнсассăн?
Е **вутă** вăйлă кайсассăн?	Е **вутту** вăйлă кайсассăн?
Е уру **хуçăлсан?**	Е уру **хуçăлсассăн?**

[17, 25]

Таким образом, текст песни «Синица» от издания к изданию получал обкатку, язык и стиль его приобретали более совершенный вид. Чувашские дети и по сей день пользуются им.

Солидное место в букварях Яковлева отведено **сказкам.** При этом, конечно, имелось в виду, что эти произведения фольклора являются сокровищницей этнопедагогики, характерными особенностями которых являются народность, оптимизм, увлекательность сюжета, образность и дидактизм. Начиная с 1874 года почти в каждом издании букваря помещалась оригинальная национальная сказка «Сармантей», притягивающая детей к себе забавностью фабулы, яркими и живыми комическими персонажами. Построена она на простых бытовых ситуациях, динамично разворачивающихся событиях. Проникнута сказка тонким и веселым юмором, иронией над суетливой патриархальной жизнью чувашей в старину с ее курьезными несуразностями.

Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă; ăна шăши пынă та хӳрипе çапса çĕмĕрнĕ. Сармантей те йĕрет, сарă чăххи те какалать. Хапхи калать: «Манăн та уçăлса хупăнас», тет. Анать пĕр вăкăр шыва куллен кун: «Хапха, эсĕ мĕшĕн уçăлса хупăнатăн?», тет. «Уçăлса хупăнмасăр, тет: Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă; ăна шăши пынă та хӳрипе çапса çĕмĕрнĕ. Сармантей те йĕрет, сарă чăххи те	Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко; подбежала мышка и разбила его ударом хвоста. И Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет. Ворота говорят: «И нам, видно, надо отворяться-затворяться». Ходит бык каждый день на водопой и спрашивает: «Ворота, почему вы отворяетесь-затворяетесь?». «Да как нам не отворяться-затворяться. Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко;

какалать!». Вăкăрĕ калать: «Манăн та мĕкĕрсе анас», тет. Мĕкĕрсе анать шыв хĕррĕне. Шыв калать: «Мĕшĕн, вăкăр, мĕкĕретĕн?», тет. «Мĕкĕрме-сĕр, тет: Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă, тет; ăна шăши пынă та хŭрипе çапса çĕмĕрнĕ, тет: Сармантей те йĕрет, тет, сарă чăххи те какалать, тет, хапхи те уçăлса хупăнать». Шыв калать: «Манăн та хумханас», тет. Пĕр çĕнĕ çын шыв ăсма анать: «Шыв, мĕшĕн хумханатăн?», тет. «Хумханмасăр, тет: Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă, тет; ăна шăши пынă та хŭрипе çапса çĕмĕрнĕ, тет: Сармантей те йĕрет, тет, сарă чăххи те какалать, тет, хапхи те уçăлса хупăнать, тет, вăкăрĕ те мĕкĕрет». Çĕнĕ çын калать: «Манăн та пĕр витрене çапса çĕмĕрес», тет. Çапса çĕмĕрет витрине. Киле тавăрăнать.

Хуньамăшĕ чуста çăрать: «Кин, мĕшĕн хăрах витрепе анчах ăсса килтĕн?», тет. «Ăсса килмесĕр, тет: Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă, тет; ăна шăши подбежала мышка и разбила его ударом хвоста: и Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет». Бык говорит: «Надо, видно и мне начать мычать». С мычаньем спускается бык на водопой. Вода спрашивает: «Почему, бык, ты мычишь?». Бык говорит: «Да как мне не мычать? Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко; подбежала мышка и разбила его ударом хвоста: и Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет, и ворота отворяются и затворяются». Вода говорит: «Надо, видно и мне начать волноваться».

Спускается одна молодуха за водой и спрашивает: «Вода, почему ты волнуешься?». Вода говорит: «Да как мне не волноваться. Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко; подбежала мышка и разбила его ударом хвоста: и Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет, и ворота отворяются-затворяются, и бык мычит». Молодуха говорит: «Надо, видно, и мне разбить одно ведро». Взяла и разбила. Вернулась домой. Свекровь тесто месит и

пынă та хўрипе çапса çĕмĕрнĕ, тет: Сармантей те йĕрет, тет, сарă чăххи те какалать, тет, хапхи те уçăлса хупăнать, тет, вăкăрĕ те мĕкĕрет, тет, шыв та хумханать». Хуньамăшĕ калать: «Манăн та чустана кăларса ывăтас», тет. Кăларса ывăтать. Ывăлĕ кайнă вăрмана. Тавăрăнать вăрмантан. Ывăлĕ калать: «Мĕшĕн яшка пĕçермерĕр?», тет. Амăшĕ калать: «Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă, тет; ăна шăши пынă та хўрипе çапса çĕмĕрнĕ, тет: Сармантей те йĕрет, тет, сарă чăххи те какалать, тет, хапхи те уçăлса хупăнать, тет, вăкăрĕ те мĕкĕрсе анать, тет, шыв та хумханать, тет, çĕнĕ çын та хăрах витрине çапса çĕмĕрнĕ, тет, хуньамăшĕ те чустĕне кăларса ывăтнă». Ывăлĕ калать: «Манăн та хăрах атта кăларса ывăтас», тет. Кăларса ывăтать. Пĕтрĕ. Уксах çынсем çўреççĕ вĕт! Вĕт çавсем вĕт вĕсем!

[21, 11–13]

спрашивает: «Невестушка, почему ты принесла воду только в одном ведре?». И молодая отвечает: «Да как было не принести? Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко; подбежала мышка и разбила его ударом хвоста: и Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет, и ворота отворяются-затворяются, и бык мычит, и вода волнуется». Свекровь говорит: «Надо, видно, и мне выкинуть тесто». Взяла и выбросила. Сын старухи был в лесу. Возвращается домой. Сын спрашивает: «Почему суп не сварили?». Мать отвечает: «Сармандея желтая курочка снесла желтое яичко; подбежала мышка и разбила его ударом хвоста: и Сармандей плачет, и желтая курочка квохочет, и ворота отворяются-затворяются, и бык мычит, и вода волнуется, и молодая разбила одно ведро, и свекровь выкинула тесто». Сын говорит: «Надо, видно, и мне выкинуть один сапог». Выкинул его вон. Конец. Хромые люди ходят же! Это же они.

«Сармантей» – чувашская народная сказка. Ее мог записать

Яковлев в 1871–1872 годах во время посещения с В. А. Белилиным дер. Кошки и других чувашских селений с целью подготовки национального алфавита. «Сармантей» обстоятельно исследован профессором М. Я. Сироткиным, который отметил, что «писатель, не искажая сюжета народной сказки, подверг ее значительной обработке. Он устраняет длинноты и излишние детали этой сказки, освобождает ее от вульгаризмов, и язык сказки приобретает динамический характер. Сказка насыщается аллитерациями, вследствие этого она становится напевной и ритмической (Сармантейĕн сар чăххи сар çăмарта тунă, тет), удобной для запоминания» [1, 53]. Хочется добавить: совершенствование букварного текста «Сармантея» велось постоянно. Так, для ее варианта, помещенного в букваре 1906 года, по сравнению с текстом от 1874 года, характерно более рациональное применение глагола «тет» (говорит, говорят), используемого чаще всего в сказках. Например, сначала третье предложение носило такую редакцию: «Сармантей те йĕрет, сарă чăххи те какалать». Потом (1906) оно стало немножко другим, более сказочным: «Сармантей те йĕрет, тет, сарă чăххи те какалать, тет». А вот в длинном предложении в заключительной части текста 1874 года глагол «тет» незаслуженно, нарушая ритмику, повторялся 8 раз. В букваре 1906 года первые 7 из них убраны, оставлено лишь одно объединяющее слово в конце предложения: «Амăшĕ калать: Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă; ăна шăши пынă та хŭрипе çапса çĕмĕрнĕ; Сармантей те йĕрет, сарă чăххи те какалать, хапхи те уçăлса хупăнать, вăкăрĕ те мĕкĕрсе анать, шыв та хумханать, çĕнĕ çын та хăрах витрине çапса çĕмĕрнĕ, тет». К предложениям уместно добавлены автором слова «эппин», «пулĕ», «эсĕ» («Эппин манăн та мĕкĕрсе анас пулĕ», «манăн та хумханас эппин», «чустана кăларса ывăтас эппин», «шыв, эсĕ мĕншĕн хумханатăн?»), словосочетания «тесе ыйтать, тет», «тесе калать, тет» («Хапха, эсĕ мĕншĕн уçăлса хупăнатăн? тесе ыйтать, тет», «Уçăлса хупăнмасăр, тесе калать, тет). Логически верными оказались измененные формулировки «хăрах витрене анчах пулмасăр, тет» (вместо «ăсса килмесĕр, тет»), «вăкăр калать» (вместо «вăкăрĕ калать»), «шыв хĕррине» (вместо «шыв хĕррĕне»), «вăл та кăларса ывăтрĕ, тет» (вместо «кăларса ывăтать»); перестановка слов в предложении «тавăрăнать киле» (вместо «киле тавăрăнать») [17, 29]. Также лишние предложения, присутствовавшие в заключительной части сюжета (1874), при печатании текста в 1906 году убраны правильно: «Хуньамăшĕ чустана кăларса ывăтнă», «Уксах çынсем çŭреççĕ вĕт, вĕт çавсем, вĕт çавсем» [17, 29].

Дальнейшее улучшение получили язык и стиль текста букваря

1913 года. Описание каждого события начинается теперь с красной строки, чего не было раньше. В первом блоке сюжета в целях усиления ритмики продолжено заигрывание с глаголом «тет». В первом предложении это слово добавлено в трех местах («Сармантейĕн сарă чăххи сарă çăмарта тунă, тет; ăна шăши пынă, тет те, хӳрипе çапса çĕмĕрнĕ, тет»), в третьем предложении после словосочетания «хапхи калать» этот глагол пропущен («Хапхи калать: манăн та уçăлса хупăнас, тет»). Заключительные два предложения четвертого блока событий объединены в одно («Çапса çĕмĕрет витрине, таврăнать килне»). Старинная полная форма глагола «тавăрăнать» после снятия первой буквы «ă» приобрела современную краткую форму «таврăнать» [10, 35–36]. Этот вариант почти без изменения дошел до сегодняшнего времени. Вошедшая в буквари и учебные пособия, сборники художественной литературы, эта сказка является любимым и желанным произведением современной чувашской детворы.

«Лаша шырани» («Поиски лошади») – сказка-анекдот. Напечатана она в первом же издании букваря, выпущенном в 1873 году на новом чувашском алфавите [20, 24]. Его героем выступает мужик – человек немножко глуповатый, наивный, рассеянный. Три дня он безуспешно искал лошадь, на котором сидел верхом сам. Повстречал он под конец рассудительного старика, который помог ему разрешить проблему – выяснить то, что лошадь, которую он искал, находится под ним.

Дидактизм в сказке открыто не проявляется. Ее идея заключается в том, чтобы научить человека быть несколько сообразительным, смышленным в жизни. Эту мысль автор передает через юмористический эпизод, изображенный в гиперболическом русле. В живой действительности такие случаи, один из которых описан в данной сказке, не бывает. Это просто метод автора, при помощи которого он раскрывает невнимательность, ненаходчивость своего героя, усиливает образность, художественную выразительность произведения.

Буквари Яковлева содержали не только чисто чувашские сказки, но и переведенные из других языков. Среди них, например, сказка «Репка». Она взята из книги К. Ушинского «Родное слово».

Из жанров фольклора в произведениях Яковлева встречаются также **прибаутки и побасенки.** Это своего рода краткие занимательные рассказики, бытовые сказки, анекдоты, небылицы, поговорочные выражения, забавные словосочетания. Вот некоторые из них: 1. «Тараканпа хăнтăла тус пулнă; таракан халлап каланă, хăнтăла тăнласа тăнă; тăнă-тăнă та çывăрнă» («Таракан дружил с клопом; таракан рассказывал сказки, клоп слушал; слушал-слушал да заснул») [20, 11–12; 9, 6]. 2. «Пирĕн асатте пĕрре

тутара: çиме лар тесе каларăм тет. Тутар пĕр чĕнмесĕр сĕтел хушшине кĕрсе ларчĕ тет те, мĕн пур яшкана хăйех çисе ячĕ, тет» («Наш дедушка однажды пригласил татарина обедать. Татарин молча подошел и сел за стол, весь суп он один съел») [17, 22]. 3. «Пĕр ача кĕнеке ыйтнă; ăна пĕр кĕнеке панă. Вăл каланă: “Кăна ăнланмалла мар”, тенĕ. Ăна тепĕр кĕнеке панă. Вăл каланă: “Ку йăлăхтарать”, тенĕ» («Один мальчик просил дать ему книгу; дали ему одну книгу. Он говорил: “Эта мне непонятна”. Дали ему другую книгу. Он говорил: “Эта мне надоедает”») [9, 15–16]. 4. «Пирĕн кĕтӳçĕ тилĕ тытнă та ăна улпута сутнă; улпут ăна шав кĕмĕл укçа панă. Кĕтӳçĕ вăл укçапа пĕр пăру илнĕ» («Наш пастух поймал лису и продал ее помещику; помещик постоянно давал ему серебряные монеты. Пастух на эти деньги купил одного теленка») [9, 7]. 5. «Упапалан каччă çарăк акнă; упана кӳлнĕ, каччă суха тытнă» («Медведь и парень посеяли репку: медведя запрягали, парень держал соху») [20, 20; 9, 7]. 6. «Сысна лаша патне пынă тет те: “Санăн урусем те кукăр-макăр, çăмă та яка мар” тесе калать тет» («Свинья подошла к лошади и сказала: “У тебя и ноги кривые, и шерсть не гладкая”») [20, 20–21; 9, 7].

Таким образом, буквари Яковлева сыграли большую роль в доведении лучших произведений устного поэтического творчества родного народа и классики русского фольклора до юных чувашских читателей, рациональном использовании их в роли примеров в ходе обучения и в качестве инструментов по воспитанию молодого поколения. Тем не менее выдающаяся заслуга их состоит еще в другом.

На страницах букварей появились первые оригинальные и переводные литературные произведения для чувашских детей. Они служили мощным средством обучения и воспитания юных школьников, а самое ценное – положили основу зарождения национальной детской литературы. Уже во второй же букварь, изданный в 1872 году по методу Н. Ф. Бунакова, вошли три рассказа: «Автан» («Петушок»), «Чакак» («Сорока») и «Арман туни» («Мельница»)*. Произведения эти отличаются сжатостью формы, краткостью и образностью изложения. События в них развиваются динамично, не утомляют детей при чтении. Мысли в текстах прозрачны и лаконичны, нет в них многословия и излишеств. В первом из них** увлекательно и заманчиво описан образ петуха:

---

* По утверждению В. Я. Канюкова, эти рассказы впервые напечатаны в букваре 1875 года (Канюков, 1954. С. 106). На самом деле они опубликованы тогда повторно.

** Профессор В. Г. Родионов, ссылаясь на авторское самосознание и языковые особенности рассказов «Автан», «Арман туни» («авторлăх ăнĕпе чĕлхе тĕлĕшĕнчен»), относит их авторство Игнатию Иванову [41, 284]. Действительно, с одной стороны, в художественной структуре рассказов, приписываемых до сих пор И. Я. Яковлеву, наблюдаются отдельные элементы стиля прозы Игнатия Иванова (например, использование выражений «эпир», «пирĕн», «ну» и т. д.). С другой стороны, краткое, простое, доступное изложение букварных

Пирĕн пит пысăк хĕрлĕ автан пур. Вăл кăнтăрла урапа çине хăпарать те çунатланса «Ки-ки-рик-ку» тесе авăтать. Сасси аван, илемлĕ; хŭри авăна-авăна тăрать. Киккирикки пысăк; тĕклĕ ураллă; качи вăрăм. Сирĕн автан çапла-и?*	У нас есть очень большой красный петух. Он днем взлетает на телегу и, размахиваясь крыльями, поет: «Ку-ка-ре-ку!». Голос звонкий, красивый; хвост дугою гнется, гребень высокий; ноги мохнаты, шпоры длинны. Такой ли ваш петух?

Это творение по жанру – рассказ-описание научно-познавательного характера. Написано оно в стиле педагогических рассказов Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского. Основная идея и главное назначение произведения – развитие у детей желания лучше распознать окружающий их мир, расширение у них умственного кругозора, наблюдательности и внимательности по изучению и сохранению живой красоты родного края. Рассказ завершается неожиданной просьбой автора к детям рассказать об их петушке. И нет сомнения в том, что после знакомства с этим сюжетом дети примут самое активное участие в обсуждении данного вопроса в классе.

Второй рассказ – «Сорока» («Чакак») – также построен в аналогичном ключе. Он, как и предыдущее произведение, представляет краткое описание основных черт и повадок главного героя – сороки:

Чакак çулла вăрманта пурăнать. Хĕлле, юр çусан вара, яла килет*. Çулла вăрманта вăл чĕпĕ кăларать. Ялтан	Сорока летом живет в лесу. Но зимой, когда тает снег, прилетит в село. Летом в лесу она выводит птенцов. Подкармливает птенцов

текстов не совсем совпадает с его творческим почерком, для которого характерны были в основном натурализм, недостаточность повествования, неоправданные длинноты, преобладание разговорно-бытовой речи. Естественно, первые рассказы своих букварей вполне мог написать сам И. Я. Яковлев, глубоко импонировавший тогда дидактическим произведениям Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского, отличающимся совершенством формы, простотой стиля, достоверностью изложения и занимательностью сюжета. На самом деле, есть здесь над чем задуматься.

* В этом первоначальном тексте [1872. С. 35–36] присутствует слово «çунатланса» (размахиваясь крыльями). В издании 1874 года (С. 10) автор его убрал, посчитав, видимо, лишним. Также заменены слова «кăнтăрла» (днем) на «тăр кăнтăрла» (ясный полдень), «пит» (очень) – на «пĕр» (один). Слово «хŭри» (хвост) переставлено к началу слова «илемлĕ» (красивый).

* В букваре 1874 года (С. 11) это предложение переделано так: «Хĕлле, юр çусан, яла пырать» («Зимой, когда тает снег, возвращается в село»).

çăмарта вăрласа кайса, чĕпписене тăрантарать. Хĕлле, сивĕ пулсан, йывăрлăх çине ларать те «чак-чакак, чак-чакак!» тесе чакаклать. [40, 48]	яйцами, разворовывая их на селе. Зимой, когда станет холодно, сядет на притужину соломенной крыши и начинает стрекотать.

Рассказ рассчитан на детей дошкольного и младшего школьного возраста. Большой популярностью пользуется он у современных мальчиков и девочек. Педагоги и воспитатели в работе с этим произведением могут использовать различные формы: чтение текста, его пересказ, обсуждение поведения и повадок сороки, проведение выставки рисунков детей по мотивам рассказа, прослушивание голоса этой птицы, записанного на пленку, просмотр видеороликов и т. д. Бесспорно, такая работа окажет положительное влияние на обогащение ума ребенка знаниями, научными познаниями, на развитие у него творческого мышления, наблюдательности и сообразительности.

В рассказе «Мельница» («Арман туни») изображена будничная бытовая сценка из жизни детей чувашской деревни. Это – близкое и понятное детям рядовое событие. Однажды поздней осенью ребята спустились играть на речку. Вырезав топорами большой кусок льда, округлили его, отшлифовали. В середине сделали дыру. Надели лед в столб, установленный на реке. Потом начали его вертеть, полагая вместо мельничного жернова. Скоро лед раскололся. Это расстроило детей, они начали обвинять друг друга. Вечером, успокоившись, довольные игрой, вернулись они домой. Если два предыдущих рассказа адресованы были более юным детям, то этот предназначен ребятам постарше – школьникам младшего и среднего возраста. Цель автора – познакомить детей с природой, повседневной жизнью, развивать у них сообразительность, творчество и талант. Одновременно игра, описанная в рассказе, способствовала закалке ребят физически, помогала укрепить дружбу, товарищество и коллективизм. Все в рассказе с учетом возрастных особенностей детей изложено просто, ясно, лаконично и доступно.

Сюжет рассказа «Рыбная ловля» («Пулă сĕрни») заимствован из народного источника. На одном большом озере люди трех национальностей – чуваши, русские и мокшане – ловили рыбу. Однако за целый день так и не сумели поймать ни единой рыбки. Выразили они свое возмущение на родном языке: чуваши говорили «сюкка» («нет»), мокшане – «арась» (тоже «нет»). Русским показалось, что только им не везет: соседи чуваши вытаскивают все время щуку, а мокшане – карасей. Основная идея и главное

назначение рассказа в редакции Яковлева содержатся в заключительном предложении: «Вырăс, тутар, чăваш – пурте çын» («Русские, татары, чуваши – все люди»)*. Произведение развивало и укрепляло в детях чувство дружбы и братства между народами. Присутствует также в нем познавательный материал. У каждого народа свой язык: слова у них могут быть однозвучными, но имеют разный смысл и содержание. Для того чтобы лучше знать жизнь, быт, историю другого народа, надо изучить его язык. В результате рассказ вызывает у детей интерес к языкам соседних регионов. В произведении органично присутствуют образовательное, воспитательное и познавательное начала.

В подготовку и издание чувашских букварей широко привлекались **коллеги, друзья и воспитанники Ивана Яковлевича.** По утверждению В. Г. Родионова, автором букварей 1885 и 1886 годов является Петр Васильв – работник Симбирской чувашской школы. А букварь 1884 года составлен им вместе с Ильей Бюргановским. Некоторые из соратников и учеников чувашского просветителя являлись авторами оригинальных рассказов. К сожалению, имена их в букварях не указаны. Чувашским исследователям удалось выяснить авторство некоторых произведений. Так, рассказы «Лайăх, ăслă, кăмăллă çын пурне те юрăхлă» («Хороший, умный, добрый человек всем пригож») и «Аттăна тăхăн та, çăпатăна та кăларса ан пăрах» («Сапоги одевай, но и лапти свои не выкидывай»)* принадлежат другу детства Ивана Яковлевича Игнатию Ивановичу Иванову. Автором рассказа «Пирĕн пӳрт çунни» («Как горел наш дом») является Иван Кукушкин, рассказа «Чĕмпĕр курма кайни» («Как я ехал смотреть Симбирск») – М. Никитин, «Эпĕ сехет çĕмĕрни» («Как я разбил часы») – А. Кузнецов, «Эпĕ ӳкĕнни» («Раскаяние») и «Марук вилни» («Смерть Марука») – ученик Симбирской школы Алексей (фамилия не известна) [26, 434–435]. Установление авторства всех произведений, вошедших в яковлевские буквари, является важнейшей и ответственнейшей задачей чувашского литературоведения в будущем.

Произведения Игнатия Иванова в жанровом плане считаются очерковыми рассказами с дидактической направленностью. Рассчитаны они для детей среднего и старшего школьного возраста. Главные идеи рассказов заложены в их названиях,

---

* Первоначально (в букварях, изданных в 1884–1887 гг.) рассказ печатался без названия. В конце текста данное предложение отсутствовало. Затем в заключении сюжета появилась загадка: «Вырăс, тутар, чăваш – пурте пĕр сăмах» («Русские, татары, чуваши – одно слово, т. е. человек» (Букварь, 1886. С. 24; 1897. С. 25). Потом (с 1900 г.) эта загадка заменена более удачной формулировкой «Вырăс, тутар, чăваш – пурте çын» («Русские, татары, чуваши – все люди») (Букварь, 1900. С. 28).

* Эти рассказы напечатаны в букваре 1900 года. Первый из них в букваре 1912 года опубликован под названием «Микка».

являющихся чувашскими пословицами. Мудрые народные изречения в последующем раскрываются в сюжетах. Рассказы носят поучительный, нравоучительный характер. Главный герой первого рассказа – крестьянин Микка. Показан он в разных жизненных ситуациях. Во взаимоотношениях с односельчанами он всегда добр, отзывчив, чуток и внимателен. Благодаря его мудрости и дипломатии благополучно разрешаются неприятные бытовые проблемы крестьян. Герой второго рассказа Иван Евграфов является антиподом персонажа предыдущего произведения. Он во всем отрицателен: лодырь, хвастун, себялюб, забияка. Иван, случайно попав на заседание уездного суда, возомнил себя большим человеком, начал хвалиться своим нажитым богатством, брезгал своих нищих односельчан. За свои неблагоприятные действия Иван был строго наказан судьбой. Выгнали его из заседателей, и пришлось ему вновь обуться в лапти, вернуться в нищенство. Рассказ заканчивается нравоучительным выводом: «Прежде чем сказать слово, держи ломоть хлеба», «Прежде чем хвалиться, научись дело делать».

Сюжеты букварных рассказов, написанных молодыми авторами, воспитанниками Яковлева, просты и доходчивы. В их основу положен один какой-нибудь необычный, драматический случай из жизни главного героя – чувашского ребенка, ставший для него большим уроком, незабываемым трагедийным событием в жизни. Например, в рассказе «Асанне мана вĕрентни» («Как меня бабушка учила») юному герою захотелось поесть малину. Он залез в чужой огород. Однако попал на глаза его хозяйки и опозорился. Впоследствии отругала ребенка за это и родная бабушка, и сверстники начали обзывать его «вором малины». После этого случая молодой герой принимает окончательное решение: «Не полезу в чужой огород. Пусть лезут ровесники, но я не пойду» [17, 44–45]. Аналогичные курьезные случаи происходят в юные годы и у героев других рассказов («Эпĕ ўкĕнни» («Раскаяние»), «Эпĕ сехет çĕмĕрни» («Как я разбил часы»), «Вилнĕ чĕпĕ чĕрĕлни» («Как ожил мертвый цыпленок»), «Çерçи» («Воробей»). Главными героями в них выступают сами дети. Повествование ведется от их имени в прошедшем времени в форме воспоминания. Сюжет, как правило, начинается словами «Пĕрре мана…» («Однажды мне…»), «Пĕрре çапла» («Однажды так…»), «Пĕрре эпир…» («Однажды мы…»), «Пĕрре манăн» («Однажды у меня…»). Подобное вступление обычно присуще сказкам. Концовку рассказов, как правило, составляют пословицы, поговорки и загадки. Так, рассказ «Эпĕ ўкĕнни» заканчивается следующими словами: «Нумай пĕтĕ, сахал çитĕ, пĕрле пурăннине мĕн çитĕ? тесе юрлаççĕ ваттисем» («Старики так поют: “Может многое кончиться, может малое хватить, но

совместной дружной жизни ничего нет больше”»), «Алăкран тухса кайсассăн аллă тĕслĕ ăс кĕрет» («Как закроешь за собой дверь, то приходят 50 разных мыслей»). Почти в каждом произведении просвечивается след православно-христианской религии: «Аçу-аннӳне хисепле, хăнах аван пулĕ, тенĕ турă» («Уважай родителей, самому же будет приятно, – так говорил бог») («Наша семья» – «Пирĕн кил йышĕ») [17, 24]; «Пӳрте кĕрсен, хăнисем, турăш умне тăрса, пилĕк таран тайăлса сăх-сăхрĕç те, хуçисенчен сывлăх ыйтрĕç» («Гости, зайдя в дом, встали у иконы, поклонившись до пояса, крестились, у хозяев просили здоровья») («Пир черного люда» – «Хура халăх ĕçки-çики») [17, 29]; «Карчăк çерçие илчĕ те: “Эх, пархатарсăрсем, унăн та сирĕн пекех выляса сиксе çӳрес килетчĕ пулĕ ĕçке, мăй таран çылăх пулĕ ĕнтĕ сире куншăн! терĕ”» («Старушка взяла воробьенка на руку и сказала: “Эх, неблагодарные, и ей, как и вам, хотелось, наверное, играть и веселиться; за это вам будет, конечно, большой грех”») («Воробей» – «Çерçи») [17, 31]; «Вара вăл хуллен кĕрт çине кукленсе ларнă та шăнса чĕтрекен пулнă аллипе хăй çине хĕрес хывнă. Тăвăл ун çумĕнчен кĕрлесе иртсе кайнă та пĕр вăхăта пĕтĕмпех лăпланнă пек пулнă» («Потом он сел медленно на колени, дрожащей и замерзшей от мороза рукой покрестился. Буря с шумом пролетела рядом с ним и временно, как будто успокоившись, остановилась» («В зимнюю пургу» – «Хĕллехи çил-тăманра») [17, 54–55]. По этому поводу хочется согласиться с литературоведом А. В. Васильевым, который говорит, что на самом деле «религия для него (И. Я. Яковлева – А.М.) не самоцель, не орудие власти одних над другими, а средство воспитания «нравственного самосовершенствования» [24, 244].

Молодые авторы – воспитанники Симбирской чувашской школы – сумели создать в своих рассказах целостное и правдивое представление о мрачной действительности описываемой эпохи. Эта проблема получила свое воплощение в рассказах «Пирĕн çурт çунни» («Как горел наш дом»), «Марук вилни» («Смерть Марука»), «Самук вилни» («Смерть Самука»), «Тăман айне пулнă çын» («Человек, попавший под пургу»), «Хĕллехи çил-тăманра» («В зимнюю пургу»), «Эпир уйрăлни» («Как мы развелись») и др. В рассказе «Марук вилни» верно и трогательно изображены внутренний мир чувашского ребенка, его душевное состояние, тяжелые мысли и переживания после смерти младшей сестренки. Драматический сюжет, психологические картины, неповторимый портрет, яркие диалоги, сочный и красочный язык являются отличительными сторонами этого произведения. Оно богато свежими и оригинальными эпитетами («хуп-хура çӳçлĕ», «тăп-тăваткал питлĕ-куçлă», «хурарах сăнлăскер», «хура çĕмĕрт», «шап-

шурă пир»), сравнениями («куçĕсем хура çĕмĕрт пек», «Марук пăрнă тутăр пек шуралса кайнă»), образными выражениями («йăлт тĕсĕнчен ўкрĕ», «куçĕсем путса кĕчĕç», «кăвакарчĕ кайрĕ», «хура куçĕпе тилмĕрсе пăхатчĕ», «аттепе анне ĕсĕкле-ĕсĕкле йĕре пуçларĕç»), подражательными словами («çўçĕсем вĕл-вĕл туса вĕçсе пыратчĕç», «куççулĕ шăпăр-шăпăр тăкăнать»). Особенно трогателен диалог между матерью и ее оставшимся в живых малолетним ребенком:

«Эпĕ тулта урапа çине улăхрăм та, Марука парас тесе, лайăх çарăксем суйла пуçларăм. Кăшт тăрсассăн, анне мана пўрте чĕнсе кўртрĕ. Турăш умĕнче сакă çинче Марук выртать, ăна шап-шурă пирпе витнĕ.	«Я во дворе забрался на телегу и начал подбирать для больной Марук лучшие репы. Немного погодя, мама меня позвала в дом. У иконы на скамейке лежит Марук. Ее закрыли белым полотном.
– Курса юл, ачам, Марукна: урăх ĕмĕрте те курас çук ĕнтĕ эсĕ ăна, – терĕ те анне Марук пичĕ çинчи шурă пире сирчĕ. Марук пăрнă тутăр пек шуралса кайнă, куçĕсене хупнă, пĕр сиккеленмесĕр выртать.	– Посмотри и запомни свою сестру: больше никогда ты не сможешь увидеть ее, – сказала мама и приоткрыла лицо сестренки, приподняв белое полотно. Марук выглядела как выжатый белый платок, глаза закрыты, лежит неподвижно.
– Анне, Марук ăçта каять вăл? Ăна çарăк парас-ха манăн. Вăл çарăка активсе те пăхман-ха!– терĕм эпĕ.	– Мама, Марук куда собралась? Я хочу угостить ее репой. Она еще не пробовала репу! – сказал я.
– Эй, ачам! Вăл пирĕн çимене çиес çук ĕнтĕ. Ăна леш çĕрте унăн пирĕштийĕ хăй çимине çитерĕ, хăйпе пĕрле ертсе çўрĕ. Акă эпир Марукшăн турра кĕл тăвар! – терĕ. Унтан турăш умне çурта çутрĕ те чăркуçленса ларса турра пуççапа пуçларĕ.	– Ой, дитя мое! Она теперь не будет кушать нашу еду. На том свете ее будет кормить ангел своими продуктами, будет всегда ее сопровождать. А мы с тобой давай будем

Хăйĕн куççулĕ урайне шăпăр-шăпăр тăкăнать. Эпĕ те аннепе пĕрле Марукшăн турра ўке-ўке пуççапрăм». [17, 59]	молиться за Марук. Потом зажгла свечу у иконы, став на колени, стала молиться богу. Слезы у самой беспрестанно падают на пол. Я тоже встал рядом с мамой, до пола кланяясь, молился за Марук.	

Оригинален и конец рассказа. Он дополнен нравоучениями, взятыми из Евангелия и чувашского фольклора, имеющими большой воспитательный и нравственный смысл: «Вилĕм пуяна та, çука та, асла та, кĕçĕне те тиркемест. Вилĕм вăл каласа килмест. Çавăнпа яланах ырă ĕçсем туса, турра кĕл туса тăмалла. Чир пăтпа кĕрет, тухасса мăскалпа тухать, теççĕ вырăссем» [17, 58–59] («Смерть никого не пренебрегает: ни богача, ни бедняка, ни старшего, ни младшего. Смерть не приходит, объявив о себе. Поэтому постоянно надо молиться богу, совершая при этом добрые дела. “Болезнь заходит пудом, выходит золотником”, – говорят русские»).

Молодые авторы в своих рассказах часто обращаются к теме труда, стремившись воспитывать у детей любовь к труду, без которой немыслим полноценный человек. В рассказе «Пирĕн кил йышĕ» («Наша семья») сообщается, что их в доме 4 человека: отец, мать, он (она) и сестренка. Каждый из них занят своим делом, очень важным и нужным для семьи. Отец выполняет тяжелую физическую работу: пашет, сеет, возит дрова. Мать занимается дома: штопает одежду, стирает, готовит еду. А маленький герой, от имени которого ведется повествование, когда заняты родители, качает колыбель, в которой находится его сестренка [19, 17–18; 17, 23–24]. Прочитав этот рассказ, дети приходят к выводу, что основой жизни, благополучия семьи является плодотворный созидательный труд, и нужно быть постоянными помощниками своих родителей в их тяжелой работе. Пословицы, пристеганные к концу рассказа («Атте-анне сывă чухне пыр та тутă, çипуç та питĕ» («Когда родители живы и здоровы, и ты сытый и одетый»), «Açуна-аннӳне хисепле, хăнах аван пулĕ, тенĕ турă» («Бог сказал: “Уважай родителей, и самому будет хорошо”»), обеспечивают дальнейшее развитие главной идеи произведения.

Рассказ «Кулачă» («Калач»), написанный в дидактическом ключе, раскрывает народную истину «Вкусен и сладок тот хлеб, который добывается своим трудом, своим горбом». Автор

призывает юных читателей с малых лет приобщаться к работе, стать достойными продолжателями дела своих родителей. Мальчику очень захотелось калача. Он постоянно умолял отца купить этот продукт на базаре. Однажды отец велел сыну положить в мешочек черный хлеб и повел его корчевать пеньки. Оставил мальчика с наставлением корчевать пни, но велел не смотреть на хлеб, сказал, что за это время хлеб превратится в калач. Сколько не следил подросток, хлеб оставался таким же, не превращался в калач. Под конец он устал, очень сильно захотелось ему есть. Тогда он взял хлеб, посыпал его солью и съел. Вернувшись с базара, отец спросил: «Ну, как, сынок, хлеб не стал еще калачом?». Тот ему в ответ: «Белым он, правда, не стал, но по вкусу был лучше калача». Отец тогда ему сказал: «Так вот оно, сынок: потрудишься да проголодаешься – и черный хлеб вкусен, а сытому и мед горек» [25, 30].

Идеями научиться работать у старшего поколения, перенять их богатый опыт, трудиться с умом да сноровкой, сообразительностью проникнуты также рассказы «Ĕç çинче» («На жатве»), «Чăлха çыхни» («Вязанье») [26, 124] и др.

В букварях Яковлева, наряду с оригинальными национальными рассказами, присутствовало немало произведений русской и зарубежной классики. Отдельные из них помещались во втором, «Русском отделе» книги без перевода («Как дядя Семен рассказывал про то, что с ним в лесу было», «Корова», «Филиппок» Л. Н. Толстого [19, 25] и др.). Большинство рассказов вошли, конечно же, в первый, «Чувашский отдел» букваря в переводе на родной язык. Размещались эти произведения внутри отдела вперемежку с национальными текстами с учетом их объема и сложности. Например, в первой части букваря 1880 года рассказы состоят всего из 4–6 строк («Пăсара» («Хорек»), «Пĕр чăх куллен пĕрер çăмарта тăвать, тет» («Баба и курица»), «Лашапа тарçă» («Лошадь и конюх»), «Сăвакан ĕне» («Дойная корова») и др.). Объем последующих рассказов заметно увеличен. Так, рассказ «Кашкăрпа карчăк» («Волк и старуха») состоит из 16 строк, «Тилĕ тус» («Лиса и волк») – из 70, «Иван тарçă» («Волк и мужик») – из 82 строк. При выборе для перевода как рассказов, так и сказок Иван Яковлевич прежде всего исходил из того, чтобы сюжеты их были, с одной стороны, просты и обычны, с другой стороны, занимательны и забавны, персонажи выглядели живыми и яркими, язык отличался сочностью и доступностью, и чтобы обязательно эти произведения носили высокую педагогическую идею, поучительный или познавательный характер. К числу создателей таких рассказов чувашский просветитель относил в первую очередь классиков русской литературы Л. Н. Толстого и

К. Д. Ушинского. Юный чувашский читатель с большим желанием и удовлетворением встретил дидактические рассказы «Олень», «Собака и ее тень», «Лгун», «Сова и заяц», «Море», «Ворона и лисица», «Волк и ягненок», «Волк и журавль», «Стрекоза и муравей», «Комар и лев», «Мышь под амбаром» и другие, вошедшие в «Азбуку» и «Русские книги для чтения» Л. Н. Толстого, а также «Трусливый Ваня», «Лиса и кувшин» и другие рассказы из «Родного слова» К. Д. Ушинского.

«Дело переводов, – писал Яковлев в своей книге «Моя жизнь», – трудное и ответственное, особенно же на такие языки, как чувашский, где часто не хватает слов, выражений для определения того или иного понятия» [27, 279]. Иван Яковлевич не пошел по легкому пути. Прямой, простой, дословный перевод для него был чужд. В этом деле законными и обязательными являлись для него слова славного учителя, профессора Н. И. Ильминского: «Нельзя, не надо при переводах руководствоваться буквальным переложением текста с одного языка на другой, из слова в слово. Надо схватить мысль и, выражая ее, принимать в расчет особенности, дух данного языка» [27, 279]. Учитывая мудрые пожелания своего педагога, Яковлев в основу работы над переводами положил творческий метод. Иногда он и его воспитанники-переводчики, сообразно чувашской жизни и быту, переносили место действия, изменяли отдельные детали. Некоторым произведениям давали другие названия. Так, рассказ «Баба и курица» стал «Мăнтăрланнă чăхă» («Разжиревшая курица»), «Лошадь и конюх» – «Лашапа тарçă» («Лошадь и слуга»). Отдельные безымянные герои русских рассказов получили имена. Например, персонаж без имени из произведения Л. Н. Толстого «Волк и мужик» стал Иваном. Порою нравоучительные русские тексты дополнялись чувашскими пословицами и поговорками. Например, из басен Л. Н. Толстого «Лгун» («Суйеççĕ») стала заканчиваться мудрым народным изречением «Пĕрре улталăн, иккĕ те улталăн, виççĕмĕшĕнче ларса макăрăн» («Один раз солжешь, второй раз солжешь, в третий раз заплачешь») [17, 27], «Собака и ее тень» («Пĕр йытă шăмă хыпнă, тет те»): «Çавă ĕнтĕ: нумая хапсăнсассăн нимĕнсĕрех тăрса юлăн тени» («Не зарься на большое, останешься ни с чем») [17, 26]. Работа по переводу помогала Яковлеву и его воспитанникам-толмачам оттачивать свое творческое мастерство, создавать по примеру русских классиков оригинальные дидактические рассказы, тесно сочетающие в себе образовательные, воспитательные и эстетические функции.

Буквари, кроме многочисленных текстов прозы, предлагали юным чувашским читателям несколько оригинальных

произведений поэзии. Это – народные песни «Урапа» («Телега») и «Çумăр» («Дождь»), обработанные Константином Ивановым; стихотворения «Чĕкеç» («Ласточка») К. Д. Ушинского и «Çулталăк хушши» («Времена года») из хрестоматии русской детской поэзии, также переведенные с русского К. Ивановым, «Çитмен пурнăç» («У людей-то в дому – чистота, лепота») Н. А. Некрасова, переведенное К. С. Сергеевым.

Таким образом, Яковлевым сделан коренной поворот в истории развития чувашской культуры. Основав Симбирскую чувашскую учительскую школу, открыв в местностях, населенных соплеменниками, много начальных училищ, подняв роль родного языка в обучении, создав новую национальную письменность на основе разработанного им алфавита, подготовив и издав для чувашских школ двуязычные буквари и учебники, Яковлев определил путь решения вопроса о массовом подъеме культуры и просвещения родного народа. Особенно ценно то, что Иваном Яковлевичем и учениками возглавляемой им Симбирской школы впервые написаны самые доступные и желанные произведения для детворы родного народа. Также благодаря их усилиям по переводу стали достоянием чувашских детей многие образцы русской детской классики. Ими же собрано для учащихся немало фольклорных текстов. В произведениях, напечатанных в букварях, ярко и разносторонне отражались жизнь и быт детей, их труд и учеба, думы и чаяния, забавы и интересы. В них в тесном единстве присутствовали светское и религиозно-христианское начала. По своему стилю и содержанию яковлевские буквари напоминают педагогические учебники Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского. Они не только помогали детям получить начальное образование, но и содержали в себе добротный по тому времени материал для разностороннего их воспитания: трудового, нравственного и эстетического. Буквари воспитывали в детях честность, правдивость, скромность, мужество и смелость.

Обращаясь к детской теме, Яковлев опирался, с одной стороны, на положительные черты предыдущих деятелей родной литературы – Е. Рожанского, С. Михайлова, Н. Золотницкого, с другой стороны, делал упорные, настоятельные новаторские поиски. И эти усилия принесли ему желанные добрые результаты. Своим творчеством и мастерством, организаторским талантом он заложил надежный благодатный фундамент, на котором выросла и развивалась чувашская письменная детская литература. Если устное поэтическое творчество было «золотой колыбелью» литературы для маленьких, то первые яковлевские буквари,

появившиеся во второй половине XIX века, явились основой детских книг для чтения, т. е. письменной детской литературы. Начиная со второй половины XIX века чувашская детская литература оформилась в литературу, имеющую свои педагогические каноны и различные жанры. Теперь роль детской литературы в воспитании и обучении детей намного выросла.

В формировании чувашской детской литературы существенную роль играет творческое наследие М. Ф. Федорова.

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

Михаил Федорович Федоров – видный чувашский педагог и методист, большой друг детей, писатель-фольклорист, автор первой в национальной литературе оригинальной поэмы «Арзюри» («Леший»), ряда очерков и статей, переводчик, один из зачинателей литературного языка.

М. Ф. Федоров, как и тысячи своих соплеменников, прошел нелегкое безрадостное детство. С десяти лет ходил пастухом, гнул спину в поле, в зимние дни работал подсобником у швеи.

Природа одарила мальчика светлым умом, щедрым талантом и сообразительностью. Он отличался среди своих сверстников особой сметливостью, сноровкой, организаторскими способностями. Родственники и односельчане характеризовали его «как затейника оригинальных игр, импровизатора песен и мастера слушать и рассказывать сказки, снискавшего в родной деревне славу «пĕчĕк ăста» («маленький мастер»)» [1, 67].

Нелегко было чувствительному детскому сердцу видеть и переживать бедность и нищету родного народа в середине XIX века, беспросветное тяжелое социальное положение молодого поколения своего времени, принудительные и устрашающие порядки начальных школ национальной окраины.

Постепенно повзрослев, по мере расширения своего мировоззрения, он все больше и больше понимал и осознавал, что улучшение жизни трудового крестьянства, развитие социальных условий немыслимы без коренного перелома в системе просвещения на местах, повышения образовательного уровня населения, расширения его содержания и качества, изживания негативных тенденций в этом процессе. Поэтому Михаил, будучи еще молодым, без колебания решил отдать всю свою жизнь делу просвещения народа. Окончив на «отлично» сначала Бичуринскую начальную школу, потом там же двухклассное училище, позже Самарскую учительскую семинарию, в течение 30 лет, т. е. до конца своей непродолжительной жизни, работал на ниве

образования.

Осуществление своих просветительских идей М. Ф. Федоров видел, во-первых, в открытии в Чувашском и Марийском краях новых школ*. Во-вторых, он стремился поставить дело образования на светский путь, освободив его от церковно-христианских омутов. Чувашский просветитель не мог во всем согласиться с известным ученым-педагогом Поволжья Н. И. Ильминским, который вел тогда политику русификации малых народов России путем их христианизации, поддерживая при этом учебу в школах и службу в церквях на родном языке, а также путем перевода религиозно-церковной литературы на языки нерусских народов**.

М. Ф. Федорову были близки в просвещении народа идеи лучших практиков и теоретиков педагогической науки, таких как Ян Амос Коменский, К. Д. Ушинский, В. Стоюнин, Л. Н. Толстой и др. Он поддерживал преподавание в школах малых народов на родном языке, ведение учебы, сочетающейся с изучением этнографии и фольклора местного населения. Он считал правильным соединение обучения учащихся с их трудовым воспитанием, осваиванием ими духовно-нравственных ценностей, лично сам старался больше открывать ремесленнические классы*.

Еще в первые же годы своей учительской деятельности (1873–1878) «М. Ф. Федоров с увлечением и юношеским жаром проводит в практике школьной работы педагогические нововведения, основанные на изучении им опыта деятельности прогрессивных представителей народного образования. Особо интересуют его методы и приемы работы в нерусской школе. Он устанавливает тесную связь с практиком этой работы И. Я. Яковлевым, инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, получает от него советы и практические указания по работе, знакомится с педагогической деятельностью Н. И. Ильминского» [1, 70–71]. Впоследствии «мастерство М. Ф. Федорова как педагога и методиста признавалось всей учительской общественностью уезда. М. Ф. Федоров был частым руководителем уездных курсов переподготовки и подготовки учителей начальных школ, инициатором методических нововведений в школах. Как и большинство учителей своего времени, М. Ф. Федоров был учителем-универсалом, одинаково полно проявлявшим свои дарования по всем преподаваемым им дисциплинам, отдавая, однако, предпочтение языку и литературе. К ним он не мог быть равнодушен. Лишенный возможности творить сам лично, М. Ф. Федоров всячески поощряет в учащихся

---

* По утверждению В. П. Станьяла, в окрестностях Йошкар-Олы М. Ф. Федоровым открыты более десяти школ, также открыты они и в Чувашии [28, 25].

** Там же [28, 6; 28, 25].

* Центральный архив Марий Эл, 91, 1, дело 174, стр. 2.

стремление к литературе, прививает любовь к остро отточенному слову, к классическим творениям русской литературы, к народному творчеству. Детям-чувашам, учащимся городского училища, он дает темы для сочинений по описанию чувашских народных обычаев и обрядов, переложению сказок и песен» [1, 74].

Высокие педагогические качества М. Ф. Федорова ярко проявляются не только в его профессиональной деятельности, но и в личной жизни. Они с супругой Марией Матвеевной родили и вырастили много детей. Правда, некоторым из них богом предначертана была недолгая жизнь. Но, по утверждению Г. И. Комиссарова-Вантера, после смерти М. Ф. Федорова у них осталось 7 дочерей и сын Василий [28, 28]. Те благородные национальные черты, которые Михаил Федорович унаследовал от родного чувашского народа, он щедро передавал как своим ученикам в школе, так и своим детям. У Федоровых была дружная сплоченная семья. В ней царили высокая нравственная обстановка, коллективизм, взаимопомощь и выручка, поддержка друг друга. Дочери и сын выросли, стали достойными людьми. В основном всем им удалось получить соответствующее образование и специальность, трудиться на разных производственных участках, создать семью, вырастить детей *.

М. Ф. Федоров свою плодотворную педагогическую деятельность успешно сочетал с литературно-художественной работой, в которой также отчетливо проявляется детская направленность. В его художественном творчестве красной нитью проходят две основные линии. Первая из них – очеркистика, вторая – фольклор.

М. Ф. Федоровым написан о себе автобиографический очерк «Лечение болезней» («Чиртен сыватни»). Также записаны им в народе и напечатаны в 1876 году в журнале «Известия по Казанской епархии» четыре предания и легенды. Это – «Старинные люди», «Курганы», «Деревня Итяково» и «Йомзя Топай». Первые два из них посвящены герою чувашского эпоса Улыпу. Третье предание – рассказ о рождении и истории деревни Итяково. Четвертое – рассказ о мудром знахаре-гадальщике этого края Йомзе Топай. Все перечисленные фольклорные произведения М. Я. Сироткиным переведены на чувашский язык и включены в книгу «Чăваш литератури. Октябрьти революцичченхи тапхăр», изданную в 1951 году в Чебоксарах. С тех пор они, особенно легенды об Улыпе, стали

* По исследованию В. П. Станьяла, старшая дочь Людмила обучалась в Йошкар-Олинской городской школе, готовилась стать учительницей. Вторая дочь – Саша – окончила в Казани 3-ю женскую гимназию. Сын Василий успешно окончил Чарскую городскую школу. Младшая дочь Лидия тоже шла по пути своих сестер, хорошо училась. Дочь Любовь училась в Казани в Земской женской семинарии [28, 28–29].

хрестоматийными, вошли во многие сборники произведений для детей и школьные учебники, стали желанными для юных читателей.

Вершиной творческого взлета М. Ф. Федорова как писателя считается классическая поэма «Арзюри» («Леший»). Она, по версии В. Г. Родионова, написана в 1884 году. Это первое в чувашской поэзии произведение, созданное в крупной форме. Именно с нее начинается история национальной поэмы. Григорий Филимонов еще в 1880–1890 годах под влиянием «Арзюри» написал поэму-предание «Чухăн çын пурнăçĕ – хирти мулкач пурнăçĕ» («Жизнь бедного человека – жизнь полевого зайца»), фабула которой во многом близка к первой.

«Арзюри», кроме М. Сироткина, подвергался глубокому литературно-художественному анализу многими чувашскими учеными-филологами, например, В. Абашевым*, В. Станьялом**, Г. Хлебниковым***, Ю. Артемьевым****, В. Родионовым*****, В. Ендеровым****** и др. Общий их вывод убедителен и аргументирован: содержание и форму поэмы М. Ф. Федорова определили, кроме демократического мировоззрения автора, два главных фактора: чувашское устное народное творчество и влияние классиков русской поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова и Н. Некрасова. Впоследствии само творчество М. Ф. Федорова оказало огромное влияние на последующие поколения чувашских поэтов, в частности, литературную деятельность Я. Турхана, Ф. Павлова, К. Иванова, Н. Полоруссова-Шелеби и других, работавших также в жанре поэмы.

Прост и оригинален сюжет произведения. Бедный и забитый чувашский крестьянин Хведер, положив за пазуху краюху хлеба, один выезжает под вечер в лес за дровами. Сделать это его заставляли крайняя нужда, низкое и угнетенное социальное положение, надежда на то, что ночью можно избежать встречи с грозным хозяином леса – лесником. По дороге одинокого Хведера охватывает чувство страха и боязни. Ему кажется, что привязался к нему и нагло преследует злой и страшный Арзюри (Леший). Как правильно отмечает М. Я. Сироткин, одной из отличительных черт характера Хведера является его робость. «Хведер робеет перед разбушевавшейся погодой, перед созданным народной фантазией

---

* Абашев В. Н. Чувашская поэма. – Чебоксары, 1964. – С. 6–13.

** Станьял В. П. Тăван поэзи шурăм пуçĕн çăлтăрĕ (М. Ф. Федоров еткерĕ пирки шухăшланисенчен) // Чăваш литературин классикĕ Михаил Федоров. – Шупашкар, 1998. – С. 3–30.

*** Хлебников Г. Я. Первое произведение классики чувашской литературы // Известия Национальной академии Чувашской Республики. – 1997. – № 6. – С. 61–70.

**** Артемьев Ю. М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. – Чебоксары, 1977. – С. 34–37.

***** Родионов В. Г. «Арçури»: çырнă вăхăт, жанр // Хыпар. – 1998. – Çурла, 26.

****** Ендеров В. Образ Лешего (Арçури) в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. – Чебоксары, 1984. – С. 61.

призраком несуществующего оборотня – арзюри, робеет от предчувствия возможных бед и несчастий во время одиночной поездки в лес, при мысли о своей смерти и смерти больной жены, о сиротстве детей» [1, 80]. И вот приближается утро. Постепенно и погода успокаивается, начинается тихий снегопад. Наконец и арзюри исчезает, убегает куда-то под мельницу. И Хведер, полный всяческих размышлений после пережитого страха и ужаса, возвращается в родную деревню.

Все образы поэмы, кроме Арзюри и сверхъестественных сил, достоверны, реалистичны, жизненны. Арзюри же в произведении изображен в традиционном волшебно-фантастическом ключе. Ему здесь отведена в основном вспомогательная роль. Его сказочный образ автору нужен только для реалистического показа Хведера.

Поэма «Арзюри» вошла в фонд дореволюционной чувашской словесности как бесценный вклад. Она, прежде чем появиться в печати, в течение 24 лет ходила в народе из рук в руки в рукописном устном варианте. В 1908 году данное произведение увидело свет в сборнике «Сказки и предания чуваш» («Чăваш юмахĕсемпе халапĕсем»), изданном в Симбирске в честь 40-летия Симбирской чувашской учительской школы. В советское время оно часто переиздавалось. Поэма вошла в школьные программы, учебники и хрестоматии всех поколений чувашских детей. Она изучается также в средних специальных и высших учебных заведениях.

«Арзюри» – в целом не детское произведение, оно не является продукцией детской литературы. Поэма адресована среднему и старшему поколениям. Однако она является любимым и желанным и для юных читателей. Нет ни одного чувашскоязычного мальчика и девочки, которые бы не знали наизусть хотя бы несколько строф этого классического шедевра. Особенно импонирует детям начало поэмы:

Хĕвел ансан Хĕветĕр (Эсир ăна пĕлетĕр) Хĕвне çăкăр чикрĕ те, Лаша кӳлсе ларчĕ те, Тухрĕ кайрĕ вăрмана Хăрăк турат пуçтарма.	На заходе солнца Хведер (Вам он, верно, всем известен) Сунул в пазуху краюху, Заложил коня-гнедуху И поехал в ближний лес Посбирать сухих дровец.

(Перевод М. Я. Сироткина)

Глубоко впечатляют детвору также строки, описывающие

облик Арзюри:

Ват çын пекех шур сухаллă,	Как старик седобородый,
Качака пек мăйракаллă,	Как козленок круторогий,
Ури вăрăм, куçĕ чармак,	Пучеглазый, долгоногий…
Урхас Кушăк вăрманĕнче	Будто пес, рычит и лает,
Урлă-пирлĕ уткалать,	Дует, плюет, душит, давит…
Урнă йыт пек тулашать:	В ямщика оборотится,
Вĕрет, сурать, пусмăрлать,	Пыль столбом – катит и мчится,
Кăтăкласа вĕлерет.	По дороге вихрем гонит,
Лаша кӳлсе ларать те,	Аж земля так стоном-стонет…
Тутар ямшăк пулать те,	У глубокого оврага
Çĕр çĕмĕрсе чуптарать,	В беглеца оборотился.
Çĕр чĕтретсе кăшкăрать…	У Виснеровского поля
Тарăн вара çитсессĕн	В мертвеца вдруг превратился.
Таркăн салтак пулчĕ кайрĕ;	Проскакав же полдороги,
Виснер хĕрне çитсессĕн	Вешней яркой притворился.
Вилнĕ карчăк пулчĕ выртрĕ.	А потом, проклятый леший,
Çурма çула çитсессĕн	Приотстал, утомился,
Çурхи сурăх пулчĕ кайрĕ.	Стал дворовой собачонкой
Хайхи-майхи арçури	И под мельницею скрылся.
Кайран-кая юлчĕ те,	
Анчăк çури пулчĕ те,	(Перевод
Арман патне çитсессĕн,	М. Я. Сироткина)
Арман айне кĕрех кайрĕ.	

«Арзюри» и сегодня пользуется у детворы исключительной популярностью. Что же притягивает их в этой поэме? Это:

– сюжет – простой, увлекательный, занимательный, включающий в себя элементы сказки; начинающийся выездом Хведера под вечер на лошади в лес за хворостом и

заканчивающийся возвращением главного героя после того, как он пережил страх и ужас во время встречи с Арзюри, домой;

– образ крестьянина Хведера – простого и обыкновенного, близкого детям, как их родители, человека со всеми положительными качествами чувашского народа: отличающегося трудолюбием, владеющего способностью из чего-то соорудить для хозяйства что-то полезное («Пилĕк юплĕ пилеш пур, Сенĕк тума пит селĕм»; «Хурăншурта хурама – Турă ўстернĕ туратсăр, Турта тума вăл юрать»), заботящегося о своем доме (несмотря на приближение ненастной погоды, под вечер выезжает в лес за дровами), преданного своей семье (думает о дальнейшей судьбе своей жены, своих детей: «Эпĕ вилсен, мĕн юлать? Хуньăм хĕрĕ – хура хĕр, Хурлăх курма вăл юлать. Ачам-пăчам пит айван. Халиччен суха тытайман. Кам ачашлĕ ачама? Кам хĕрхенĕ хĕрĕме?»), оберегающего свою лошадку, разговаривающего с нею как с человеком («Хура лаша, ан хартлат: Эпир ĕнтĕ иксĕмĕр, Ителмесрен иртрĕмĕр, Чиперуя тухрăмăр»);

– образ сказочного Арзюри, нарочито гиперболизируемый автором;

– элементы сказочности, фантастичности и философичности, удачно вклинитые в текст («Акă ĕнтĕ, пăх ĕнтĕ: Çавраçил пек çаврăнса, Çĕмĕртсене çĕмĕрсе, Сикрĕ тухрĕ çырмаран, Пĕкке хуçрĕ çурмаран», «Пуян вилет – мул юлать, Ырă çын вилет – ят юлать, Эпĕ вилсен, мĕн юлать?»);

– юмор, ирония и полушутливый тон, которые характерны для монолога Хведера в картине в лесу («Тўркĕллине тўрлетме», «Арăм сыв мар, суя мар», «Хура пĕлĕтсем чупаççĕ, çăва патĕнчен тухаççĕ», «Турткалаймасть тухатмăш, Чуман лаша пек чупать») и размышлениям героя о происхождении Арзюри («Якур пичче çулпала Пушкăрт лаши кўлнĕ те, Те çуркунне, те çулла, Ярлаттарса чуптарнă», «Каç пулттипе сиккипе Ыраш пусси хĕррипе Çавраçил пек пынă чух»), подбадривающему обращению его к лошади («Хура лаша, ан хартлат, Хурамаран ма хăран?»), разговор с самим собой («Тăвар вăрри – тăвайкки, Ăçта пур-ши сĕвекки?») и скороговоркам («Ах, турă, çырлах, турă, ан пăрах!», «Хайхи-майхи арçури»);

– пейзаж яркий и впечатляющий, включающий в себя картины леса («Пирĕн вăрман пит чипер: Йăвă ўснĕ йăвăçсем, Питĕ вăрăм чăрăшсем, Пăхсан – çĕлĕк ўкмелле, Кассан – часах ўкмелле»), поле («Ителмесрен иртрĕмĕр, Чиперуя тухрăмăр»), эпизоды природы («Хĕвел тухăçĕ хĕрелет, Ырă çанталăк пăсăлать. Хура пĕлĕтсем чупаççĕ, çăва патĕнчен тухаççĕ, Хăяматалла каяççĕ!», «Çуркуннепе çул усал, Сулахайра сулăн пур», «Лапка-лапка юр çăвать, Мулкач сикет – йĕр тăвать»), являющийся основным

фоном, на котором развертываются действия и показываются переживания главного героя;

– язык поэмы, носящий исключительно народный характер, пронизанный игривыми аллитерациями («Çавра çил пек çаврăнса, Çĕмĕртсене çĕмĕрсе, Сикрĕ тухрĕ çырмаран, Пĕкке хуçрĕ çурмаран»), ассонансами («Ури вăрăм, куçĕ чармак, Урхас Кушăк вăрманĕнче Урлă-пирлĕ уткалать»), звукоподражаниями («Шĕвик! Шăхăрать çын пекех, Мăкăл-макăл юмахлать, Шăтăр-шатăр тутарать»), поговорками («Йĕп чиксен те куç курмасть», «Чике тăршшĕ ларттарать»), эпитетами («хăрăк турат», «хура пĕлĕтсем», «ырă çанталăк», «хура лаша», «ырă выльăх», «вăрăм чăрăшсем», «ват юман»), сравнениями («Çавраçил пек пынă чух», «чуман лаша пек чупать»), идиомами («Пуç тӳпинчен сĕрĕм тухать»), детскими дразнилками («Энтри кантри – йĕм кантри, Пушăт чĕлли, хуп татăкки»), прибаутками («Юмах ярать, юптарать») и др., которыми усыпана почти каждая строка произведения и которые так близки и привлекательны для детей, что они сразу же заучивают их наизусть.

Таким образом, заслуга М. Ф. Федорова как писателя перед детворой состоит в том, что он в автобиографическом очерке «Лечение болезней» создал яркий образ чувашского мальчика середины XIX века, собрал легенды и предания, в том числе два замечательных произведения Улăпиады и дал возможность ознакомиться с ними современным юным читателям, написал первую в национальной литературе оригинальную поэму «Арзюри», органично сочетающую в себе реальное и сказочное, нашедшую постоянную прочную прописку в списке чувашской литературы для детского чтения. Так на народной основе и под влиянием русской классической литературы, прежде всего стихотворений «Бесы» и «Утопленник» А. С. Пушкина, родилось первое оригинальное произведение чувашской художественной словесности.

Неоценимый вклад в формирование национальной детской литературы внесли учащиеся Симбирской чувашской учительской школы К. В. Иванов, Н. В. Шубоссинни, И. Н. Юркин, И. И. Иванов, Г. А. Кореньков, Н. М. Охотников, Г. Т. Тимофеев, М. Ф. Акимов, Таэр Тимки, Ф. П. Павлов, М. Д. Трубина и др. Особенно велики из них заслуги К. В. Иванова и Н. В. Шубоссинни.

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

Константин Васильевич Иванов – один из самых крупных и талантливых представителей чувашской художественной литературы начала XX века, поэт-демократ, автор классической поэмы «Нарспи» и других глубоко народных произведений, фольклорист, переводчик, художник. Его творческое наследие сыграло важную роль в становлении чувашской детской литературы. Ему принадлежат переводы на чувашский язык ряда произведений русской литературы. Он создал также оригинальные произведения, прочно вошедшие в круг детского чтения.

Константин Иванов, воспитанный на передовых педагогических традициях Симбирской чувашской школы, руководимой выдающимся просветителем И. Я. Яковлевым, был замечательным учителем, близким другом и наставником детей. Как известно, К. Иванов в последний период своей жизни, т. е. в 1911–1914 годах, работал учителем рисования, черчения и чистописания Женского при Симбирской чувашской учительской школе двуклассного училища. К порученному Иваном Яковлевичем делу отнесся он со всей серьезностью и ответственностью. Уроки проводил всегда на высоком научно-теоретическом уровне. Хорошо владел методикой преподавания современной ему начальной школы. Настойчиво и целенаправленно добивался повышения качества и эффективности проводимых занятий. С первых дней завоевал симпатию и любовь учащихся. Это подтверждается воспоминаниями многочисленных его воспитанниц. Ф. Д. Данилова (Иванова), например, пишет: «Мы Константина Васильевича очень любили, нетерпеливо ждали каждый его урок. От того, что он прекрасно владел преподаваемым материалом, умел хорошо довести его до учащихся. Поэтому мы относились к его предметам с большим интересом и симпатией. Некоторые из нас поставленный для изображения перед нами предмет не умели еще точно перенести на бумагу. Тогда Константин Васильевич рисовал предмет на доске. Легкими и ловкими движениями руки делались талантливым мастером исключительно красивые картины. Если кто-то из учащихся обращался к нему, он сразу подходил к нему, объясняя, вносил исправления. На уроках вел себя весьма спокойно и корректно, говорил толково и красиво. Никогда не выходил из себя, не повышал голоса на воспитанников. Мы даже не замечали, как проходили его уроки» [29, 104–105]. Такие добрые воспоминания о Константине Иванове как опытном и мудром педагоге оставили также Г. А. Молостовкин, Ф. К. Кузьмина, А. Н. Енилина, Н. М. Муромцев, А. Т. Лучков, Ф. Митрофанова, Х. И. Карандаева

[29, 91–92; 131; 179–180; 187; 206–207; 209–210; 211] и многие другие его воспитанники. То, что К. В. Иванов был талантливым и опытным педагогом, подтверждает и профессионально составленный им в 1909 году конспект урока по русскому языку, в котором грамотно и последовательно изложены для ознакомления учащихся со звуком и буквой «К» и письмом этой буквы план и ход урока [31, 257–258].

Большая заслуга К. В. Иванова перед чувашской детворой заключается в том, что он внес существенный вклад в дело подготовки и издания букварей и учебников нового поколения, начатое И. Я. Яковлевым. Следует заметить здесь то, что участие поэта в этой сфере во многих научных источниках показано сужено, т. е. его работа отражена, в основном как художественного оформителя книги [30, 377; 2, 137; 1, 170; 8, 167]. У «Нового букваря для чуваш с присоединением русской азбуки», изданного И. Я. Яковлевым в 1912 году в Симбирске, составителем числится И. Т. Трофимов, художником – К. В. Иванов. На самом деле, поэт, наряду с созданием иллюстраций и рисунков для букваря, активно трудился и по составлению и редактированию его. Это подтверждается воспоминаниями самого И. Т. Трофимова: «Для включения в отдел хрестоматии многие статьи и рассказики мы взяли из букваря Яковлева. Однако их построили по-новому – по принципу от простого к сложному. Константин Васильевич эти статьи и рассказы тщательно отредактировал в литературном плане… В это лето Константин Васильевич, кроме дел букварных, литературные произведения не создавал» [29, 122]. Листая страницы «Нового букваря», воочию убеждаешься в достоверности слов И. Т. Трофимова. Благодаря стараниям автора поэмы «Нарспи» букварь стал высокопоэтическим, лирическим, содержательным учебником для чувашских детей. На страницах его не встретишь теперь старомодных или диалектных слов с устаревшими формами, бытовавших в предыдущих изданиях. Например, таких: «хĕтленнĕ» (вместо «хăтланнă»), «ĕçĕрĕннĕ» (вместо «ĕçерĕннĕ»), «ăйхăран» (вместо «ыйхăран»), «пысăклăхпа» (вместо «пиçиххипе»), «хăне те» (вместо хăйне те), «усал тимĕ» (вместо «усал тивмĕ» – 1880), «açăвăнтан» (вместо «açăнтан»), «тепĕрĕ» (вместо «тепре» – 1897), «йӳнлĕ пул» (вместо «йĕркеллĕ пул»), «илӳ пулаймарĕ» (вместо «илеймерĕ»), «ниăçта» (вместо «ниçта»), «йăкăслантара» (вместо «кăтăкла»), «мехер» (вместо «эхер»), «шăрăшла-шăрăшла» (вместо «шăршла-шăршла»), «чăркуççи» (вместо «чĕркуççи» – 1906) и т. д. Все выражения в «Новом букваре» звучат теперь просто, естественно и привлекательно. В качестве примеров для упражнения в букваре помещены стихотворные и частушечные строки: «Ула лаша

тамаша, ака тăвать хашкаса», «Çерем уçрăм, вир акрăм, ăна вырма çын тытрăм», «Шыва кĕтĕм, тасалтăм, хĕрлĕ кĕпе тăхăнтăм», «Куля вылять, Алтук ташлать, Малля карчăк çум çумлать», «Тăрна куçĕ пек шыв выртать, ман хуньакам пир илет», «Тарăн варта юр пур, тет, юр варринче пăр пур, тет». И некоторые прозаические предложения приобрели ритмику и рифмовку: «Сана салма – мана улма», «Çумăр çăвать, аça çапать», «Эсĕ те çын, эпĕ те çын», «Кĕтĕм кĕрекене, лартăм сĕтел хушшине», «Ута çулаççĕ, тырра выраççĕ». Отдельные из них стали похожими на пословицы и поговорки: «Сăпса хытă сăхать», «Кĕрпе пулсан, пăтă пиçет», «Сысна хырăмне ыраш пăсман, тет». К именам существительным умело пристеганы соответствующие им эпитеты: «хура така», «шурă пăтă», «пысăк пулă», «хăла тăла», «тăрă шыв», «хытă тăм». Среди примеров немало советов поучительного характера: «Ватта ырра хур», «Аван лар», «Усал ан сун», «Асса на лар», «Пусса ан сур», «Лаша кӳлме тăрсан та турра асăн», «Тӳпеми ил те тӳпеми пар». В букваре имеются также предложения познавательного плана: «Лаша тапать», «Сăпса сăхать», «Турăх тутă тытать» и др.

Одной из важных положительных сторон «Нового букваря» была его картинность, иллюстративность, которая отсутствовала ранее. К. Ивановым в книгу помещены рисунки, изображающие предметы, название которых начинается с изучаемого звука, и иногда напоминающие своими очертаниями саму букву. Например, чувашские дети с начальным звуком «А» называют чаще всего слово «автан» (петух). И с учетом этого к данной букве К. Иванов нарисовал портрет этой домашней птицы. К букве «У» соответственно он поставил «упа» (медведь), к «Ш» – «шапа» (лягушка), к «Р» – «рак», к «Л» – «лаша» (лошадь) и т. д. Так, каждая буква имела характерный для нее рисунок. Разнообразием, живостью, убедительностью и способностью волновать детские души отмечаются его графические работы «Ножницы», «Собака», «Мешок», «Паук», «Коза», «Челнок», «Колотушка». Кроме рисунков, художником помещены к ним иллюстрации прописи данной буквы, слогов и слов. Как указано в предуведомлении букваря, их учитель должен был «предварительно написать на доске отчетливо, ясно и по возможности красиво, а затем предлагать детям списывать этот материал в свои тетради, беря за правило: пиши, как видишь» [10, 4-я стор. обл.]. Надо согласиться с утверждением искусствоведа А. Г. Григорьева в том, что «К. В. Иванов, опытный педагог, сознательно обращал внимание на наглядность и доступность своих рисунков, с помощью которых дети должны открывать себе богатство мира» [32, 139].

С работы для школьных учебников, для детской аудитории началась и переводческая деятельность К. В. Иванова. По

утверждению Г. И. Ильина, одноклассника К. В. Иванова, чувашский поэт еще в годы учебы в приготовительном классе при Симбирской чувашской учительской школе (1903–1904 годы – А.М.) занимался переводом произведений русских писателей. После перехода в первый класс данного учебного заведения К. Иванов дальше продолжил свое любимое дело. Чем же привлекала его отечественная классика? Прежде всего демократической свободолюбивой направленностью, глубокой художественностью и эстетичностью. И он был убежден в том, что эти произведения при правильном высокопрофессиональном переводе могли оказать большую услугу молодому поколению его родного народа. Вот почему чувашский поэт отнесся к этому делу со всей ответственностью. К числу его первых переводческих опытов относится рассказ Л. Н. Толстого «Море». В 1909 году «Первая и вторая книги для чтения» великого русского писателя вышли в Симбирске на чувашском языке, куда был помещен и рассказ «Море» в переводе К. В. Иванова. В том же году это произведение появилось в «Первой книге для чтения после букваря» на этом языке. При сопоставлении русского текста с чувашским воочию убеждаешься в переводческом таланте и мастерстве чувашского поэта.

Море широко и глубоко; конца морю не видно. В море солнце встает и в море садится. Дна моря никто не достал и не знает. Когда ветра нет, море сине и гладко; когда подует ветер, море всколыхается и станет неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняет другую; они сходятся, сталкиваются, и с них брызжет белая пена. Тогда корабли волнами кидает как щепки. Кто на море не бывал, тот богу не

Тинĕс пит сарлака, пит тарăн; тинĕсĕн вĕçĕ-хĕрри курăнмасть. Хĕвел тинĕсрен тухать те тинĕсех анса ларать. Тинĕс тĕпне никам та çитмен, ăна никам та пĕлмест. Çил çук чухне тинĕс, кăвакăн курăнса, яп-яка выртать; çил тухсан, хумханса каять, вара хумсем ту пек йăтăнса çÿреççĕ; вĕсем пĕрне-пĕри çите-çите çапăнаççĕ те, вĕсенчен шап-шурă кăпăк сирпĕнет. Ун чух вара хумсем карапсене турпас пек вылятаççĕ.

Тинĕс çине кĕмен çын турра та кĕлтуса

маливался*. курман тесе ахаль каламаççĕ пулĕ çав.

В чувашском тексте полностью сохранены индивидуальность стиля русского классика, идейный смысл, пафос и сюжет произведения. При этом толмач не следует механической точности перевода, прямому, дословному переложению на другой язык. Для него важнее всего передача духа оригинала, богатства его основного содержания. Так, например, первое предложение «Море широко и глубоко; конца морю не видно», если его перевести буквально, звучало бы так: «Тинĕс сарлака тата тарăн; тинĕсĕн вĕçĕ курăнмасть». В результате несколько ослаблялись бы лиричность и ритмичность русского текста. Поэтому чувашский поэт к эпитетам «сарлака» и «тарăн» добавил усилительные слова «пит» (очень), слово «вĕçĕ» (конец) заменено более лиричным «вĕçĕ-хĕрри» (конец и край), сохраняя тем самым напевность оригинала. С такой же целью в предложении «Дна моря никто не достал и не знает» слово «никто» пристегано также к сказуемому «не знает». Последующие два предложения из русского оригинала в чувашском переводе эффективно соединены в одно. Чувашским автором здесь удачно использованы дополнительное олицетворение «тинĕс … выртать» (море … лежит), сравнение «хумсем ту пек йăтăнса çÿреççĕ» (волны словно горы движутся), выражение с усилительной приставкой «шап-шурă кăпăк» (бело-пребелая волна). Желая сделать доступным чувашскому читателю, переделано и предпоследнее предложение «Тогда корабли волнами кидает как щепки»: «Ун чух вара хумсем карапсене турпас пек вылятаççĕ» (Тогда волны заигрывают кораблями, словно щепки). Заключительная часть рассказа Л. Толстого по-чувашски подана в форме пословицы: «Не зря говорят, что кто на море не бывал, тот богу не молился».

Данное произведение великого русского писателя публиковалось и в предыдущих чувашских букварях (1900 и 1906 годов издания)* [16, 35; 17, 34]. По сравнению с изданным в 1909 году букварем, эти тексты в стилевом плане выглядели несколько слабее. Точь-в-точь совпадает лишь одно предложение – третье. В других присутствуют различия. Например, в букваре 1900 года четвертое предложение русского оригинала разделено на две части: «Çил çук чух тинĕс кăвакăн курăнать, яп-яка выртать; çил тухсан хумханса каять те, вара яка мар хумсем йăтăнса тухаççĕ. Вĕсем пĕрне-пĕри хăваласа çитсе çапăнаççĕ те шап-шурă кăпăк кăлараççĕ» [16, 35]. По сравнению с ним текст 1909 года,

* Здесь и далее в разделе «Константин Иванов» тексты художественных произведений и их переводы приведены по книгам «Константин Иванов. Собрание сочинений». – Чебоксары, 1957. – 458 с. и «Константин Иванов. Çырнисен пуххи». – Шупашкар, 2000. – 334 с.

* Их мог переводить другой автор, а не К. Иванов (его в 1900 году в Симбирске еще не было).

составленный К. Ивановым, отличается верностью воспроизведения мысли оригинала, образностью и поэтичностью.

В 1912 году К. Ивановым осуществлен перевод сказки «Репка», которая появилась впервые в букваре 1912 года. Произведение русской фольклорной классики подверглось чувашским поэтом основательной литературной обработке. В результате сказка как бы заново родилась, одела новую национальную одежду, предстала перед чувашскими детьми на их языке как своя кровная родная. Сюжет сказки известен всей российской детворе. Посеял и вырастил дед большую-пребольшую репку. Пошел он ее выдергивать. Тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед бабку. Бабка за дедку, дедка за репку – тянут-потянут, вытянуть не могут. Потом поочередно присоединяются к ним внучка, собака Жучка, кошка Машка. Все равно они не могут вытянуть репку. Под конец позвала кошка мышку. Только тогда они все вместе сумели вытащить репку. В этой связи хочется привести аргументированные высказывания академика Г. Н. Волкова: «В «Репке» обнаруживает себя целая философская концепция, мудрая и высокопоэтическая… В сказке раскрываются ресурсы, резервы бесконечного, вселенского развития. Да и мышь из той же категории взаимоотношений: бесконечно малое имеет в мире свой смысл, свое значение, бесконечно большое складывается из бесконечно малого, без последнего нет первого: «Мышиная моча – морю подмога», – говорят чуваши» [11, 126–127]. В тексте К. Иванова главная идея, структура, сюжет, система образов русской сказки не претерпели изменения. В то же время ей придан чувашский колорит. Деду придумано имя «Палюк пичче» (старший брат Павел). Роль бабы занимает «арăмĕ» (жена), а внучки – «хĕрĕ» (дочка). В текст вмонтирован глагол «тет» (говорят), характерный для чувашских сказок. Язык повествования простой, сочный, народный.

В 1912 году К. Ивановым на чувашский язык переведен хрестоматийный рассказ для детей «Ласточка» из «Родного слова» К. Д. Ушинского для второго года обучения. Он впервые опубликован в чувашском букваре 1912 года*. Перевод этого воспевающего трудолюбие рассказа в стихах поэтом выполнен с большим мастерством, с сохранением его образности, ритмики, фольклорного стиля. Так, в начале же повествования вместо выражений «покою не знала» он употребил «никакого отдыха не знала», вместо «день-деньской летала» – «целый день летала», вместо «соломку таскала» – «соломинки собирала», вместо «глинкой лепила» – «глинкой мазала и лепила», тем самым

* В. Я. Канюков этот рассказ ошибочно отнес к числу оригинальных произведений К. В. Иванова [2, 138]. На самом деле это переводное произведение.

нисколько не снижая того впечатления, которое вызывают строки русского оригинала: «Ласточка-касаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глинкой лепила, гнездышко вила» [33, 181]. Теперь у К. В. Иванова оно звучит так: «Чĕкеç-чĕкеç-чĕкеçĕ, пĕртте канма пĕлмерĕ: кунĕпе вĕçсе çÿрерĕ, улăм пĕрчи пуçтарчĕ, тăмпа шăлса çыпăçтарчĕ, хăйне йăва çавăрчĕ» [30, 276]. Для сохранения образности выражений подлинника переводчик умело пользовался союзами: «Çăмартасем турĕ те, йăви çинчен анмасть те, чĕп тухасса кĕтет вăл» («Нанесла яичек, с яичек не сходит, деток поджидает»), местоимениями: «Чĕкеç-чĕкеç-чĕкеçĕ, кунĕпе вĕçсе çÿрет вăл, пĕртте канма пĕлмест вăл» («Лосточка-касаточка день-деньской летает, покою не знает»). С целью сделать мысль оригинала понятной и доступной чувашскому читателю переводчик заставляет ласточку «не сходить» не «с яичек», а «с гнезда», а птенцам – не только «пищать», но и «просить у мамы кушать».

К. В. Иванов при переводе русского хрестоматийного детского стихотворения «Четыре времени года», осуществленного им в 1912 году, конечно, имел в виду, что оно адресуется чувашскому мальчику и девочке, чьи родители душой и делом преданы земле, полю и лесу, являющимся для них смыслом жизни, их опорой и кормилицей. С учетом этого поэт, не искажая идею и содержание русского оригинала, стремился сделать его доступным и понятным детям родного народа, внес туда незаметные коррективы, тем самым приспосабливал произведение к чувашской действительности. В переведенном тексте из четырех строф в трех встречается слово «поле» (в русском оригинале их только 2), в четвертой оно также незримо присутствует через выражение «Растет золотая рожь», т. к. это растение является полевой культурой. Толмачом введен в текст также образ леса («Лес дремучий осыпается»), который в оригинале отсутствует. В первой строфе строка из оригинала «День пребывает» заменена при переводе формулировкой «Ешĕл курăк ÿсет» («Растет зеленая травка»). Это изменение можно считать вполне оправданным: во-первых, по значению новое предложение остается в пределах границ оригинала (травка активно зеленеет на фоне пребывающего дня), во-вторых, здесь приведено последовательное развитие природного явления (сначала снег тает, затем природа оживает, зеленая травка появляется), напоминающее изображение поэтом весны в поэме «Нарспи» («Килчĕ ырă çуркунне, Килчĕ ячĕ ăшăтса» – «Пришла весна красная, Пришла, принесла теплынь»). Во второй строфе при создании образа лета К. Иванов вместо формулировки «Липа цветет» пользуется выражением «Ăшă çил вĕркелет» («Дует

теплый ветерок»), что можно считать также приемлемым, т. к. для чувашей, как и для других народов, «горячее солнце» и «теплый ветер» являются характерными факторами этого периода года, в условиях которых благополучно «Поспевает рожь» («Сар ыраш çитĕнет»). В третьей строфе две строки русского оригинала («Мокнет земля» и «Дождь промывает») в ходе перевода объединены в одно: «Пĕрмай çумăр çăвать» («Беспрестанно поливает дождь»), к нему добавлено предложение «Сĕм вăрман çаралать» («Лес дремучий осыпается»). Эти изменения при переводе тоже являются закономерными, т. к. чуваш портрет осени определяет в первую очередь по видам полей и лесов, являющихся основными природными компонентами родного края. (Был бы здесь, скажем, вместо чувашского поэта его коллега из Кавказа, он бы выбрал не лес, а горы, а писатель из Прибалтики – море, из Казахстана – степь). Образность достигается переводчиком также подбором выразительных эпитетов, с помощью которых точно передается мысль оригинала: «шурă юр» («белый снег»), «сар ыраш» («желтая (золотая) рожь»), «ешĕл курăк» («зеленая травка»), «ăшă çил» («теплый ветер»), «сĕм вăрман» («дремучий лес»). Переводчик, не нарушая общую ритмику русского стиха, внес в чувашский текст отдельные новшества технического плана. Если у оригинала первая и вторая строки состоят из 4-х слогов, третья – из 5–6, четвертая – из 7 слогов, то у чувашского варианта все строки содержат 6 слогов. Если у русского текста – спаренные рифмы, то у чувашского первые три строки имеют одинаковые рифмы. Число ударений в строках и там, и тут одинаковое: по 2. В отличие от русского текста чувашский написан на трехсложном стихе (анапест). Таким образом, К. Иванов при переводе стихотворения «Четыре времени года» широко использовал выразительные средства и способы родного языка. Созданные им четыре поэтических пейзажа, соответствующие весне, лету, осени и зиме, не только не уступали оригинальному, но и дальше его развили, усилили и обогатили.

Из переводных произведений К. В. Иванова, не вошедших в чувашские буквари и учебники, детской направленностью более всего наделены следующие: «Колыбельная песня» А. Н. Майкова, стихотворения К. Д. Бальмонта «Осень», А. Толстого «Осень стала у двора», М. Ю. Лермонтова «Парус», «Утес», «Горные вершины», поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и купца Калашникова». «Колыбельная песня» А. Н. Майкова привлекла внимание чувашского поэта прежде всего тем, что в ней присутствуют оригинальный романтический сюжет, поэтические образы ветра, солнца и орла, воспитание в ребенке любви к природе, оптимальное соотношение в тексте мысли, движения и

настроения:

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны все гонял?» –
«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

[34, 113]

Çывăр, ачам, çывăрах!
Ăйху тутлă пултăрах!
Сана пăхма илтĕм эп
Ăмăрткайăк, çил, хĕвел.
Ăмăрт вĕçрĕ килнел(л)е,
Хĕвел анчĕ ту айне*;
Виçĕ каçран çилĕ те
Вĕçрĕ амăшĕ патне.
Çилтен ыйтать амăшĕ:
– Ăçта эсĕ пултăн-ши?
Çăлтăрсемпе вăрçрăн-и?
Е хумсене çапрăн-и?
– Тинĕс хумне çапмарăм,
Çăлтăрсене тивмерĕм,
Эпĕ ача сыхларăм, –
Ун сăпкине сиктертĕм.

[31, 127]

При переводе чувашский поэт строго придерживался семисложной силлабики оригинала. Избегая дословности, он изложил мысли точно и складно. Например, первые две строки песни при прямом переводе выглядели бы немного куце и невнятно: «Çывăр, манăн ачам, тĕлĕрех; Тутлă ыйăха ху патна чĕн». Поэтому поэт их заменяет словами колыбельной, взятой из чувашского фольклора: «Çывăр, ачам, çывăрах! Ăйху тутлă пултăрах!» («Спи, дитя мое, спи! Пусть сон у тебя будет сладок!»). В результате начало песни зазвучало нежно и поэтично. В последующих строфах переводчик безотходно следовал по сюжету оригинала, делая текст доступным и понятным маленькому чувашскому читателю. Лишь в одном месте (в строке «Звезд не трогал золотых») в целях сохранения ритмичности стиха слово «золотых» пропущено.

В переводе стихотворения К. Д. Бальмонта «Осень»

* По тому, что шестой стих произведения переведен К. Ивановым в форме «Солнце скрылось за горой», следует считать, что оригиналом для перевода послужил ему текст, который публиковался в «Хрестоматии» К. Д. Ушинского.

К. Ивановым также точно передано реальное содержание произведения, сохранены образность оригинала, сила и выразительность переводимого текста. Успех достигнут им путем искусного владения лексикой родного языка, правильным соблюдением его грамматического строя, сохранением общепринятого произношения чувашских слов:

Вот и осень наступила,
Что ни день, то холодней.
Птиц отлетных клик унылый
Грусть родит в душе моей.
Вереницею стаей
Птицы за море летят,
А деревья надевают
Ярко-желтый свой наряд.
Реже солнышко смеется,
Аромата нет в цветах.
Скоро вновь зима вернется
Вся в метелях и снегах.

[30, 45]

Шăнтать ĕнтĕ кунсерен,
Çитрĕ ĕнтĕ кĕркунне.
Вĕçен кайăк сассинчен
Хуйхă кĕрет чĕрене.
Карти-карти кайăксем
Вĕçеç тинĕс леш енне.
Тăхăннă йывăçсем
Пурте сарă тумтирне.
Хĕвел кулать сайрарах,
Шăрши пĕтнĕ чечексен,
Йĕрсе ярĕ ак часах
Кĕркунне те, вăрансан.

[31, 128]

Если русский текст написан по 7–8-сложной силлабике, что чувашский – чисто по 7-сложной. Исключение составляет лишь одна строка, состоящая из 6 слогов: «Тăхăннă йывăçсем» («Деревья надели»), подчиняющаяся общей ритмике стиха. Рифмы как в русском, так и в чувашском текстах – перекрестные. В чувашском варианте первые две строки в целях получения созвучности переставлены местами. В конце стихотворения К. Ивановым допущено частичное отступление от оригинала. Но для читателя оно остается незамеченным, т. к. созданный русским автором рисунок природы переводчиком при помощи средств родного языка передан без искажения. Обратный перевод чувашских строк («Йĕрсе ярĕ ак часах Кĕркунне те, вăрансан») звучит так: «Вот скоро и осень заплачет, проснувшись ото сна». В переведенном стихотворении К. Ивановым успешно сочетаются три времени глагола: настоящее («кĕрет» (входит), «кулать» (смеется), прошедшее («çитрĕ» (пришла), «тăхăннă» (оделись), «шăрши пĕтнĕ» (остались без запаха), будущее («йĕрсе ярĕ» (заплачет). Образность, высокая художественность оригинала переданы также

мастерским переводом олицетворений: «хĕвел кулать» (солнце смеется), «хуйхă кĕрет» (горе лезет), «кĕркунне çитрĕ» (осень пришла), «тăхăннă йывăçсем» (деревья оделись); эпитета: «сарă тумтирне» (желтую одежду), спаренного слова: «карти-карти кайăксем» (птицы вереницею-вереницею) и т. д.

Благодаря усилиям К. В. Иванова впервые на чувашском языке прозвучали и другие сочинения классиков русской поэзии. Это стихотворения А. В. Кольцова «Дуют ветры, дуют буйные», «Солнце на небе», Н. А. Некрасова «Мужик что бык», Н. П. Огарева «Засуха», М. Ю. Лермонтова «Ангел», «Парус», «Волны и люди», «Утес», «Горные вершины», «Чаша жизни», «Узник», его поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и др. Произведения русских писателей были близки чувашскому поэту по своему духу, демократической направленностью, народностью, единством взглядов на окружающую действительность. Особенно импонировал К. Иванову творческое наследие М. Ю. Лермонтова. Оно тянуло его к себе свободолюбивым и остросовременным содержанием, богатством поэтического слова, музыкальностью и лиричностью стиха. Перевод этих произведений К. Ивановым осуществлен с большим мастерством, высокопрофессионально. Это правильно отметили многие исследователи его творческой деятельности. Так, профессор М. Я. Сироткин аргументированно утверждал: «Из стихотворений М. Ю. Лермонтова, переведенных К. В. Ивановым, заслуживает особого внимания стихотворение «Парус». В отличие от стихотворений «Ангел», «Люди и волны», «Утес», «Чаша жизни», «Горные вершины», «Узник», переведенных обычным семисложником, стихотворение «Парус» переведено анапестом. Силлабо-тоническое стихосложение вводится К. В. Ивановым впервые в истории чувашской литературы. Выбор в применении его именно на стихотворении «Парус» следует объяснить необычной звучностью и красотой оригинала, созвучностью его идеи с настроением самого переводчика. Дух мятежности и нежелания идти проторенными путями, жажда новых впечатлений, борьбы и свободы – вот что руководило поэтом при этом» [1, 173].

Вершиной переводческого мастерства К. В. Иванова явилось переложение им на чувашский язык поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Это эпическое произведение близко было чувашскому поэту по той причине, что Лермонтов создал его по фольклорным образцам, стремясь передать не столько формы, сколько дух народной поэзии и национальный характер. По душе был К. Иванову один из главных героев поэмы – Калашников –

«невольник чести» XVI века, движимый народными представлениями о чести, законе и обычае, которыми он не может поступиться и перед лицом смерти. Поэтому к переводу этого сложного по стилю произведения К. Иванов отнесся со всей серьезностью и талантливо осуществил его, полностью сохраняя образность, мелодику, народно-поэтический стиль. Он был убежден в том, что для перевода поэмы М. Ю. Лермонтова, сложенной на белом стихе, более всего подошел размер чувашских народных песен, сказок, легенд и преданий. И поэт плодотворно воспользовался им. При переложении русского оригинала на родной язык сказалось больше поэтическое мастерство чувашского поэта, выражавшееся в верной передаче колорита «Песни». Это его мастерство всесторонне раскрыто профессором Е. В. Владимировым в его научном труде [3, 80–90]. Действительно, «в поэме Лермонтова Иванов сталкивается с многочисленными словами и оборотами, которые невозможно было перевести на чувашский язык ввиду отсутствия в чувашском языке слов, выражающих эти понятия. Переводчик, прекрасно владея лексическим и стилистическим богатством родного языка, сумел передать значение этих слов и выражений так ясно и верно, что читатель поэмы и не догадывается, что эти понятия можно выразить как-то по-другому» [3, 87–88].

Следует отметить, что эти произведения М. Ю. Лермонтова в переводе К. В. Иванова тепло воспринимались и воспринимаются не только взрослыми чувашскими читателями, но и молодежью и детворой. И поэтому они многократно перепечатывались журналами, республиканскими и районными газетами. Так, стихотворение «Утес» еще в 1936 году было включено в хрестоматию «Художественная литература» для учащихся VI класса чувашской школы, а поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» более 20 лет (с 1936 по 1957 гг.) включалась в «Хрестоматию по родной литературе» для VII класса чувашской школы, составленную М. Я. Сироткиным.

Переводческую деятельность К. Иванов органично совмещал с творческой работой по созданию оригинальных произведений. Переводы, непосредственное знакомство с произведениями отечественных классиков помогали чувашскому поэту усваивать приемы реалистической типизации, новые жанры поэзии и драматургии, способствовали оттачиванию художественного мастерства. «Опыт свободолюбивой демократической русской литературы не мог не отразиться на принципах художественного метода чувашского поэта» [36, 41]. Народность творчества ее классиков явилась для К. Иванова примером в создании

оригинальных произведений.

В 1912 году поэтом обработаны две народные песни: «Телега» и «Дождь». В том же году они опубликованы в букваре. Песня «Телега» сюжетная. Она построена в форме диалога. Телега (хозяин телеги) разговаривает с встретившимся ей человеком. Человек интересуется: «Куда она ходила, где и с кем работала?». Телега отвечает: «Была на сенокосе, со слугой своего отца Елесем на перелоге для коней траву косила.

У работника Елеся
Есть коса на русский лад:
Размахнется раз, а сена –
В две охапки не собрать».

В обработанном варианте все от народной песни сохранилось: и сюжет, и образы, и стиль, и ритмика стиха. Вместе с тем К. Ивановым в текст внесены незаметные на первый взгляд коррективы. Подражательное выражение «шĕлтĕр-шĕлтĕр» заменено на более подходящее «шăлтăр-шăлтăр», слово «утă» – на приемлемое «ут», «çитес çук» – на «кĕрес çук». В предложениях «Утăна ăçтан çулатăн? Утăна кампа çулатăн?» слово «утăна» удачно переставлялось назад. Если в народной песне человек беседует с телегой во время отправления ее на сенокос, то в тексте К. Иванова он это сделает при возвращении ее оттуда. Если в фольклорном варианте для каждого ответа телеги отведена одна строка, то в обработанном произведении их целых две. Ответы телеги у К. Иванова обогащены словами-повторами «кайрăм-кайрăм», «çултăм-çултăм», «Атте тарçи Елеç пур» и стали намного отточеннее и привлекательнее.

Второе произведение «Дождь» в фольклорном варианте называлось «Зреет рябина на реченьке» и рассчитано было как гостевая, застольная песня. К. Иванов мастерски переделал ее для использования в школах, в детской аудитории. С этой целью он убрал из текста те места, которые связаны с выпивкой («Тăван, сирĕн ĕçкĕр-çикĕр пит хаяр-çке, Пирĕн урасене таять-çке»), фразы с междометием «ай», часто повторяемые в застольных песнях («ай, çăвать-çке»). По две строки от себя добавлено автором к началу и концу произведения. Первые две строки, созданные им, стали очень подходящими для начала песни, они верно изображали состояние природы перед дождем:

Каç тĕттĕмĕсем пулса килеççĕ-çке,	Вечереет. Гаснет день. Смеркается.
Çумăр пĕлĕчĕсем	Грозовые тучи

пухăнаççĕ-çке.	собираются.

Оптимизмом, жизнелюбием и радостью веет и от последних песенных строк, сложенных К. Ивановым:

Тырă пуçахĕсем тайăлаççĕ,	Тучный колос клонится и клонится.
Пирĕн чунăмăрсем саваăнаççĕ.	Наши души радостями полнятся.

Таким образом, после основательной литературной обработки поэтом народные песни стали намного лиричнее, поэтичнее, доступнее и интереснее для младших учащихся чувашской школы. Они явились непременным достоянием национальной учебной литературы для начальных классов.

Определенный вклад внес К. В. Иванов в дело создания литературы для детского чтения на родном языке записыванием народных песен «Хурăн çулçи» («Березовый лист»), «Хура ĕне» («Черная коровушка»), «Çӳлĕ ту» («Высокая гора»), «Текерлĕк» («Чибис»). Записанные поэтом на его родине, они вошли в сборник П. В. Пазухина «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним», изданный в 1914 году.

В числе оригинальных эпических произведений К. В. Иванова – стихотворная сказка «Две дочери» и баллады «Железная мялка» и «Вдова». Написанные в 1907–1908 годах, они вошли в книгу «Сказки и предания чуваш» (1908). Материалом для сказок К. Иванова, как и для народных, служили жизнь родного народа, его борьба за счастье, верования, обычаи, окружающий мир и природа. Сюжеты их заимствованы из народного источника. Вместе с тем для поэта было чуждо прямое перенесение народных сюжетов. Он подверг их глубокому литературному осмыслению, серьезной творческой обработке.

По утверждению Я. Г. Ухсая, одного из первых исследователей творческого наследия К. В. Иванова в 30-х годах, сказки поэта имели общее вступление к ним, обнаруженное в его «Записной книжке» [30, 405–406]:

Кукашшĕне итлесе Ларать ача сак çинче. Хăйă çунать ташласа, Хура пӳрте çутатса. Ватти тăвать çăпата, Хăй юмахне çаптарса. Юмах юпа тăрринче, Халлап хапха тăрринче.	Духота в избе курной, От лучины – зыбкий свет. Ковыряя лапоть свой, Сказку сказывает дед. Тихо сидя, ловит внук Мерной речи каждый звук. Сказка – птица на

столбе,
Вот и присказка тебе.

Таким образом, по сюжету зачина можно предполагать, что сказки К. Иванова адресованы детям. На самом деле они стали их любимыми произведениями, и в сегодняшний день находятся в списке литературы для детского чтения. Одновременно они тепло воспринимаются и взрослыми читателями.

Заслуженной популярностью среди населения пользуется сказка К. Иванова «Две дочери». Сказки с таким сюжетом имеются не только у чувашей, но и у других народов. Например, подобный мотив присутствует в русской сказке «Семилетка». В «Двух дочерях» рассказывается о том, как богатый отец-самодур задал двум своим дочерям три вопроса: что тучней, слаще и мягче всего на свете? Старшая дочь, подлизываясь и подхалимничая, все захваливала отцовское:

– Пирĕн атте килĕнчи Кăвак лаша пит мăнтăр. – Пирĕн атте килĕнчи Вĕллери пыл пит тутлă. – Пирĕн атте килĕнчи Тӳшек-минтер пит çемçе.	«Что тучнее всего?» – Конь сивый В доме батюшки у нас… – Сладок в ульях мед душистый В доме батюшки у нас… Пуховик, подушки мягки В доме батюшки у нас.

Младшая же дочь, честная и справедливая, ценящая здравый смысл, не кривя душой, отцу говорит правду:

– Çут тĕнчере çĕр мăнтăр, Унтан мăнтăр нимĕн те çук… – Ыйхă тутлă тĕнчере Унтан тутли нимĕн те çук… – Алă çемçе тĕнчере Унтан çемçи нимĕн те çук.	– Ничего во всей вселенной Нет, отец, тучней земли… – Сладок сон, и в целом мире Ничего нет слаще сна… – Да рука мягка, и мягче Ничего на свете нет.

Отец, ублаготворенный льстивым ответом старшей дочери, отдает ей полбогатства своего. А младшую дочь, обидевшую его своими справедливыми ответами, прогоняет из дома. У К. Иванова получилось все противоположно сюжету народной сказки (где

правда побеждала ложь). Основное содержание его сказки – разоблачение мира насилия, связанного с ним жизнеотрицающего начала. Ложь и обман, эгоизм, властолюбие отца-самодура, семейный деспотизм как отражение социального гнета и т. д. – вот против чего выступает поэт. Юные читатели на стороне претерпевшего беду младшей дочери, которая полна человеческого достоинства, гордости и благородства. Они хорошо осознают то, что в угоду мести перед сильными, даже перед отцом, ни в коем случае нельзя унижаться, нельзя идти против здравого духа, против правды жизни.

Глубоко раскрывается мир насилия и угнетения и в балладе «Железная мялка». Здесь тот же семейный деспотизм, издевательство и произвол старших над младшими, что и в предыдущей сказке «Две дочери». У старой колдуньи были две невестки-сиротки: «Обе славны да пригожи, И прилежны обе тоже». Старшая невестка автора особо не интересует. Его внимание сконцентрировано на судьбе младшей невестки. Звали ее Чегесь, что в переводе на русский язык означает «Ласточка». Она была «как ласточка, мила, и послушна, и скромна, и приветлива». У нее «руки ловки и прилежны, для лобзаний – губы нежны». Но Чегесь находится под властью безнравственной, некультурной свекрови, державшей ее в полной кабале, считавшей ее бездельницей. Невестка от всей души просит свекровь отпустить ее в гости к родственникам в деревню Агар. Деспотичная старуха два раза ей отказывает. Но в третий раз, скрепя зубами, разрешает, однако, с тайным злым умыслом – уничтожить ее. Старуха-ведьма решает убить невестку во время нахождения ее в пути при помощи своего магического оружия – железной мялки. Чегесь, собираясь в дорогу, испечет три юсмана-лепешки из молока, содержащих чудодейственную энергию при помощи заговора отстранять нечистую силу. Три раза защищает себя молодая женщина от нападений железной мялки, кидая на дорогу свой юсман. Каждый раз мялка, не достигнув цели, возвращается назад. Наконец, Чегесь добирается до деревни Агар, где живут в разных домах две ее старшие сестры и брат. Она слезно просит каждого из них защитить ее от нападения мялки. Но сестры и брат проявляют равнодушие к участи сестренки и не пускают ее в свои дома. В результате, отвергнутая своими близкими родственниками, беззащитная Чегесь зарывается в солому, где ее настигает мялка и убивает. На обратном пути мялка уничтожает и свою хозяйку – старуху-ведьму, не успевшую сойти с дороги. Утренний рассвет рассекречивает драму, разыгравшуюся прошлой ночью. Брат Чегеся, вышедший кормить скотину, в соломе находит труп своей сестренки. Беда не обошла и старика-мельника: уничтожена некой страшной силой его

мельница. Односельчане старухи также «стоят, шумят толпой над убитой слепой» – старушкой-колдуньей:

Карчăк выртать, хускалмасть, Таврашĕнче хура юн. Пĕвĕ выртать пĕр çĕрте, Пуçĕ выртать пĕр енче.	Нет теперь ее смирнее, Лужей кровь вокруг чернеет, Тело здесь, а голова – В стороне, давно мертва.

Хочется согласиться с выводом профессора Ю. М. Артемьева в том, что «К. В. Иванов в балладе показывает реальную жизнь. Однако это жизненная правда, измененная и мотивированная авторской фантазией, изображенная с учетом законов романтического искусства» [37, 110].

Чем же привлекает и захватывает эта баллада маленьких чувашских читателей и слушателей? Прежде всего тем, что в ней присутствует увлекательный романтический сюжет, милая и близкая их сердцу Чегесь, во многом напоминающая по своему поведению и характеру известных героинь русских неродных сказок Золушку и Аленушку, волшебные предметы и явления типа железной мялки, юсмана и, наконец, чистый, родниковый поэтический язык, отточенный и отшлифованный до совершенства.

В основу сюжета баллады «Вдова» положены события, связанные с войной. В первой из трех ее частей показаны семеро кровных братьев, сражающихся на поле боя с врагом. Во второй части произведения изображены их жены, работающие где-то далеко на косовице ржи. Вдруг сердце старушки-свекрови, трудящейся вместе с ними, почуяло, что с ее сыновьями на поле брани происходит неладное. И она решает погадать:

Çичĕ кашăк ывăтрĕ, Çапла сăмах каларĕ: «Пӳлĕх, кăтарт тĕрĕсне, Кашăк, кала чăннине: Хăш кин юнлă кашăклă – Пĕтнĕ унăн упăшки». Кашăк ӳкрĕ çаврăнса, /крĕ-тăчĕ юн тулса – Кĕçĕн кинĕн кашăкки, – Пĕтнĕ иккен упăшки.	Взяв семь ложек, вверх метнула, Приговор такой шепнула: «Пюлех, правду покажи, Ложка, истину скажи: Той, в чью ложку кровь нальется, Век вдовой прожить придется». Ложки в воздухе кружатся, Наземь падают, ложатся. Вот в одной из них и кровь! «Младшей!» – молвила

свекровь.

В центре третьей части повествования находится младшая невестка. Как только узнала она о гибели супруга, сразу ушла на поле брани искать его тело. Встретив там первым старшего брата своего мужа, спрашивает:

– Пиччем, пиччем, шăллунне Курмарăн-ши виллине?	– Деверь мой, не видел где Братца младшего ты здесь?

Тот отвечает:

–«Куртăм-ĕçке курасса: Ларать çӳлĕ ту курăнса, Çӳлĕ ту çинче пӳрт ларать, Унта шăллăм çывăрать. Тимĕр кăвак лашиччĕ, Лаши тирĕ айĕнче, Шурă тутăр пит çинче, Симĕс тукмак аллинче».	«Ох, видел его, родная: Там, вдали, гора крутая, На горе изба стоит, В той избе мой братец спит. Серый конь под стать был буре, Брат лежит на его шкуре, На лице платок, рукой Сжал дубину, братец мой».

Аналогичные же ответы дают ей встретившиеся в пути другие два брата ее супруга. Полны грусти и печали заключительные строки баллады. Молодая вдова, крепко обнимая друга, плачет и рыдает:

Ĕмĕр-ĕмĕр йĕрсен те, Чĕрĕлес çук куççулĕпе. Вара тăваттăмĕш кун Çакăнчĕ те, пĕтрĕ чун, Хăй упăшкин çӳçĕпе, Виçĕ ылтăн пĕрчипе.	Слезы лей хоть целый век – Не воскреснет человек. На четвертый день подруга, Взяв три волоса супруга, Удавилася на них, Волосинках золотых.

Разнообразна и богата поэтика баллады. Удачно используются автором эпитеты («çут хĕвел» («светлое солнце»), «симĕс тукмак» («зеленая дубина»), «хура юн» («черная кровь»), «сенкер сăнă» («острожалая пика»), «кăтра пуçлă çĕмелсем» («кудрявоголовые копны»), олицетворения («çил вылять» («ветер играет»), «вĕçет урхамах» («конь летит»), «хĕвел савăнать»

(«солнце радуется»), «ыраш хумханать» («рожь волнуется»), сравнения («вĕçет кăвак урхамах кайăкран та хытăрах» («серый конь среди степей вольных птиц летит быстрей»), метонимия («тĕттĕм каçĕ куç çинче» («на глазах ночная мгла»), крылатые выражения («çут хĕвлпе çут тĕнче вăй паччăр çак кунсенче» («пусть вам солнце, мир светил в эти дни прибавят сил») и т. д. Произведение написано простым размером семисложной силлабики.

В балладе очень тонко, талантливо передано от начала и до конца повествования постепенное приближение трагедии: 1) идет война (пока потери не видны, но сражений без них не бывает); 2) жены семерых воинов жнут в поле рожь и «колос валится» («ыраш ӳкет касăлса») – косвенный намек на то, что, подобно ржи, могут пасть на войне и их мужья; 3) тяжелые предчувствия старушки-свекрови сбываются: убит ее младший сын; 4) гибель младшей невестки. Поэт человеческие печали органично соединяет с грустными рисунками природы. Когда молодая женщина подходит к горе, где лежит тело его мужа:

Тĕтре çӳрет шуралса, Çӳлĕ ту тавра яваăнса. Ылтăн хĕвел саваăнмасть, Çутă куна çутатмасть: Пĕлĕт айне пытанать, Хăй çуттинчен вăтанать. Çил тухать те çил каять, Хурлăхлă юрă юрлать. Çӳлĕ тăваăн тĕлĕпе Çăхан карать çăварне.	А кругом туман белесый Плотной стелется завесой. Золотого солнца луч Не проглянет из-за туч: Скрылось, словно застыдилось Самого себя, светило. Рыщут ветры и поют Песню грустную свою. Пролетая над горою, Ворон каркает порою.

Балладе К. В. Иванова присущи многие приемы и изобразительные средства фольклорных произведений. Это наличие традиционных сказочного начала (присказки): «Юмах юпа тăрринче, хам урхамах çийĕнче. Вĕçсе-вĕçсе пытăм та килтĕм тухрăм çакăнта…» («Сказка вьется над столбом, сам я на коне лихом. Долго я летел по свету и остановился где-то…») и сказочной концовки: «Эпĕ те вара хурланса, икĕ чуна асăнса, урхамаха выртартăм, чӳклерĕм те хăвартăм» («Опечаленный, тогда я, Двух погибших поминая, Ургамаха заколол, справил тризну и пошел»). Автором умело использованы в тексте магические цифры «3» и «7», характерные для чувашских сказок: «семь братьев», «семь невесток», «семь ложек», «три дня», «три

волоса» и т. д.

То, что дети любят сказки К. Иванова, обусловлено двумя причинами. Во-первых, его положительные герои являются самыми младшими и беззащитными среди персонажей, и, естественно, юные читатели питают к ним особую симпатию и сочувствие как к героям, близким их возрасту. Во-вторых, герои поэта дороги и привлекательны детворе по духу, чистоте помыслов, нравственному настрою, честными и справедливыми поступками и действиями в сложнейших жизненных ситуациях.

В одном ряду со сказкой и балладами К. Иванова находится и его трагедия в стихах «Раб дьявола» (1907). Близки они по проблематике, системе образов, языку и стилю. В трагедии, как и в вышеназванных произведениях, остро бичуются хищничество, насилие, корыстолюбие, алчность к деньгам, стремление к наживе. Два родных брата сражаются на войне. Но ими движут не патриотические чувства, не интересы защитить Родину, а инстинкты наживы и мародерства. Старший брат с целью завладения деньгами младшего брата, которые отбирал тот у трупов солдат, убивает его. В конце и сам гибнет бесславной смертью. Трагедия К. Иванова незавершенная. Из ее трех запланированных частей читателям представлена лишь первая. В третьей части автором предусмотрен был ввод в действие детей, который бы помог намного повысить интерес юных читателей к данному произведению. Но автор не успел реализовать свой творческий замысел. Несмотря на это, трагедия «Раб дьявола» является любимейшим произведением чувашских детей. Она охотно изучается в средних и высших учебных заведениях.

Образ ребенка введен К. Ивановым в стихотворение «Голодные» (1907), написанное в форме сказки. Это мальчик, слушающий, сидя на скамейке, рассказ деда о пережитых народом голодных годах, трагических ситуациях. Чего только не заставлял делать человека голод: в первом случае –пойти ночью на воровство, во втором – есть живым залетевшую в избу ворону. Смерть застает и волка, бродившего по полю в поисках пищи.

Пĕтерчĕ те юмахне Ватти хушрĕ сăмахне: Çапла, ачам, выçăхсан, Çын тухать çав ухмаха. Хăшĕ, çиме пулмасан, Тухать вăрă-хураха; Хăшĕ, Иван ухмах пек, Курак çиет аташса; Хăшĕ, сăрă тукмак пек,	Кончил старый, помолчал И, вздыхая, продолжал: – Так-то вот с ума и сходят Люди с голоду, мой внук. Кто на воровство уходит

Вилсех каять выçăхса.	И убийцей станет вдруг; Кто, рехнувшись поневоле, Птиц нечистых потребляет; Кто, как серый волк, средь поля С голодухи помирает.

Близко примыкает к данному стихотворению К. Иванова по стилю изложения, манере повествования небольшая поэма «Наше время» (1908). В этом произведении, как и в предыдущем, слушателем является чувашский ребенок. Если в первом случае юного героя с эпизодами жизни народа ознакамливает дедушка, то во втором случае рассказчиком является его отец. Между сыном и отцом происходит задушевная беседа о значении образования в жизни человека. Мальчик просит отца отправить его учиться в сельскую школу. Тот готов исполнить его желание:

– Ачам, ачам, ан йĕтет, Илтес кунта ху илтĕн, Хут вĕренни уссине, Хут вĕренсен, ху пĕлĕн. Çитес çула çитсессĕн, Пăртак ăс-пуç кĕрсессĕн, Ярăп акă сана та Ялти шкула ăс пухма. Турă хушсан, çын пулсан, Курăн Чĕмпĕр хулине.	– Полно, мой мальчик, отстань-ка. Будет срок – узнаешь сам, А поучишься – и книгу Одолеешь по складам. Порасти еще с годочек. Там, коль все пойдет на лад, И пошлю тебя я в школу, Чтоб умом ты стал богат. Будешь юношей – увидишь Город наш Симбирск, даст бог.

Далее старший ознакамливает юнца с пройденным им и его современниками жизненным путем, с характерными особенностями своей эпохи. Этот путь, по сути дела, – непростая судьба родного народа. Все было в ней: разорение и обнищание, малоземелье, частые неурожаи, голод, война, поиски работы на стороне, переселение на другие земли, неравноправие и гнет, темнота, суеверие, неграмотность и т. д. В этот трудный период истории родного народа на арене появляется «некто добрый» (И. Я. Яковлев – А.М.), который начинает активно трудиться по национальному подъему своих соплеменников. Все это отражено в поэме достоверно, в типически-реалистическом плане.

Одновременно в произведении с глубоким негодованием и возмущением сообщается о нигилистах, национальных интеллигентах, предавших свой народ, брезговавших его языком, традициями и обычаями. Поэма, с одной стороны, рождает в сердце юных читателей ненависть и презрение к таким отщепенцам нации, с другой стороны, любовь и симпатию к истинным патриотам народа, каким является И. Я. Яковлев. Таким образом, произведение имеет большое воспитательное значение. Оно, посвященное 40-летию Симбирской чувашской школы, написано понятным и доступным языком как для читателя взрослого, так и молодого.

Вершиной художественного таланта К. В. Иванова является поэма «Нарспи». Сюжетную основу ее составляет история несчастной любви девушки из зажиточной семьи Нарспи и парня-бедняка Сетнера, закончившейся гибелью влюбленных, насильно разлученных по вине богатых родителей девушки. Идейно-философский пафос произведения заключается в том, что его автор глубоко уверен в силе и разуме человека, в его способностях и возможностях освоить природу, занимать господствующее положение на планете:

Çакă çутă тĕнчере	Нет сильнее человека
Вăйли çук та этемрен:	Во вселенной никого:
Шывсем çинче, çĕр çинче	Он на суше и на водах
Хуçа пулса вăл тăрать.	Стал хозяином всего.

«Нарспи» является любимой, настольной книгой каждого чувашского человека, в том числе и ребенка. Она подкупает его подлинной народностью, проникновением в глубину национальной психики, описанием обычаев и традиций (Большой Калым, Симек, Учюк, Хоровод), воссозданием многоликой красоты и сложности жизни природы (весны, лета, осени, речки, поля, леса), богатством образных средств, простотой и сочностью языка, музыкальностью и эмоциональностью стиха.

Среди героев поэмы есть и дети. В первой же главе «В селе Сильби» читатель встречается с мальчиком, который пасет «на шелковой траве» стадо овец. Он никогда не расстается со своим музыкальным «другом» – свирелью. С одной стороны, она успокаивает его душу, с другой стороны, помогает пасти стадо. Сегодня, видимо, прошло много времени, как он ушел из дома. И он изрядно проголодался:

Хăй кĕтĕвĕ патĕнче	Пастушонок на свирели
Ача шăхличĕ калать,	Ладит песенку в степи;
Хырăмĕ пит выçнипе	Ждет обеда он и часто

Силпи ялнелле пăхать.	Смотрит в сторону Сильби.

В начальной же главе присутствуют еще два эпизода с детьми. В первом случае – это «ребятишки, юрко плавающие в воде». У них свои интересы: веселиться вдоволь. Они даже не замечают сидящего недалеко от них с удочкой старика-рыболова, который смотрит на них, «хмуря брови». Во втором случае – это дети, которые, радуясь приходу весны, с утра до ночи играют и шумят на улицах и переулках.

В четвертой главе изображена детвора, бегающая веселой гурьбой за свадебной повозкой. Восьмая глава содержит две сцены с ребятишками. В первой они кружатся вокруг клети, в которой жених с невестой проводят брачную ночь. Во второй – услышав, подслушивая тайком, секреты новобрачных, разбегаются по домам сообщать новости.

Особое место среди героев-детей занимает Сентти – мальчишка лет семи. Он – сын деверя Нарспи. Ему посвящены в девятом и десятом главах поэмы три эпизода. В первый раз он забегает в дом Тахтамана на своем коромысле-коне и застает одинокую Нарспи, изрыдающую от избиения своего мужа-изверга, успокаивает ее. Второй раз он появляется здесь перед отравлением Тахтамана, третий раз – после его убийства. Правильно пишет Г. Я. Хлебников: «Каждый раз образ напоминает возможную гармонию человеческой жизни, вносит контраст, оттеняет разницу между чистотой детской души и грязью или жестокостью характера взрослых. Чисто художественным способом поэт развивает глубокую философскую мысль: человек от природы чист, добр и прекрасен; жестоким его делают дурные законы общества» [36, 68–69].

Для изображения образа Сентти К. Иванов подобрал самые нежные и мягкие тона краски. Мальчик, как и его сверстники, чист, честен и искренен:

Çавтер ырă ачана Турă чунне панă çав, Кулса сиксе выляма Кайăк чунĕ янă çав. Çичĕ çулхи ачара Чăваш чунĕ ларать çав, Пĕчĕк куçĕ йĕрсен те, Йăваш тути кулать çав.	Дал же бог ребенку душу, Что таким он славным стал; Чтобы мог играть, смяться – Птичье сердце даровал. Да, в ребенке семилетнем Нрав чувашский неспроста:

	Если глазки плачут, все же Улыбаются уста.

Привлекательно и любимо каждое движение мальчика, описанное автором. Трогательно его по-своему детское сочувственное, сострадательное отношение к горю любимой тети:

Ан йĕр, инкем, ан йĕрсем, Тутăрупа шăл куçна. Ан хуйхăрсам, инкеçĕм, Хăваласам хуйхăна.	Тетя, тетя, полно плакать, Вынь платок, утри глаза. Прогони свое ты горе, Пусть не катится слеза.

В создании данного произведения поэт пользовался наиболее простыми формами звукового построения стиха – аллитерацией и ассонансом. Особенно ярко проявляется это в первой части повествования:

Чипер ача Сентти пур, Чупса çӳрет урамра. Кĕвентине утланса Ача вылять лашалла. Аслă урам тăршшĕпе Чиксĕр тусан кăларать, Хура чикан пек хура Каçпа киле таврăнать. Чипер ача Сентти пур, Чупса килет лашипе, Хăйĕн пĕчĕк чĕлхипе Пакăлтатать инкĕшпе.	Есть Сентти, мальчишка славный, Он играет день-деньской: Коромысло – конь ретивый, Сам – наездник удалой. Вдоль по улиц широкой Поднимает пыль горой; Черный весь, как цыганенок, Возвращается домой. Есть Сентти, ребенок милый, К тетке он верхом летит, Полон нежного участья, С ней лепечет, говорит.

В этих трех строфах строки на чувашском аллитерированы в основном на «Т», «Ч», «П», «Р» и ассонансированы на «А», «Е», «И», «У». Звуки «чи», «ча», «чу», «чĕ» напоминают пение соловья

в весеннем саду, тем самым подтверждая сказанное поэтом: то, что «бог даровал мальчишке птичью душу». Таким образом, звуковая организация стиха помогает читателю понять смысловую его наполняемость.

В целом, поэма «Нарспи», кроме «Сентти», содержала в себе целый ряд других оригинальных детских стихотворений. Это произведения, посвященные природе: весенние и летние пейзажи, картины леса, земли, реки, полей, животного мира. Среди чувашских ребятишек, например, мало кого найдешь, кто бы не знал наизусть строфы первых глав поэмы «Нарспи», изображающих весну, деревню Сильби, родник с ключевой водой. После Октябрьской революции 1917 года они регулярно печатались в чувашских букварях, школьных учебниках, сборниках детских произведений, стали желанными стихотворениями юных читателей. На них воспитывалось каждое молодое поколение чувашского народа.

В заключение хочется подчеркнуть, что если создателями оригинальной национальной детской прозы в начале 70-х годов XIX века были И. Я. Яковлев и другие авторы рассказов из его букварей, то в области поэзии эта роль заслуженно принадлежит в начале XX века К. В. Иванову. Именно этими людьми положено начало развитию чувашской оригинальной литературы для детей.

НИКОЛАЙ ШУБОССИННИ

Немаловажную роль в формировании национальной детской литературы сыграло творческое наследие известного поэта Н. В. Шубоссинни. Достойное место занимают в списке произведений для детского чтения его сказки «Ăслă суеçĕ» («Умный лгун»), «Хитре Чĕкеç» («Красивя Чегесь»), «Вĕри çĕлен» («Змей-соблазнитель»), опубликованные в сборнике «Сказки и предания чуваш», изданном в 1908 году в честь 40-летия Симбирской чувашской школы. Написаны они по мотивам народных сказок с романтическим оттенком. Героями сказки «Умный лгун» являются два брата. Симпатией читателей из них пользуется младший, отличающийся своей находчивостью и сообразительностью. Обладая такими важными человеческими качествами, он выигрывает у старика, являющегося хозяином огня, горящую головню, искры которой превращаются в золотые монеты. В результате младший брат зажигает свой костер и становится обладателем солидного богатства. Старший же брат, лишенный

таких положительных человеческих качеств, остается ни с чем. Сказка учит юных читателей быть в жизни всегда как младший – находчивым и умным.

В сказке «Красивая Чегесь» детей привлекает прежде всего молодой парень Юманка с его отвагой и храбростью, проявленными им в борьбе за свое счастье, за освобождение любимой невесты.

Сюжет третьей сказки Н. В. Шубоссинни «Змей-соблазнитель» напоминает фабулу философской поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». В ней чувашский поэт «создал демонический образ человека-правдоискателя, озлобленного на всех за кривду и обман. Семеро братьев, продавшие свои души Шайтану, обретают вечную власть над простыми смертными. Поэма завершается риторическим вопросом: «Почему бог создал злых духов-тварей, соблазняющих людей? Не для того ли, чтобы закалять людскую волю и способность их к стремлению ко всему доброму?» [38, 505–506].

В ряде произведений поэтом созданы образы детей. Так, в стихотворении «Чăпта çапакансем» («Ткачи кулей» – 1917) им повествуется об изнурительном труде подростков-соплеменников:

Тăрать чăпта умĕнче Шурса кайнă яш ача, Ăна хирĕç леш енче Тăрать пĕчик хĕрача. Алăк панче карăнса Курăс чĕрет тепĕр хĕр. Пурте ĕçлет васкаса, Хам пĕлместĕп, мĕншĕн-тĕр. ---------- Курăс тусанне çăтса Кăкрисене лартаççĕ, Аптранипе ывăнса Хăйсем юрă юрлаççĕ. [39, 328–329]	Стоит у кулеткацкого станка Изможденный рослый подросток. Напротив него Стоит маленькая девчонка. Около двери, вытянувшись ввысь, Другая раздирает мочало на полосы. Все работают спеша. Сам не знаю: почему? ---------- Глотая пыль мочалы, Забивают легкие. Чтобы не чувствовать усталость, Поют сами песни.

Главные действующие лица стихотворения «Нуша» («Беда», 1906) – два брата. Мальчики по мере своих сил стараются помочь родителям в ведении хозяйства. На этот раз они решили раздобыть на дне глубокого оврага строительные камни и завести их домой. Однако настигла детей тут беда. Из-за незнания младшим братом правил предосторожности повозку с лошадью потянуло на дно

оврага. Лишь по чистой случайности лошадь осталась невредимой. С большим трудом мальчикам при помощи поспешившего к ним человека удалось вытащить из бездонного оврага телегу и лошадь.

В стихотворении «Çуллахи ĕç çинчи вут-кăвар» («Пожар на жатве», 1906) также описывается беда, виновником которой оказался мальчишка, оставшийся во время летней страды дома без присмотра. Из-за неумения его обращаться с огнем в ходе приготовления яичницы сгорело не только собственное жилье, но и соседские дома.

Некоторые произведения Н. В. Шубоссинни несут в себе гуманистические, просветительские идеи. Поэт «путь к спасению от всех социально-культурных бед видит в пропаганде просвещения и в распространении грамоты, называя письменное слово «светом фонаря» (стихотворение «Свет фонаря»)» [37, 264]. Эта же мысль прослеживается в стихотворении «Хĕрĕх çул хушши» («Сорок лет», 1907–1908), посвященном юбилею Симбирской чувашской школы. Автором подчеркивается высокая роль этого учебного заведения в развитии образования и культуры родного народа. В стихотворении «Тăлăх» («Сирота», 1906) приведен непростой диалог между сыном и его умершей матерью. Мать жестко критикует мальчика за его слабоволие и бездействие в повседневной деятельности, наставляет его быть в жизни более активным, смелым и настойчивым:

Эсĕ пĕччен хĕвелтен	Ты один от солнца
Питне ан пытар!	Не прячь лицо свое.
Суя çулпа каякан	Тем людям, которые
Харсăр çынсене	Идут по ложному пути,
Хурçа çурса татакан	Ты покажи горячо
Кăтарт чĕлхÿне!	Язык свой стальной.
Эпĕ панă ĕмĕрлĕх	Силу слова, которую
Сăмах хăватне	Я навечно подарила
Хăрамасăр хĕрÿллех	тебе,
Пĕлтер çынсене!	Доведи до людей
[39, 314]	Смело, без боязни.

Стихотворение Н. В. Шубоссинни «Йытăпа кушак» («Собака и кошка», 1913) – оригинальное детское произведение. В нем рассказывается о том, что кошка когда-то была у собаки в гостях, угощалась кашей. А вот собака, застав кошку во время еды, взаимности не получала. Философично звучит вывод автора:

Çинĕ чухне: кашăк пар,	Сели кушать – ложку
Ĕçленĕ чух: сывă мар.	дай,
Хăна тусан – хурăнташ,	Когда работать – не
Хамран ыйтсан – ан	здоров.
паллаш.	Угостишь – твоя родня,
Çапла пирĕн тĕнчере	С него спросишь – знать

Паян кун та ĕмĕртен.	не хочет.
[39, 316]	Так водилось в мире издревле, И по сей день так.

В ряде своих произведений («Çулланăн пуçĕ» («Начало лета», 1911) отрывки поэмы «Янтрак янравĕ» («Янтрак-горлопан», 1908) поэт тепло и нежно описывает родную природу, тем самым вызывая в душах детей чистые и прекрасные чувства, развивая их эстетические вкусы.

В начале XX века юные читатели, как и взрослые, радушно восприняли переведенные поэтом на чувашский язык произведения русской классики. Это – «Три пальмы», «Спор», «Казачья колыбельная песня» и «Ветка Палестины» М. Ю. Лермонтова. «Работая над произведениями Лермонтова, – пишет профессор Е. В. Владимиров, – Иванов и Шубоссинни, естественно, испытывали те же душевные волнения, что и поэт, и это помогло им находить нужные слова и выражения для передачи родственных чувств» [3, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сироткин, М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1967. – 238 с.
2. Канюков, В. Я. Дореволюционная чувашская детская литература // Учен. зап. / НИИЯЛИ. Вып. X ; В. Я. Канюков. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1954. – С. 91–146.
3. Владимиров, Е. В. Обретение традиций / Е. В. Владимиров. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1982. – 212 с.
4. Яковлев, И. Я. Из переписки / И. Я. Яковлев. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1989. – 320 с.
5. Яковлев, И. Я. Воспоминания / И. Я. Яковлев. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1983. – 286 с.
6. Симбирские губернские ведомости. – 1867. – 13 апреля.
7. Тьваш адизене сыръва вьренмелли кнеге. – Казань : Лито- и тип. К. А. Тилли, 1872. – 56 с.
8. Чувашская книга до 1917 года. Ретроспект. библиогр. указатель литературы. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары : Госком ЧР по делам архивов, 2001. – 199 с.
9. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – Казань : Тип. М. А. Гладышвой, 1880. – 54 с.
10. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму – Чăваш çыруне вĕренмелли кĕнеке : с рисунками и образцами письма. – Симбирск : Типо-литогр. Губерн. Правления, 1913. – 45 с.

11. Волков, Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – М., 1999. – 166 с.
12. Букварь для чуваш – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 9-е изд. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1892. – 42 с.
13. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 12-е изд. – Симбирск : Типо-литогр. А. Т. Токарева, 1896. – 36 с.
14. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 12-е изд. – Казань : Типо-литогр. Императорского ун-та, 1894. – 35 с. – (Сокращенное издание).
15. Букварь для чуваш – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 13-е изд. – Казань : Типо-литогр. Императорского ун-та, 1897. – 47 с.
16. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 14-е изд. – Симбирск : Типогр. И. С. Хапкова, 1900. – 242 с.
17. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Малтанхи чăваш кĕнеки : Ч. I / Православ. миссион. о-во. – 17-е изд. – Симбирск : Типогр. А. и М. Дмитриевых, 1906. – 160 с.
18. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 15-е изд. – Симбирск : Типогр. А. и М. Дмитриевых, 1902. – 240 с.
19. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 4-е изд., доп. – Симбирск : Типогр. А. Т. Токарева, 1885. – 144 с.
20. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Казань : Губерн. типо-литогр., 1873. – 32 с.
21.Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки. – Казань : Типо-литогр. К. А. Тилли, 1874. – 32 с.
22. Сокращенный букварь для чувашей с присоединением русской азбуки – Чăваш çыруне вĕренмелли кĕнеке. – 20-е изд. – Симбирск : Губерн. типогр., 1909. – 32 с.
23. Михайлов, С. М. Собрание сочинений / Сп. Михайлов. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2004. – 510 с.
24. Революцичченхи чăваш литератури. XX ĕмĕрччен. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1989. – 302 с.
25. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки – Чăваш кĕнеки / Православ. миссион. о-во. – 5-е изд. – Симбирск : Типогр. А. Т. Токарева, 1886. – 156 с.
26. Революцичченхи чăваш литератури. Текстсем. I т. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1984. – 460 с.
27. Яковлев, И. Я. Моя жизнь – Воспоминания / И. Я. Яковлев. – М. : Изд-во «Республика», 1997. – 696 с.

28. Чăваш литературин классикĕ Михаил Федоров / ЧПГĂИ ; пухса хатĕрлекенĕ В. П. Никитин-Станьял. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1998. – 60 с.

29. Константин Иванова аса илеччĕ / Г. Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1990. – 270 с.

30. Иванов, К. В. Собрание сочинений / Константин Иванов. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1957. – 458 с.

31. Иванов, К. В. Çырнисен пуххи / Константин Иванов ; Г. Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2000. – 335 с.

32. Классик чувашской поэзии : сб. статей, посвященный 75-летию К. В. Иванова. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1966. – 220 с.

33. Ушинский, К. Д. Ласточка / К. Д. Ушинский // Ушинский, К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей. – Новосибирск, 1997. – 181 с.

34. Майков, А. Колыбельная песня / А. Майков // Майков, А. Избранное. – Л. : Сов. писатель, 1952. – 113 с.

35. Долгов, В. А. Чăваш халăх поэчĕ / В. А. Долгов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1952. – 147 с.

36.Хлебников, Г. Я. Художественное мастерство К. В. Иванова в поэме «Нарспи» / Г. Я. Хлебников // Классик чувашской поэзии : сб. статей, посвященный 75-летию К. В. Иванова. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1966. – С. 25–92.

37. Артемьев, Ю. М. Ĕмĕр пуçламăшĕ / Ю. М. Артемьев. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1996. – 293 с.

38. Афанасьев, П. А. Писатели Чувашии : биобибл. справочник / Порфирий Афанасьев. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2006. – 558 с.

39. Чăваш литератури. (XX ĕмĕр пуçламăшĕ). – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2006. – 587 с.

40. Çырăва вĕренме тытăнмалли кĕнеке, Хусанта пустарнă – Букварь для чуваш, составлен по способу Н. Ф. Бунакова. – Казань : Типо-литогр. К. А. Тилли, 1872. – 48 с.

41. Родионов, В. Г. Чăваш литератури. XVIII–XIX ĕмĕрсем : вĕренӳ пособийĕ / Виталий Родионов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2006. – 462 с.

IV. ОБРАЗ РЕБЕНКА В ПЕРВЫХ ЧУВАШСКИХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ

Примечательным явлением чувашской литературы второй половины XIX и начала XX века было зарождение и развитие жанра автобиографического очерка. В числе таких произведений – «Автобиография» (1860) С. М. Михайлова, «Лечение болезней» (1876) М. Ф. Федорова, «Записки чувашина о своем воспитании» (1888), «Грамота среди чуваш» (1889–1891) Н. М. Охотникова, «Краткий очерк моей жизни» (1869), «Моя жизнь» (1916–1922) И. Я. Яковлева, «Манăн пурнăç» («Моя жизнь», 1902) С. П. Чундерова, «Манăн пурнăçăм» («Моя жизнь», 1910) П. И. Орлова (Иванова). В них правдиво и с тонким пониманием психологии ребенка и подростка рассказывается о детстве и юности основных персонажей. Они являются вкладом в создание первых ступенек лестницы формирования чувашской детской литературы. В этой главе мы рассмотрим автобиографические очерки С. М. Михайлова, М. Ф. Федорова, Н. М. Охотникова, И. Я. Яковлева.

Автобиография С. М. Михайлова

В данном произведении, написанном и отправленном в журнал «Москвитянин» 6 сентября 1860 года, т. е. за 4 месяца и 21 день до смерти автора, прослеживается весь жизненный путь Спиридона Михайлова, начиная с первых его шагов до последних лет.

В центре внимания этого очерка, как и полагается сочинению подобного рода, находится образ самого автора, его непростая и нелегкая судьба. Основная часть текста посвящена детским и подростковым годам героя. Перед взором современного читателя встает яркий облик самобытного талантливого чувашского мальчика первой половины XIX века.

Все основные отличительные национальные черты, привнесенные в организм ребенка еще с молоком матери, ощутимо наблюдались уже в ранние годы детства. Одно из них – тяга к труду, исключительное трудолюбие. Спиридон, как утверждал его родной брат Димитрий, никогда не сидел «сложа руки без дела – чем-нибудь да занимался, больше любим был матерью, потому что он ей услуживал во всем» [1, 440]. Это подтверждается и текстом очерка. Как видно из него, семилетний мальчишка в домашних делах ни в чем не отставал от своих старших братьев. Так, «от осени до сырной недели (т. е. масленицы – А.М.) им напряжено 9 мотков самой грубой пряжи» [1, 26].

К следующим важным сторонам его поведения следует отнести скромность, сдержанность, воспитанность и вежливость. «В детстве своем, – вспоминает автор, – я был кроток, незлобив, не любил резвости» [1, 27]. Во многих случаях эта особенность характера помогла ему преодолеть жизненные преграды и неурядицы. Повзрослев, он сам же признает: «Кротость и незлобивное сердце мое все побеждали» [1, 33].

Другими немаловажными человеческими качествами характера маленького Спиридона являются выносливость и терпеливость, присущие родному народу. Как известно, чувашскому мальчику, которому шел всего-то восьмой год, в доме русского купца в незнакомом городе ждала вовсе не сладкая жизнь. Как он сам сообщает, «там ожидали меня не ласка и не привет». Мальчишке, прибывшему в чужой город в дом купца со страстным желанием учиться, приходилось заниматься совсем другими ремеслами: «присматривать за работниками, быть на посылках и бегать в рыбацкую лавку» [1, 27]. Ежедневно ему приходилось сталкиваться с грубостью, проявленной к нему со стороны нечистоплотных людей. Оскорбляли его всякими нелестными словами, называли «чувашским духом», «чувашскою лопаткою» и т. д. «Тяжко было мне, маленькому, – пишет автор, – пережить такие наглости, от которых находил себе защиту только в одной своей наставнице, вдове Дворниковой, женщине сердобольной. Не забуду ее благодеяния до конца жизни» [1, 27]. В конце 1833 года Спиридон, не увидев в купеческом доме никаких перспектив в повышении образования, оставил его «и в крайности поступил в свое волостное правление, чтобы приобыкнуть к письмоводству. Много было испытано и здесь горя; даже некоторые дни оставался без пищи» [1, 28]. Только благодаря выносливости и терпеливости, перешедшим к нему по крови от родителей и предков, Спиридон смог сохраниться в жизни на плаву, не сломался от трудностей и унижений, преодолевая преграды, уверенно шел вперед.

Большим подспорьем в формировании его характера и психологии явились родители, братья и сестры. Из сюжета очерка видно, что в этой семье царила спокойная благоприятная атмосфера, между ее членами сложились самые добрые, уважительные отношения. Отец его Михаил Семенов, как довольно зажиточный крестьянин, был крепким хозяйственником, держал много пчел, пользовался авторитетом в округе, дружил с русскими людьми. Однако, не имевший малейшего образования, страдал суеверием. Тому подтверждение, что он, собравшись в город, вернулся с полпути домой, так как «ему через дорогу перелетел коршун, почитаемый чувашами по суеверию за

зловещую птицу» [1, 26]. Удовлетворив слезную просьбу сына, с третьей попытки устроил его у купца Михеева для получения грамотности. Добрым словом вспоминает Спиридон о своей матери Стефаниде Николаевой. «Она была женщина бойкая и знала хорошо по-русски и по-черемисски, кроме своего природного чувашского языка» [1, 33]. Родители имеющиеся у них доброе и светлое, полученные от старших поколений, щедро передавали своим детям. А дети росли, обогревая друг друга теплом, полученным от папы и мамы, помогая и поддерживая взаимно. Так, когда заболел Спиридон, «старшие сестры Прасковья и Мария» в продолжение трех месяцев его «питали одними ореховыми ядрами» [1, 25]. Теплым словом молвил о своих родителях, братьях и сестрах С. Михайлов и в других материалах, в частности, в «Письме Господину Козьмодемьянскому окружному начальнику И. В. Усольцеву» в 1851 г. [1, 409–412]. Семья оказала положительное влияние на все черты поведения Спиридона. То, что он и «во младенчестве был очень миловидный», и в доме купца характеризовался как «мальчик беленький, чистенький», – это результат благоприятного воздействия родимых людей на его культуру. И Спиридон всегда считал себя в неоплатном долгу перед родителями за его воспитание, горел желанием оплатить им добром. Вот подтверждающие это строки в очерке: «В 1835 году, будучи еще 14 лет, я писал к своим родным из села Большой Шатьмы Ядринского уезда, чтобы они не тужили обо мне и что я, когда буду светилом, буду попирать кереметь чувашскую и возрадую их. Долго письмо это хранилось у моего родителя, пока оно не затерялось» [1, 28].

В трудном, но устойчивом продвижении Спиридона по жизненному пути большая роль принадлежит религии. Его родители были верующими христианами, то же они внушали и своим питомцам. Еще в 1852 году, за 8 лет до написания данного очерка, в статье «Описание обретения иконы святителя и чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году» автором приводился эпизод, рассказывающий о том, как в раннем детстве Спиридона часто водил его отец «к часовне молиться божиему угоднику Николаю» [1, 46]. Мальчику тогда было не более 6 лет, и он «не понимал, для чего тут в поле часовня и почему отец часто ходит к ней молиться» [1, 46]. Это – один факт из жизни юного чувашского мальчика, способствовавший ему верить в бога. Оказавшись в городе, Спиридон вновь попал в руки набожней наставницы Анны Кузьминичны Дворниковой, которая ознакомление с азбукой вела в органическом единстве с обучением церковному делу. «Утешительно было для меня, – с

удовлетворением отмечает герой очерка, – что я умел читать молитвы, в особенности богородичные, которые часто повторял со слезами, забившись на печь… После пасхи наставница моя стала меня учить псалтырю, который я и выучил к осени» [1, 26]. Мальчишка «любил ходить к божественной службе в воскресные и праздничные дни. В молитвах просил господа бога не оставить в прискорбной жизни, просил открыть познание святого закона» [1, 27]. «Однажды, в день Преображения Господня, бывши у божественной литургии, не спускал глаз с иконы Спасителя, преобразившегося перед учениками, и почувствовал в себе радостное ощущение» [1, 27]. Навсегда запомнилось ему посещение Козьмодемьянска Казанским архиепископом Филаретом. «Торжественная святительская служба и гармоничное пение прекрасного хора, равно и маленькие в нем певчие, в стихарях и парадном греческом платье, произвели сильное впечатление» [1, 28]. Всегда с сильным волнением и сердечным трепетом знакомился Спиридон с литературой, посвященной богу. «Когда был я 18 лет, попадается мне в одном селе у священника «Путешествие Трифона Корабейника в Иерусалим, Египет и на Синайскую гору в 1583 году», издание новое, исправленное… Описанные Корабейниковым места и монастыри св. Палестины, известные мне по псалтырю, евангелию и церковным гимнам, равно жалкое состояние тамошних христиан у турков сильно меня тронули, и я залился слезами» [1, 29].

Природа наделила Спиридона особым даром, чего не было в то время у многих его сверстников. Это – талант художника, любовь к литературе и искусству, тяга к науке и образованию. Еще в пятилетнем возрасте он «любил чертить мелом на стенах в подражание писарям и малевать разных птичек и зверьков в подражание лубочным картинам, привозимым чувашами с базара. Если играл с мальчишками, то зимою ставил снеговые кучи наподобие церквей, а летом удалялся в горы и там любил лепить из глины разных кукол наподобие птичек, зверьков и солдат в подражание обыкновенным детским игрушкам, продаваемым на базарах, из белой глины» [1, 25]. Потом, будучи в городе Козьмодемьянске, 10-летний мальчик «вздумал изобразить преображение Христово: взял чистенький камень, поставил его на холмике, натыкав в холмик прутиков, в знамение сияния Христова (камень бе Христос), а под холмиком положил другие камешки, в знамение апостолов, павших ниц перед славою Спасителя» [1, 27].

Еще в младенчестве детское сердце чуяло: без грамотности нет будущего. «Сердце рвалось из отеческого дома в святую Русь» [1, 25]. С пяти лет мальчик начал слезно просить отца, чтобы тот отвез его в город Козьмодемьянск учиться грамоте. Наконец,

после двух неудачных попыток стать учеником в городе, сбылась страстная мечта семилетнего мальчика. Его учил, как мы уже отмечали выше, не специалист-профессионал, не школьный учитель, а простая русская женщина без соответствующего образования, купеческая вдова Дворникова, «женщина простодушная, жившая по старине» [1, 26]. При помощи этого педагога из народа Спиридон в первые же месяцы выучил «церковную азбуку со всеми молитвами и кратким катехизисом» [1, 26]. После пасхи изучил псалтырь. Однако скоро, когда отдали на обучение в руки молодому мещанину, служившему писцом в городовом магистрате, у мальчика сразу же начались проблемы. Он почти что с ним не занимался, и Спиридон «должен был учиться письму сам собою» [1, 26]. В конце концов он оказался вынужденным оставить купеческий «дом и в крайности поступил в свое волостное правление, чтобы приобыкнуть к письмоводству» [1, 28]. Благодаря своему старанию за короткое время выучился хорошо писать. Потом в течение 8 лет трудился в разных уездах Казанской губернии: сначала – помощником писца в волостных правлениях, а потом – писцом у чиновников земской полиции.

Благородным источником и живительным средством формирования характера чувашского подростка служила природа родного края. С ранних детских лет он любил гулять на улице, в окрестностях деревни. Старался уединяться. Оказавшись в стороне от родного очага, он в сердце всегда хранил образы родительского дома и родимого края: «Живительные горы по набережным реки Суры, по которым тащился» сам, «река Сура, бывшая в полном разливе», «возвышающиеся из-за нее купола Ядринских церквей» [1, 29]. Полюбился ему Козьмодемьянск. При первой же встрече шестилетний мальчик «был очарован городом, его церквями и обитателями» [1, 26]. Он «любил блуждать и мечтать по живописным окрестностям Козьмодемьянска» [1, 30–31]. И, повзрослев, по приезду после каждой разлуки он «радостно приветствовал горы, холмы и кусты, сроднившиеся» с ним; часто говорил себе: «О милый мой город и светлые храмы. Я опять в ваших стенах» [1, 31].

Для чувашского мальчика были любимы и дороги не только его малая родина, где он родился и вырос, но и весь край, населяющийся его соплеменниками, его история. Вот как пишет уже повзрослевший юноша, интересуясь судьбой своих предков – волжских булгар: «Попался мне журнал 1840 года за август месяц, в котором помещена статья Н. И. Второва «Памятники древности в Казанской губернии». Превосходное описание булгарских развалин, равно и надгробные надписи, переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня. Я пламенно перечитывал

историю булгар и надгробные надписи, из которых более всех трогала меня: «Вот сад целомудренной, благородной, чистой Серахи, дочери Гуссейна, сына Мансура Болгарского. О Боже! Умилосердись над нею своим обширным милосердием» [1, 29–30]. Оказание помощи родному народу, исследование его истории Спиридон Михайлов в течение всей жизни считал своим святейшим долгом и обязанностью.

Таким образом, в автобиографическом очерке Спиридона Михайлова изображен одаренный чувашский мальчик первой половины XIX века. В нем наблюдаются основные типические национальные черты, присущие крестьянским детям своей эпохи. Они привнесены в психологию и характер юного поколения мудрой народной педагогикой. Это такие черты, как исключительное трудолюбие, выдержанность и терпеливость, скромность и сдержанность, преклонение перед родителями и предками, любовь к родному краю и природе, искренняя вера в бога. В то же время Спиридон несколько и отличается от многих своих сверстников – крестьянских детей. Он наделен был богом особым даром – исключительной тягой к образованию, науке и культуре, художественным талантом. Он умел поставить перед собой самые мудрые благие цели и, несмотря на неимоверные трудности, мог добиваться непреклонного их выполнения. Отличился в жизни особой целеустремленностью и твердостью духа.

Очерк написан на высоком профессиональном уровне. Для него характерен русский публицистический стиль своей эпохи. Это не просто сухое перечисление автобиографических сведений, а зарисовка с художественными сценками, скомпонованная композиционно слаженно, написанная сочным языком. Главный метод повествования – рассказ героя от своего имени, откровенный разговор его с читателем. Особый интерес представляют эпизоды, описывающие ласки купца Михеева чувашского ребенка, возвращения отца главного героя с полпути в Козьмодемьянск из-за суеверия, изображения Спиридоном преображения Христова, посещения героя очерка святительской службы в честь приезда в город архиепископа Филарета, прочтения им книги «Путешествие Трифона Корабейника в Иерусалим, Египет и на Синайскую гору в 1583 году» и т.д. Отличительной особенностью стиля писателя является простота изложения. В его синтаксисе немало простых предложений, состоящих из 5-10 слов, типа «Ласки купца Михеева не проходили мне даром», «Досадно было мне возвращаться из города в Чувашию», «не забуду ее благодеяния до конца жизни», «В такой жизни прошло два года», «Медаль по должности переводчика

получил я недаром», «Не забуду благодеяний доброго генерала Петра Федоровича никогда». Автор умело вставляет в текст куски живой народной речи, крылатые выражения, афоризмы и добивается этим правдивого и выразительного показа действительности, сильных психологических переживаний своего героя. Вот они: «не зная сам ни аза в глаза», «любят в мутной воде ловить рыбу», «уйти куда глаза глядят», «пропускал слова мимо ушей», «ползал как червь, гнулся в дугу и нырял в лужу», «я человек дельный, а мой враг бездельник», «о своих дочерях не пекся», «залился слезами» и т. д. Произведение насыщено множеством ярких эпитетов: «прекрасный хор», «святая Палестина», «чистый воздух», «милый город», «отличная сторона», «черная душа» и т. п. Немало образных сравнений: «бабинька Анна – вторая мать», «книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью», «снеговые кучи наподобие церквей», «прочей нелюди, равняющихся с содомным плодом», олицетворений: «сердце мое рвалось», «сердце говорило мне», метафор: «буду светилом», «я между чувашами теперь светило», «вот явилась мне звезда Валаамова от Иакова», «лютый змий – изрыгающий яд на сынов христовых» и т. д.

Спиридон Михайлов в середине XIX века первым в чувашской литературе открыл новый жанр – автобиографический очерк и талантливо создал в нем образ мальчика из народа.

Очерк «Лечение болезней» М. Ф. Федорова

Заметное место в творчестве М. Ф. Федорова, как нами уже было подчеркнуто выше, занимает очерк «Лечение болезней». Он опубликован в 1876 году в журнале «Известия по Казанской епархии». По жанру это автобиографический очерк. В центре его – образ самого автора – чувашского мальчика середины XIX века. Герою произведения 16 лет. Он – учащийся сельской школы. Внезапно заболел лихорадкой. Отец его, бедный неграмотный суеверный крестьянин, в целях лечения сына прибегает к методам религии, обращается за помощью к знахарке (йомзя). Так, первый раз он тяжело больного мальчика ведет на гумно, причитая молитвы при горящих свечах, на лучине пытается его вылечить.

В характере юного героя легко обнаруживаются основные национальные черты родного народа. Мальчик учится в сельской школе, старается получить образование для жизни. Нетрудно догадаться, что школа уже научила его кое-чему хорошему. Он

теперь не очень-то верит религии и суевериям. Неслучайно, когда в первый раз отец его, захворавшего лихорадкой, пытался избавить от болезни при помощи молитвы, он душой не поддержал его действия, даже «никак не мог удержаться от смеха» [2, 388]. И во второй раз мальчик, вновь тяжело заболевший лихорадкой, несмотря на строжайший запрет знахарки не пить ледяную воду из ключа после приношения жертвы, сделал наоборот, выпил от жажды и, к счастью, вскоре выздоровел. Из текста очерка видно, что мальчик является надежным помощником своих родителей в ведении хозяйства. Например, он вместе со своим братом перед праздником Пасхи поехал в Карабашский лес за дровами, несмотря на плохие погодные условия, после чего тяжело заболел. Потом, терпеливо преодолев болезнь, снова встал на ноги. Для мальчика указания родителей, хотя они и не всегда бывают правильными, являются непререкаемыми и обязательными. Поэтому он беспрекословно исполняет отцовские наставления по лечению лихорадки при помощи совершения религиозных и суеверных поступков.

В очерке рядом с сыном присутствует образ отца. Это, как было подчеркнуто выше, – чувашский крестьянин средины XIX века, нищий, забитый, темный, верующий, рано ушедший из жизни из-за изнеможения рабским трудом. В то же время он – старательный труженик, добрый и душевный человек, истинный семьянин, любящий своих детей, стремившийся делать их счастливыми, старающийся дать им образование, заботящийся об их здоровье.

Образы сына и отца взаимообуславливают, взаимодополняют друг друга, взаимоспособствуют раскрытию их характеров.

По композиции это произведение близко к жанру народной сказки. Оно, как и бытовая сказка, начинается с указания даты события («Однажды…»), знакомства с главными героями («Я» и «мой покойный отец») и изложения сюжета («отец взял лучину, две восковые свечи и спички и повел меня на гумно»). Завершается фабула, подобно сказочной, победой добра («и через несколько времени все-таки лихорадка меня оставила»). В середине очерка происходит, как в сказках, трехкратное повествование (отдельно – о двух случаях лечения от лихорадки и рассказ о медной копейке).

Автор умело вклинил в очерк кусочек пейзажа («Утром был сильнейший мороз, а после полдень начал таять снег и почти весь сошел, в оврагах – наводнение. Днем мы шли в воде, а ночью снова крепко-накрепко заморозило»). Удачно вставлена в текст чужая речь («Отец говорит: «Ширлана каяссы порче-дэ, конданах сьырлахре корнать», т. е. «нужно было бы съездить на Ширлан, да

видно, здесь помиловал»). В произведении встречаются выразительные тропы: эпитеты («холодная вода», «медная копеечка», «сильный мороз», «беленькая тряпичка»), метафоры («Николай Угодник требует»), олицетворения («лихорадка меня оставила»), сравнения («Я, по примеру отца»). Топонимы, использованные автором («Бичуринское двухклассное училище», «деревня Большие Крышки», «Ширлан», «Ишаки», «Карабашский лес»), придают очерку убедительность, достоверность.

«Лечение болезней» М. Федорова – второй по времени создания, после мемуаров «О себе» С. Михайлова, автобиографический очерк о чувашском ребенке середины XIX века. Он играет заметную роль в возникновении и формировании чувашской очеркистики наряду с вышеуказанным произведением С. Михайлова, составляет начало фундамента национальной очеркистики.

Автобиографические очерки Н. М. Охотникова

Никифор Михайлович Охотников – первый ученик В. И. Ленина, воспитанник Симбирской чувашской учительской школы, видный педагог, математик, писатель, этнограф, общественный деятель. Он внес существенный вклад в пропаганду прогрессивных идей таких педагогов-просветителей своего времени, как Н. И. Ильминский, И. Н. Ульянов и И. Я. Яковлев. Своими историко-этнографическими трудами ученый значительно расширил сведения о быте и культуре чувашского народа.

Творчеству Н. М. Охотникова посвящено немало исследований, в которых рассмотрены многие грани его самобытного таланта. Среди них книги П. В. Денисова «Никифор Охотников (очерк жизни и деятельности)» (Чебоксары, 1986), П. К. Охотникова и В. К. Скворцова «Первый ученик Ленина» (Казань, 1988). Существует много журнальных и газетных статей, затрагивающих отдельные стороны творчества педагога-писателя. В числе их авторов В. Долгов, В. Сейфуллин, С. Сейфуллина, Г. Волков, Н. Снедкова, Н. Жучкова, Н. Мальцев, Г. Хайт, Н. Андреев, Ю. Помозов и др. Но в наследии Н. М. Охотникова недостаточно исследованы проблемы воспитания ребенка в чувашской семье, формирования его мировоззрения.

Главными трудами Н. М. Охотникова являются три этнографических очерка: «Записки чувашина о своем воспитании» (1888), «Грамота среди чуваш» (1889–1891) и «Приволжские чуваши» (1891). В них, наряду со многими разнообразными научными сведениями о народном воспитании, культуре и быте

чувашей, развитии школьного образования, ярко высвечивается образ самого автора, т. е. мальчика Никифора.

«Я сын чувашина и детство свое провел исключительно среди чуваш, – писал Н. М. Охотников в очерке «Грамота среди чуваш», – поэтому первоначальное мировоззрение мое создалось чисто под влиянием чувашской жизни со всеми ее хорошими и дурными сторонами» [3, 103]. С малых лет Никифор самостоятельно тянулся к труду. К этому обязывал его пример старших членов семьи, из которых каждый постоянно был занят своей работой. «В те дни, когда все домашние были дома, мужчины плели лапти, вили веревку из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцом плотничали; дедушка чинил кадушки и другую деревянную посуду, отец чинил сани. Покончив со своей стряпней, женщины принимались за пряжу» [3, 48]. В это время маленький Никифор бегает еще по нарам босиком, играет, ногтем выводит по мерзлому стеклу окна разные фигурки, балуется. Вдруг бросает все и принимается вить веревку вместе с другими работниками. «Я прилагаю на работу все усилия, – вспоминает он, повзрослев, – но работа моя никак не клеится. Вдобавок, надо мною еще надсмехается брат, похваляясь, что он в мои года умел не только вить веревку, но даже и лапти плел. Его насмешки задевают мое самолюбие, и я прилагаю всю энергию, чтобы выучиться искусству вить веревки и плести лапти, так что я лет семи или восьми умел уже плести лапти из девяти лык. Лапти в девять лык намного сложнее, чем обыкновенные в семь лык» [3, 49]. В этом же возрасте мальчик на своей саврасой лошади, считающей его собственником после смерти матери, бороновал, ездил в город и в лес, выполнял и другие работы. Активное участие принимал он в уборке урожая, молотьбе хлеба. Зимой со старшими возил в город на продажу зерно…Так в ходе совместной работы со старшими Никифор изо дня в день приобретал трудовые умения и навыки. Это трудолюбие, привитое в детстве, впоследствии в повзрослевшем Никифоре получило дальнейшее развитие. Подтверждением тому являются высказывания о нем выдающихся его учителей. «Даровитый и усердный труженик», – так характеризовал Н. М. Охотникова И. Я. Яковлев. В период работы Н. М. Охотникова в Симбирской чувашской школе педагогический талант и мастерство его было замечено инспектором И. Н. Ульяновым. «Убедившись в его знаниях и прилежности, он поручает ему провести занятия по математике на учительском съезде в г. Симбирске» [4, 29]. Эта почетная и исключительно ответственная работа была выполнена чувашским педагогом на высоком уровне. «Педагогическую опытность, неутомимое трудолюбие и горячее увлечение Н. М. Охотникова

отмечал также его любимый профессор Казанского университета А. В. Васильев» [3, 35].

Наряду с трудолюбием юный Никифор, живя в родительском доме, обильно впитал в себя другую положительную черту родного народа – выносливость. Как известно из биографии, жизнь не была особо ласковой по отношению к Никифору. Родной матери он не помнил. Она умерла после трудных родов. Никифор, единственный сын ее, остался сиротою на попечение бабушки. Порою, оставаясь на улице без надзора, особенно весной во время таяния снега, он нередко простуживался и хворал. Бабушка и дедушка, беспокоясь о нем, принимались за лечение с помощью знахарей и знахарок. Попозже Н. Охотников по этому поводу в своем очерке писал: «Болезни, испытанные мною в детстве, невольно вселили во мне страх к злым божествам, как, например, к «ириху» и «киремети», от чего я избавился лишь с поступлением в Симбирскую чувашскую школу» [3, 41]. Никифор, как и его сверстники из деревни, весной, летом и осенью усердно работал со взрослыми в поле, изрядно уставал. «И вечером, когда возвращались с поля, пели песни, совершенно забывая и усталость от дневного труда» [3, 59]. В детстве мальчику приходилось пережить разные курьезные случаи. Так, однажды на масленице, катаясь на своей лошади, заехал случайно на сидящих в других санях женщину с ребенком и чуть не убил их. Через много лет, повзрослев, об этом неприятном эпизоде Н. Охотников писал: «Этот случай поставил меня в положение преступника-убийцы, и я испытал в душе ужасные, подавляющие чувства. Пусть скорее пройдет масленица, думал я, с нею еще беды наживешь. Вечером, лежа в постели, я долго не мог уснуть, а размышлял по поводу этого происшествия над разными мимолетными вопросами, возникающими в моей голове и исчезнувшими прежде, чем я приду к какому-нибудь определенному заключению» [3, 73]. Детское сердце Никифора также терпеливо переносило первые трудности, возникшие в ходе обучения его в школе в родной деревне из-за неумения безграмотного учителя-крестьянина преподавать.

Выдержанность, выносливость и стойкость, выработанные Никифором в детстве, очень пригодились ему потом во взрослой жизни. Успешно преодолевая препятствия, связанные с материальными трудностями, созданием семьи, с тяжелой болезнью, нехваткой времени и т. д., он самостоятельно готовится и сдает экзамены за курс классической гимназии и поступает в университет, активно занимается наукой. И. Я. Яковлев к числу самых важных положительных черт своего любимого воспитанника относил, кроме способностей, также его трудолюбие, выносливость и умение систематично распоряжаться

и пользоваться временем [3, 30].

К слову, Н. Охотников и сам со своей стороны тоже выносливость считал наиважнейшим качеством любого человека. Особенно верно и точно его оценка в этом плане дается чувашской женщине: «Чувашская женщина отличается необыкновенным трудолюбием и выносливостью, а праздность, мало свойственная чувашину, можно сказать, совершенно незнакома чувашке» [3, 74].

С ранних лет прививались в характер Никифора штрихи других национальных черт чувашей – скромности, кротости и деликатности. Этому способствовала, в первую очередь, семья, где родился и вырос Охотников. В их семье, состоявшей из 7 человек – дедушки, бабушки, отца, брата, тетки – младшей сестры отца, мачехи и его, главенствующую роль занимал первый. Это хорошо показано в сцене, описываемой то, как они обедают. «За столом мы сидели в таком порядке, – сообщает автор, – дедушка, как глава семьи, помещался на стуле; мы все остальные – садились на лавочку, начиная с отца, рядом с ними место занимал я, потом – брат, а дальше работники и посторонние лица, если случается… Отец резал нам хлеб, оставив себе горбушку. Первый кусок за горбушкою, так называемый «ташлама чӗл» («плясовой ломоть»), доставался мне, второй – брату и т. д. … Сначала давали нам щей или супу в деревянном блюде, без говядины, а ко вторым блюдам после же щей подавалась и говядина… Говядину крошил у нас дедушка на деревянной дощечке – «ывăс» с ручкою и часть ее клал в наше блюдо, а часть передавал на другой стол женщинам, сообразуясь приблизительно с числом ужинающих за столом» [3, 51]. Таким образом, тон в семье задавал дедушка, притом не только за обедом, но и во всей жизни. В семье царило уважение к старшим, преклонение во всем перед ними. За столом царила тишина. Во время еды не разговаривали, не смеялись. Если же в минуту забывчивости дети улыбались, припоминая смешной случай из дневной жизни, то старшие делали им замечания: «Что вы скалите зубы?». Младшие члены семьи никогда и ни под каким видом не выражали за хлеб-соль своей благодарности к дедушке, бабушке и отцу, потому что того требовала скромность со стороны детей перед старшими. Покорность младших перед старшими соблюдалась не только во время обеда, но и во всех жизненных ситуациях: на работе, при решении важной семейной проблемы, в проведении обряда, на празднике и т. д. Характерен в этом смысле эпизод возвращения членов семьи с пира домой, описанный Н. Охотниковым: «Дедушка, возвращаясь домой, всегда здоровался с хӗртсурт – с богом дома – словами «тавсье, хӗртсурт», т. е. здравствуй, бог». Отец же, как не главное лицо в доме и, будучи по природе очень скромным, входил в избу тихо и ложился спать.

Бабушка с мачехою приходили домой по вечерам тоже нетрезвые, но тем не менее усердно принимались за работу» [3, 74]. Так, скромность, царившая в среде чувашей, традиционно передавалась их детям. Присуща была она и Никифору. Вежливо обращался он со старшими на работе, при встрече гостей, угощении их, скромно вел себя в кругу детей, в учебе, играх. Сохранил он это положительное качество в течение всей жизни. Это также отмечалось его учителями. Так, с добрыми чувствами отзывался о питомцах свой школы Н. Охотникове и других И. Я. Яковлев: «Прекрасные мальчики, способные, усердные и скромные, учились и вели себя во все время отлично» [3, 14]. При окончании Н. Охотниковым Симбирской гимназии весьма лестную характеристику дал ему директор Ф. Керенский: «При хороших способностях и отличном усердии к делу Охотников, как мне известно, отличается очень хорошими качествами характера» [5, 140].

В формировании детского мировоззрения одаренного чувашского мальчика немаловажное значение имели произведения устного народного творчества. Вот как писал по этому поводу он сам: «Сказки, поверья, поговорки и пословицы, слышанные мною от окружающих, вместе с непосредственными впечатлениями, и вообще с совокупностью условий той же окружающей жизни, составляли, конечно, единственный материал, из которого складывалось мое детское миросозерцание. Произведение чувашской фантазии и мысли, строение духовных свойств чувашского народа, сказки и другие произведения чувашского слова должны были воспитывать меня в чувашском духе» [3, 52]. Мальчик любил слушать сказки деда Ельми (он, как и все сверстники, звал его «Ельми мучей»). Этот старик прошел непростой жизненный путь, воевал на войне, знал много сказок. Искусно владея языком, умело доводил народные творения до детворы. В его сказках нравился Никифору, как он сам говорил, «элемент чудесного, в существование чего, впрочем, я или искренне верил, или же мне хотелось верить, – что так или иначе согласовалось с стремлением моей души, как бы последние ни были неопределенны и как бы мало ни сообразовались с условиями действительной жизни» [3, 52]. Глубоко волновали и печалили душу маленького Никифора протяжные заунывные песни, наводящие на мысль, что чуваши терпят нужду, общую для всего народа, а также легенды и предания «Утлас киремечĕ» («Киремет Утласа»), «Авăркӳл киремечĕ» («Киремет Аваркӳл»), посвященные беспокойным периодам истории чувашского народа, селящие среди сельчан страх и суеверие.

Огромное воспитательное воздействие оказали на юного

Никифора народные обряды и традиции. О них он пишет в своих очерках с особой симпатией и любовью: «Так отражалось в нас радостное настроение души в ожидании праздника, например, Семика и Введения в храм Пресвятой Богородицы, или просто «Введение». Недели за две до наступления последнего мой брат отправляется к родственникам, живущим в других деревнях, на «йыхрав» – приглашать их на пир «ĕçкĕ» – а все домашние занимаются приготовлениями к празднику: варят пиво, режут несколько овец, колют свиней. На этих приготовлениях и мне находили работы, с охотою исполняемые мною. Накануне праздника оделись мы все по-праздничному. Я надел синие панталоны, пунцовую рубашку, обулись в белые шерстяные чулки и новые лапти, а потом, когда надели шубу, шапку овчинную и крестьянские рукавицы, вышли с братом к воротам встречать гостей. Издали узнавши того, кто к нам едет, бывало, мы бежим навстречу и садимся в сани рядом с гостями и подъезжаем с ними к крыльцу, помогаем им слезть с саней, быстро уносим одежду их в избу; потом, выпрягши лошадь, привязываем ее куда-нибудь и опять бежим встречать других. Поздно вечером, когда уже приехали все приглашенные гости, происходило угощение. Начиналось оно с того, что я с братом наливали пива в пивные ковши и подходили к гостям, начиная со стариков, предлагая выпить все пиво, до дна ковша. Гости брали ковш, а мы вставали перед ними на колени и оставались в таком положении с наклоненными головами до тех пор, пока они не выпьют все пиво» [3, 60]. Большое удовольствие доставляло Никифору, как и его ровесникам, участие в масленице, пасхе, весеннем празднике «Симĕк», проведении обычая изгнания из деревни всякой хвори и болезни «Сĕрен», обрядов девичьей каши «Хĕр пăтти» и каши овина «Авăн пăтти» и т. д. И подросток, по мере взросления, все сильнее и сильнее осознавал то, что традиции и обычаи являются незаменимой духовной сокровищницей чувашского народа, обладающей силой всей нации, основой преемственности младшего и старшего поколений, они дальше развили в нем любовь к соплеменникам, окончательно убедили его в том, что нужно целиком посвятить себя делу родного народа, борьбе за его счастливое будущее.

В очерках Н. Охотникова немалое место отведено детским играм и развлечениям своего времени. Автор пишет, что «чувашские дети большую часть времени представлены самим себе. Занимаясь земледелием, поглощенный заботой о пропитании, чувашин не имеет времени заниматься воспитанием своих детей. Дети чуваш почти брошены на произвол судьбы, они растут сами собою, придумывают себе игры и забавляются» [3,

52]. Никифор так же, как и его сверстники, в зимнее время весь день проводил в детских играх, почти всегда придумываемых им самим [3, 40].

Публицист сумел ярко изобразить свою детскую жизнь в играх, начиная с первого эпизода, оставшегося в памяти, и кончая его забавами, происходившими накануне отправления его в школу. С одной стороны, игры Никифора по тематике, содержанию и манере исполнения очень похожи на игры своих ровесников. С другой стороны, они имеют и свои особенности. Они отличаются своей творческой направленностью, индивидуальной сообразительностью. В них чувствуются нотки поиска, научности. Еще в раннем детстве Никифор бегал босиком по нарам, сидя на подоконнике, ногтем выводил по мерзлому стеклу окна разные фигуры. Когда ему надоедали одни занятия, он «прибегал к другим, например, искал пауков, которые встречались по стенам, и следил за ними, куда они пойдут и что будут делать. Потом отправлялся на печку ловить тараканов» [3, 49]. На заключительных сценках игр мы видим Никифора перед началом его школьной жизни в роли юного зодчего. Находясь вместе с дедушкой на мельнице, он занимался приготовлением игрушечных ветряных мельниц, подражая устройству настоящей. Ставил он их на возвышенные места и любил следить, как крылья быстро вращаются вокруг шеек валиков. При наступлении весны, когда таял снег и с шумом текла вода, мальчик спешил готовить водяную мельницу. По этому поводу впоследствии он вспоминал: «Ручейки эти я прудил так, чтобы струя протекающей воды падала вниз только с желобка, помещенного в одном месте пруда. Вследствие этого сила падения воды сосредотачивалась только в одной струе, которая быстро вращала колесо моей мельницы при своем падении с желобка. Из многих опытов мною было уже замечено, что сила падения зависит не только от количества воды или от величины струи, как я тогда понимал, но и от высоты пруда, т. е. скорости падения воды, так как я умел привести колесо в движение и посредством маленькой струи» [3, 77]. Творческой, научной направленностью характеризуются также другие игры, исполняемые Никифором во время народных праздников, масленицы, пасхи, «Çимĕк», «Сĕрен» и др. В ходе участия в детских играх по мере взросления Н. Охотников укреплялся физически, приобретал жизненные навыки, развивался умственно и духовно.

На психику чувашского мальчика определенное влияние оказывала и религия. В раннем детстве страх и боязнь вызывали у него языческие божества родного народа, каковыми являлись киремет и ирих. Это подтверждают и строки из его воспоминания: «Я помню, как нам страшно было проходить мимо «киремети», мы опасались даже говорить между собою, чтобы как-нибудь не проронить оскорбительного для киремети слова. Как-то невольно

слово застывало на языке» [3, 58]. Когда Никифор стал впервые учеником школы в родной деревне, ему было без малого 13 лет. Он, как и его сверстники, мало что соображал и в православной религии, слепо следовал учителю, говорящему на непонятном для него русском языке. Первую встречу со своим педагогом Н. М. Охотников описывает так: «Сняв шапку, он перекрестился, потом прошел в передний угол и, взяв одну книжку, стал читать молитву, а мы все, стоя на ногах около него, крестились по его примеру. Многие ученики-чуваши православные не умели даже креститься» [3, 105]. Христианские истины, как и грамота вообще, стали более или менее доступными для чувашского мальчика лишь тогда, когда отец его примерно через год отвез учиться в Саврушскую школу, где преподавание велось на понятном ему татарском языке. В период учебы в дальнейшем в миссионерской и Симбирской чувашской школах связь его с православной верой получила дальнейшее развитие. Педагоги объяснялись здесь с учащимися на чувашском языке, грамота и вероучение предлагались им в самом доступном виде, в результате чего они из трудных и скучных предметов сделались легкими и интересными для изучения. Самые добрые чувства остались в этом плане у Н. Охотникова от пребывания в Симбирской чувашской школе: «Утром и вечером мы вставали на молитву, и так как молитва читалась по-чувашски, то мы могли предаваться молитвенному настроению вполне сознательно, участвуя в ней душой. Многие из нас становились на колени и делали продолжительные земные поклоны от всего сердца. С не меньшим усердием и теплом, искренним религиозным чувством молились мы и в других случаях: пред учением, после учения, пред обедом, после обеда и т. д. Итак, церковное пение, совершение молитв и преподавание Закона Божия на родном языке произвели сильный переворот в моем мировоззрении; язычество постепенно вытеснялось светом христианской веры, разрушались прежние кумиры и явилась новая – христианская религия с Единым Богом» [3, 109].

В раннем детстве Никифор, как и его сверстники-соплеменники, повседневно ощущал на себе благотворное влияние методов чувашской народной педагогики. Самым главным фактором физического, умственного развития и нравственного совершенствования подрастающего поколения для чувашского народа является труд. Путь человека к жизненным благам, счастью и радости он видит только через него. Никифор также, будучи ребенком, в деревне часто вместо понуждения в работе слышал от взрослых вдохновляющие слова: «Работайте, дети, дружнее, как окончим все работы, придет праздник» [3, 59]. На детей чуваши воздействовали, умело используя методы убеждения и внушения.

К числу лучших методов этнопедагогики у народа относится также воспитание намеком. «Замечательно то, – пишет по данному фактору публицист, – что у чуваш этот мудрейший способ указывания детям на ту или иную работу намеками очень развит. Намеки как-то сильнее действуют на рассудок и на сердце, чем приказание или выговор. Приказание или выговор нередко вызывают в детях раздражение, а намеки всегда сознательно располагают дитя к работе и всякому труду» [3, 64].

Так, Н. М. Охотников, находясь в деревне, в детские годы успешно рос и возмужался, щедро впитая в себя добрую энергию чувашского мира, положительные черты родного народа. Становлению его детского мировоззрения способствовали методы этнопедагогики. Активное влияние оказали на мальчика народные традиции и обычаи, фольклор, природа, религия, школа, игры и т. д. Прогрессивные стороны, приобретенные в детстве, получили дальнейшее развитие и углубление в характере Н. М. Охотникова в зрелом возрасте. В результате он стал истинным поборником за счастье родного народа – видным ученым-математиком, просветителем, педагогом, этнографом и писателем.

Мемуары «Моя жизнь» И. Я. Яковлева

Со страниц мемуаров И. Я. Яковлева «Моя жизнь» перед читателем во всей полноте встает яркий и великолепный образ выдающегося просветителя чувашского народа со всеми присущими его характеру положительными гранями. Познакомившись с его впечатляющими воспоминаниями, поистине убеждаешься в том, что это, действительно, славный сын родного народа, разносторонняя и исключительно одаренная личность, умудренный жизненным опытом и озабоченный судьбою соплеменников Патриарх, видный педагог-демократ, писатель, переводчик, создатель дидактики двуязычной школы в России, основатель современной национальной письменности. Еще с ранних лет каждый отрезок непростой и неординарной жизни Ивана Яковлевича внес глубокий след в формирование и становление его полнокровного характера. В том числе, конечно, его детство, отрочество и юность.

И. Я. Яковлевым в его популярном публицистическом очерке создан светлый образ чувашского подростка середины XIX века. Он особенно выгодно отличается в свете активной детской направленности всего его творческого и педагогического наследия.

Ко времени, когда Иван Яковлевич окончил в 1864 году землемерное училище и начал работать мерщиком в разных губерниях России, был уже 16-летним юношей. Позади остались уже детские годы. За свой начальный период жизни, миновавший со дня рождения и до достижения юношеского возраста, сформировался он сначала как мальчик, потом как подросток. Какие же качества присутствовали в его характере и психологии в стадии вступления его в раннюю молодость? Каким он выглядел тогда вообще? Во-первых, Иван Яковлевич стал крепким, здоровым и красивым в физическом плане. Еще в Бурундуковском училище (1856–1860), благодаря лучшей русской пище в семье Мушкеевых, здоровье его заметно поправилось [6, 89]. Во время учебы в Симбирском землемерском училище (1861–1863) кормили его также «очень порядочно» [6, 101]. Во-вторых, окончив два солидных училища, И. Я. Яковлев стал достаточно образованным человеком. В-третьих, обогатился к этому времени его характер в духовно-нравственном плане. В-четвертых, сложились у него уже свое видение мира, свое убежденное мировоззрение. В его поведении отчетливо сформировались национальные черты родного народа. Это – исключительное трудолюбие, выносливость и терпимость, скромность и сдержанность, преклонение перед родителями и предками, любовь к родному краю, искренняя вера в бога и т. д. Юный Яковлев не раз оказывался в глубоких раздумьях в душе по поводу тяжелой жизни своих соплеменников. Его глубоко волновало и беспокоило нищенское существование народа, трагическая судьба его языка и культуры. Часто он сам себе задавал вопросы: «У других народов была же своя письменность. Почему же ее нет у родного мне племени чуваш?» [6, 105]. В семье управляющего имениями княгини Долгоруковой поляка Осипа Косинского Иван Яковлевич впервые увидел, что у поляков, как и у других образованных народов, существует книга на их родном языке. «Почему же, думалось мне, – вспоминает Яковлев, – нет таких книг на чувашском языке у чувашей? Мне было досадно и обидно» [6, 107]. И он, накопив немалую сумму денег на землемерской работе, принимает окончательное решение тратить их на получение образования в гимназии и университете с тем, чтобы осуществить свое «стремление дать чувашскому народу возможность читать и писать на чувашском языке» [6, 109]. Таким образом, в 1865 году у семнадцатилетнего юноши определилась великая жизненная цель: посвятить себя делу просвещения и национального подъема родного народа.

Какие же факторы и явления способствовали формированию такого патриотического национального духа одаренного чувашского подростка середины 60-х годов XIX века? Это, во-

первых, семья, в которой он воспитывался с малых лет. Попозже, в 1921 году, в «Завещании родному чувашскому народу», настаивая на том, чтобы беречь семью, патриарх писал: «В семейном счастье – защита от жизненных испытаний. Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды» [6, 600–601]. Истину такого обобщения Иван Яковлевич лично сполна ощущал еще в годы своего детства. Родившись, он сразу же оказался сиротой. Мать умерла на второй или третий день после его рождения. Иван Яковлевич оставил о ней самые добрые высказывания: «Моя мать была, по отзыву всех ее знающих, чрезвычайно умная женщина, одаренная замечательной красотой между чувашами. Она в течение 8-летнего вдовства отлично правила домом, который был одним из первых домов моей деревни, как по зажиточности, так и по значению; на ее руках, кроме ее собственных детей – десятилетнего сына и восьмилетней дочери, оставшихся после [смерти] мужа, – были малолетние дети ее деверя. Она исполняла сама все крестьянские работы, сама пахала, сама ездила на базар и в город продавать хлеб и прочее, умела отлично отделаться, когда один из родственников хотел завладеть домом, и держаться…»*. Все эти положительные качества матери, несомненно, по крови передались ее сыну Ивану. Но малютке не удалось почувствовать ласку родившей ее женщины, слушать ее колыбельные песни. Сироту приютили родственники –Пахомовы. Приемным отцом Ивана Яковлевича официально считался Пахом Кириллов. В семье Иван называл его дедушкой, а его сына Егора (Андрея) – отцом. Жена Пахома Кириллова – Авдотья Васильевна – была родной сестрой матери Ивана Яковлева – Анастасии Васильевой. К этой семье патриарх в течение всей жизни питал самые теплые, добрые чувства. Это подтверждают строки из его воспоминаний: «В семье этой меня не обижали, относились как к родному ребенку» [6, 50]. «Семья Пахомовых была трезвая, работящая. Меня приучали ко всякой работе» [6, 63]. Прожив в Кошках до восьми лет, Иван Яковлев получил достойное трудовое воспитание. Рано научился он плести лапти, «плел их на себя и других». Трудился на пчельнике. Активно помогал членам семьи в проведении сельскохозяйственных работ: бороновал, косил, жал. Отлично справлялся мальчик со всеми поручениями и обязанностями. «Часто по ночам я пас лошадей с другими мальчиками деревни Кошки, – пишет он в своих мемуарах, – ездил со старшими в город Тетюши летом и осенью, когда туда возились для продажи огурцы, картофель. Бороновал поле, сидя верхом на лошади, жал рожь, косил. Водил лошадей на водопой. Будучи еще небольшим

* Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева. Фонд А. И. Кондакова. Папка I. Л. 6.

мальчиком, я дошел до того, что дожинал в день до 100 снопов – один. С лета 1860 года уже пахал по целым дням: сеял рожь Егор–Андрей, а я запахивал. Помню, как от усталости (соха качается) у меня при еде во время отдыха дрожали руки. Это было тогда, когда в деревне Кошки я дня три-четыре подряд пахал. По окончании в 1860 году курса училища в Бурундуках, т. е. когда мне было лет 12, я впервые, явившись на родину в Кошки, пахал самостоятельно» [6, 63]. Пахомовы-старшие вели трезвый, честный, деликатный, высоконравственный образ жизни, щедро передавая эти положительные черты свои молодому поколению, в том числе и приемному сыну Ивану. Попозже, будучи учеником Бурундуковского училища, нашему герою также посчастливилось жить в порядочной русской семье Мушкеевых. Здесь он получал дальнейшие трудовые навыки, работая в доме и в поле. Сам глава семейства Гаврила Иванович, хотя не имел достаточного образования, но был строг к себе и другим, справедливый, честный, трудолюбивый, способный и талантливый человек. Относился он к чувашскому мальчику всегда ласково, по-отечески, как к ребенку, никогда не наказывал, всячески приучал его к работе. Иван любил ездить по ночам с Гаврилой Мушкеевым ловит в Свияге рыбу на маленьких лодках, так называемых «бударках». Влияние этой русской семьи на чувашского мальчика было самое хорошее, здоровое, благоприятное, русско-православное.

На формирование характера и психологии Яковлева оказали определенное влияние положительные национальные черты родного народа, его традиции и обычаи. О них он пишет с большой любовью и симпатией, гордостью и признательностью: «У чуваш есть много хорошего, чему могли бы поучиться и русские. Например, у них замечается какая-то особенная, бог весть откуда-то дошедшая до них (не от предполагаемых ли предков их – евреев, хазар?) *деликатность* во взаимных сношениях. Чуваши избегают сказать кому-либо грубость, что-либо обидное, унижающее, оскорбительное» [6, 65]. К отличительной, примечательной черте родного народа Иван Яковлевич относит также *милосердие, доброделание:* «если остаются сироты, то их разбирают по домам, воспитывая наравне со своими родными детьми» [6, 48]. Чувашская община никогда не оставляла сирот. Так и малютка Иван, после смерти матери вследствие тяжелых родов, был усыновлен односельчанами. А соседка-чувашка из милосердия стала кормить ребенка грудью, не беря за это вознаграждения и платы. Иван Яковлевич чувство милосердия, которое он с ранних лет испытал на себе, потом, повзрослев, в течение всей жизни передавал другим людям, нуждающимся в

этом. постоянно давал он возможную милостыню бедным, обездоленным и несчастным. Еще в первые годы трудовой деятельности, работая мерщиком в Сызрани, Яковлев, «желая следовать Евангелию, тихонько, незаметно подкладывал деньги нищим» [6, 110]. Впоследствии это у него превратилось в норму. Еще одним качеством своих соплеменников патриарх считал *целомудрие, боязнь соблазнов, ведение трезвого образа жизни.* Стыдливость у чувашей имеет многовековые корни. «Во время моего детства и юности разврата среди чувашей не замечалось, – вспоминает автор очерка, – хотя многие жили, не венчаясь в церкви, как мужья и жены… В деревне Кошки пьянства не существовало. Если были личности, злоупотреблявшие вином, водкой, пивом, то на них все указывали пальцами с укором. Пили водку по праздникам, только рюмками, в ограниченном количестве» [6, 65]. *Честность,* на взгляд патриарха, также является важной стороной чувашского менталитета. По его утверждению, «честность в те времена среди чувашских крестьян была удивительная. Все лежало и хранилось без запоров. Тем не менее краж почти совсем не было» [6, 65]. В числе отличительных черт чувашей Иван Яковлевич называет также *развитое чувство родственности и гостеприимство.* Все эти качества народа ярко проявлялись в характере самого просветителя.

С добрым словом говорит Яковлев о традициях и обычаях своих соплеменников, которые оставили неизгладимый светлый след на его личности. Самым красивым и светлым, зрелищным праздником у чувашей является хоровод. «В первых числах мая, по окончании яровых посевов, к Николе, – пишет Иван Яковлевич, – начинались в деревнях (в том числе и нашей) хороводы с песнями, танцами, играми – в одном или одновременно в нескольких местах деревни. …С вечера начинали петь те песни, что пелись в то же время в прошлом году. По окончании пения этих песен … начиналось творчество, импровизация песен. В импровизации участвовали и парни, и девушки. Пели в унисон» [6, 68]. В хороводных песнях широко раскрывались внешняя и внутренняя красота человека, значение прекрасного в жизни. Они являлись комплексным средством развития эстетических вкусов у детей и молодежи. Мотивы песен-импровизаций, как признал Иван Яковлевич, «трогали и его» [6, 68]. В чувашских песнях, слышанных им в детстве, он находил много оригинального, необычного, особенного, в основе их всегда видел поэтическую картину, отмечал их глубоко религиозный, целомудренный, нравственный характер [6, 70].

Если хороводы организовывались на стыке весны и лета, то на остальные времена года у чувашей были другие праздники. Это

– в июне – два языческих обряда, называемые учуками, также агатуй, считающийся праздником плуга и весны, в октябре – «хĕр сăри» («девичье пиво»), накануне Нового года – особые празднества с плясками и т. д. Во всех этих народных мероприятиях активное участие принимали юноши и девушки, подростки и дети, в том числе и молодой Яковлев. Эти обычаи оказали на него глубокое духовное и нравственное воздействие. Они прививали ему любовь к прекрасному, вырабатывали у него эстетические взгляды и вкусы, развивали патриотические чувства.

На сознание и поведение подростка Ивана Яковлева оказывала комбинированное воздействие природа. Его детству присуще самозабвенное слияние с природой. И ветер, и дождь, и молния, и гром, и звуки, и запахи трепетно врываются в его юную душу. Патриарх в течение всей сознательной жизни сохранил самую горячую любовь к связанным с его детством местам – Кошкам, где он родился и жил до 8 лет, и Бурундукам, где учился и получил первое, начальное образование. Он в своих мемуарах констатировал: «Впоследствии я с удовольствием посещал Бурундуки, хотя и не с тем чувством, как мою родину, деревню Кошки. Если Кошки я оставил со слезами, то Бурундуки – с грустью» [6, 75]. Свои отношения с родной природой он никогда не прерывал. «В детстве, до школы, – писал Иван Яковлевич, – на меня сильное впечатление производила природа. Я особенно любил лес. Любил посещать наш пчельник с дедушкой Пахомом. Любил выходить на высокую (сажен около 100 высот) гору, находившуюся около деревни Кошки, чтобы оттуда смотреть на окрестности. И впоследствии, посещая мою родную деревню, я любовался видами, открывавшимися с этой горы» [6, 71]. Незабываемыми, впечатляющими моментами осталось в памяти Яковлева то, как он, малолетний мальчик, шел за косарями, которые, встав в ряд, косили сено на лугу, ходил около леса и собирал землянику, играл на пасеке, приносил находящемуся там дедушке воду, плел лапти, выполнял другие его поручения. Все было привлекательно, все захватывало внимание, все было радостно для юного сердца в родимой деревне. Дальнейшее развитие получила у Ивана Яковлевича любовь к природе, взаимовлияние ее на него в годы учебы в Бурундуках. Дороги были для чувашского мальчика Свияга, где он ловил раков и рыбу, кустарник за рекой, куда он добирался через огромную плотину у водяной мельницы для совершения прогулок, луга за селом, где он любил пускать змеев и т. д.

Стержневым фактором в формировании духовности Яковлева послужила религия. В первое время у него с этим делом еще все было стихийно. Так, в раннем детстве в доме Пахомовых он

совершал поминальный обряд механически, слепо следуя примеру старших. Неосознанно ходил он также молиться, поклоняться старым дуплистым вязам, стоявшим группою на опушке леса, как священным деревьям. Во время учебы в Бурундуках Иван Яковлевич мог зубрить наизусть весь текст катехизиса Филарета, ровно ничего не понимая из него. Живя в доме Мушкеевых, «безотчетно подражал» молящимся ночами двум больным старухам. По мере взросления, накапливания знаний в школе, а также в процессе самообразования у него расширяется мировоззрение, и его отношение к религии все сильнее и сильнее приобретает осознанный характер. В этом плане на него сильное влияние оказывают таже набожная семья Мушкеевых, в которой он жил, и воспитанник Бурундуковской школы Николай Михайлов, доходчиво раскрывавший суть Закона Божия на чувашском языке. «В доме у Мушкеевых, – вспоминает Яковлев, – имелась книга «Чтение из четырех Евангелистов», с выборками некоторых мест из Евангелия, напечатанная по-русски… При чтении вышеупомянутой книги в доме Мушкеевых меня особенно трогали те места, где говорилось о молитве, о любви, о милосердии, о сеятеле… На третьем-четвертом году моего пребывания в школе я уже понимал значение таких евангелевских повествований. Отсюда впоследствии явилось во мне убеждение в пользе церковной службы, чтения Евангелия как средства воспитания юношества. Мне приходилось читать по очереди с другими учениками училища в Бурундуковской церкви Псалтырь» [6, 94–95]. В 1864–1865 годах, в период работы мерщиком в Сызрани, набожные чувства будущего патриарха получили дальнейшее развитие. Он ходил в церковь на утренние службы, стремился тайно давать милостыню бедным. «Иногда у меня бывал особый прилив молитвы, – сообщает он, – я горячо молился богу, чтобы он путем страдания укрепил мои силы для будущего подвига. (Какой это будет подвиг, я и сам себе тогда не отдавал ясного ответа)» [6, 95]. Находясь в 1866–1867 годах в ссылке в Алатыре, Яковлев аккуратно посещал мужской монастырь, где хорошо пели, а также изредка посещал церковь женского монастыря. Продолжал привычку к соблюдению постов, начатую еще в семье Мушкеевых, аккуратно донеся ее до поступления в гимназию.

В поведении и психологии подростка Ивана Яковлева, как и у его сверстников-соплеменников, наблюдались и отрицательные национальные черты, к которым относились, в частности, вспыльчивость и упрямство. Сдерживая в себе их по мере возможности, он старался развить в своем характере прогрессивные качества родного народа. В их числе –

исключительное трудолюбие, выносливость и терпеливость, упорство и настойчивость, неунываемость, чистота нравов, любовь к родному краю и т. д. Благодаря таким благородным качествам своего характера, он успешно преодолевал сложности и препятствия, встретившиеся на начале его жизненного пути, такие как ужасающие картины истязаний и пыток малолетних воспитанников школ их старшими коллегами; оскорбительные выпадки слепой русской старушки в адрес мальчика из Кошек, презрительно назвавшей его «чувашонком», пихая его сзади ногой; преднамеренные пренебрежительные отношения чиновников к его заявлениям и просьбам и т. д. Все это он, обладающий добрыми национальными качествами, выдержал и вытерпел, не спасовал перед трудностями, не унывал. Усердно трудился, не пил, не курил, не играл в карты, сэкономив деньги, купил себе шубу и тулуп, копил сбережения на оказание милостыни бедным и на осуществление перспективных целей. Закалял себя духовно и физически. От мельника-колдуна научился заговаривать кровь, умел брать в рот на зубы стекла, дробить их зубами, есть. Такие фокусы, как он сам признавался потом, «укрепляли уверенность в силе его воли» [6, 105]. Упорно занимался Яковлев по самообразованию. Он хорошо понимал, что для того, чтобы чего-либо добиться, надо быть высокообразованным человеком. В годы работы мерщиком у подростка Яковлева цели жизни были окончательно определены, задачи поставлены. Они состояли в том, чтобы сначала поступить и окончить гимназию, потом – университет, и всецело посвятить себя «чувашскому делу», т. е. делу просвещения и национального подъема родного народа. И в труднейших условиях приступил он к осуществлению своих гуманных замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов, С. М. Собрание сочинений / ЧГИГН ; Спиридон Михайлов. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2004. – 510 с.

2. Федоров, М. Ф. Предание чуваш Бичуринского прихода Чебоксарского уезда и способы лечения у них болезней / Михаил Федоров (Хĕветĕр Михали) // Революцичченхи чăваш литератури. Текстсем. I т. (XX ĕмĕрччен). – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2005. – 186 с.

3. Краснов, Н. Г. Никифор Михайлович Охотников: просветитель, педагог : учебное пособие / Н. Г. Краснов, М. В. Максимова. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 2005. – 186 с.

4. Охотников, П. К. Первый ученик Ленина / П. К. Охотников, В. К. Скворцова. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1988. – 71 с.

5. Долгов, В. А. Ученик В. И. Ленина / В. А. Долгов // В. И. Ленин и чувашский народ. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1969. – 140 с.

6. Яковлев, И. Я. Моя жизнь : Воспоминания / И. Я. Яковлев. – М. : Республика, 1997. – 694 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, чувашская детская литература формировалась в последней трети XIX и первой четверти XX века. Первые оригинальные, доступные всем детям в тематико-сюжетном и языково-стилистическом плане рассказы – «Петушок», «Сорока» и «Мельница» – напечатаны в букваре 1872 года. Первая пьеса-сказка «Сармантей» вышла в букваре 1874 года. Первые поэтические произведения для детей – «Сентти», стихи о природе – в рамках поэмы «Нарспи» опубликованы в 1908 году.

В букварях чувашского просветителя авторы произведений не указаны. «В литературной школе Яковлева, – пишет проф. В. Г. Родионов в своем вузовском учебнике (с. 451), – преобладали коллективные формы творчества, что отражалось и в авторском сознании произведений». Тем не менее Иван Яковлевич направлял литературную деятельность их авторов, давал им советы, высказывал пожелания, редактировал эти произведения и издавал. В этих условиях, на наш взгляд, даже и в не написанных им рассказах вполне мог присутствовать в определенной мере авторское «я» И. Я. Яковлева.

Истоки возникновения детской литературы уходят далеко вглубь – к последней трети XVIII века, когда появились в печати первые стихотворения на чувашском языке, написанные детьми, обучающимися в духовных семинариях. В целом, период истоков возникновения чувашской детской литературы охватывает примерно 100 лет. За это время литература по крупицам накапливала силы, постепенно, но уверенно шла к своему формированию.

Каковы же истоки зарождения национальной литературы для детей? Одним из них явилось богатое устное народное творчество. С далеких времен чувашский героический эпос «Улып», народные предания и легенды, песни, загадки, пословицы и поговорки, сказки, скороговорки и другие фольклорные произведения являлись для чувашских малышней источником знаний о прошлом и настоящем своего народа, учебником родного языка. Живая и сочная форма произведений устного поэтического творчества, наличие гуманистических и благородных идей делали их доступными и понятными мальчикам и девочкам с самого раннего возраста. И потому не случайно, что первыми чувашскими писателями широко использовалось богатство фольклора, который, в свою очередь, выступает творческой лабораторией повышения мастерства для начинающих, подсказывая тематику и сюжеты первых произведений для детворы. И, естественно, на начальном этапе истории национальной литературы для детей наблюдаются

характерные для устного народного творчества художественные формы, словесно-изобразительные средства и сюжеты из фольклора, а также прямая обработка народных произведений.

Вторым источником возникновения детской литературы является церковно-христианская литература, которая по инициативе церковников-просветителей В. Г. Пуцек-Григоровича и Дамаскина в конце XVIII века активно начала переводиться на чувашский язык. Переводились катехизисы, молитвы, заповеди, символы веры. Издавались буквари, учебники, словари с христианским уклоном, открывались новые учебные заведения.

Третьим важным источником зарождения детской литературы явилась русская классическая литература. Уже с появления в начале 70-х годов XIX века в букварях Яковлева переводов произведений русской классики начинается широкое ознакомление чувашских детей с лучшими образцами российской литературы. Стихи, сказки, поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, рассказы и сказки Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Короленко, басни И. А. Крылова – таков неполный перечень авторов, чьи произведения зазвучали на чувашском языке. Переводы также являлись своеобразной школой мастерства для чувашских литераторов.

Четвертым источником возникновения литературы для детей явилась сама реальная действительность, социально-экономическая жизнь чувашского народа. Тяжелая жизнь трудового народа, безрадостное детство чувашских детей до революции становилось одной из ведущих тем в чувашской детской литературе.

Какие же факторы способствовали возникновению и формированию национальной литературы для детей? Они следующие:

– *Совершенствование и развитие чувашской письменности.* Время поисков, накапливания сил детской литературы проходило в период старой письменности, основанной на русской графике без учета фонетических особенностей чувашского языка, в результате трудно доступной народу. За этот период чувашский язык пережил 3 алфавита: графику Е. И. Рожанского (1769), состоявшую из 34 букв, алфавит В. П. Вишневского (1832), состоявший из 33 букв, и алфавит Н. И. Золотницкого, состоявший из 32 букв. Формирование же детской литературы состоялось в период новой, понятной всем чувашам письменности, созданной в начале 70-х годов XIX века И. Я. Яковлевым. Новый алфавит за короткое время прошел обкатку в 3 этапа: первый состоял из 47 букв,

второй – из 27 и третий, доведенный до совершенства, – из 25 букв.

– *Открытие И. Я. Яковлевым в 1868 г. в г. Симбирске учительской школы для чувашей,* которая широко развернула работу по подготовке национальных кадров педагогов и деятелей культуры. Школа за годы своего существования выпустила более 1000 учителей.

– *Развитие сети школ в чувашском крае.* Например, с 1876 по 1914 год количество министерских и земских школ в чувашских районах Поволжья дошло до 249, церковно-приходских «братских» (братства святителя Гурия) – до 272. В них обучалось около 27 тысяч детей. Просветителем чувашского народа И. Я. Яковлевым открыто около 40 школ.

– *Обучение в школах на родном языке.* Под влиянием революционных событий Министерством народного просвещения 1 ноября 1907 года были утверждены Правила начальных училищ для инородцев восточной и юго-восточной России. В них родной язык официально признавался языком обучения и воспитания в национальной школе до второго класса включительно. В последующих классах он оставался предметом обучения.

– *Увеличение количества букварей и учебников, переведенных произведений для чувашских детей.* За 107 лет существования старописьменного чувашского языка издано всего 27 книг (включая повторные издания). После введения нового алфавита на основе низового диалекта количество чувашскоязычных книг за период с 1872 по 1917 год достигло 725, в том числе учебников и учебных пособий – 63 названий, церковно-богослужебных книг – 439, научно-популярных – 78, художественных – 55, социально-политических – 90.

– *Создание и совершенствование чувашского литературного языка; собирание и творческая обработка текстов фольклора и т. д.*

В целом, в лучших своих образцах зарождающаяся литература для детей на чувашском языке сделала значительный шаг вперед к началу 20-х годов XX века. Заложила она надежный фундамент для своего дальнейшего профессионального развития.

Введение …… 3
I. Фольклор – золотая колыбель чувашской детской литературы …….. 6
II. Старописьменный период чувашского литературного языка и предыстория возникновения литературы для детей…… 12
III. Создание новой письменности и формирование детской литературы …… 57
IV. Образ ребенка в первых чувашских автобиографических очерках …… 164
Заключение …… 195

Научное издание

Мефодьев Александр Иванович

ЧУВАШСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ I

ИСТОКИ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ

Монография

Редактор А. Е. Горшков

Подписано в печать 28.03.2008.
Формат 60x84/16. Бумага писчая. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38